

902.6(Д)

К73

В. Г. КОТОВИЧ

КАМЕННЫЙ ВЕК ДАГЕСТАНА

МАХАЧКАЛА

1964

302.94
К73

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ им. Г. ЦАДАСЫ

В. Г. КОТОВИЧ

КАМЕННЫЙ ВЕК ДАГЕСТАНА

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

Махачкала
1964

instituteofhistory.ru

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Ответственный редактор: кандидат исторических наук Д. М. АТАЕВ.

31487
Дагестанский филиал
Академии Наук СССР
Научная Библиотека

ВВЕДЕНИЕ

Территория Дагестана оставалась до недавнего времени одной из наименее изученных в археологическом отношении областей Кавказа. Скудные археологические материалы, происходившие преимущественно из равнинных районов, освещали лишь отдельные, не связанные между собой, этапы развития древней и средневековой культуры. Хронологические пробелы в археологических источниках были чрезвычайно велики.

Естественно, что в этих условиях всякая попытка обрисовать исторический путь, пройденный народами Дагестана, и объяснить их происхождение в лучшем случае сводилась к высказыванию более или менее вероятных предположений и догадок. Яркий пример этого дает дореволюционная буржуазная историография, исходившая в своих построениях из того, что территория Дагестана была заселена людьми сравнительно поздно, и объяснявшая наблюдаемую здесь этническую пестроту неоднократными вытеснениями населения равнинных районов в горы. Нетрудно убедиться, что эти построения не имели под собой никаких фактических материалов и являлись по сути дела совершенно бездоказательными. Очевидна и их реакционная сущность, сводившаяся к тому, чтобы лишить народы Дагестана права на собственную историю¹.

Коренной перелом в деле историко-археологического изучения Дагестана произошел в советские годы. Исследованиями Северокавказской археологической экспедиции ГАИМК—ИИМК, проведенными в предвоенные и послевоенные годы, и Дагестанской археологической экспедиции Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР, работавшей в продолжение последних десяти лет, на территории Дагестана обнаружены многочисленные памятники, относящиеся к различным археологическим эпохам, — от эпохи камня до периода позднего средневековья. Некоторые из них подвергались раскопкам.

¹ Р. М. Магомедов. Проблема происхождения народов Дагестана в дореволюционной историографии. Ученые записки ДГУ им. В. И. Ленина, т. VI, Махачкала, 1960, стр. 37—56.

Новые археологические материалы явились надежным источником наших знаний об уровне социально-экономического и культурного развития народов Дагестана в различные исторические эпохи. Основываясь на них, стало возможным наметить главные вехи на пути культурно-исторического и этнического развития населения Дагестана², а также приступить к глубокому всестороннему изучению конкретного исторического содержания отдельных периодов древности и средневековья.

Первые шаги в этом направлении были сделаны А. П. Кругловым, а затем Р. М. Мунчаевым, подытожившими результаты довоенных и послевоенных археологических исследований на территории Дагестана и охарактеризовавшими на их основе хозяйство, культуру и быт местного населения в медно-бронзовом веке³.

В настоящее время эта работа проводится в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР. Добытые за последние годы археологические материалы положены в основу новых исследований, посвященных отдельным периодам древней и средневековой истории Дагестана. Эти исследования должны послужить основой для создания капитального, обобщающего труда по древней истории народов Дагестана, призванного с марксистских позиций осветить пути их социально-экономического и этнокультурного развития на протяжении тысячелетий.

К числу таких исследований относится и данная работа, выполненная автором по плану Института истории, языка и литературы Даг. ФАН СССР в 1956—1960 гг. Она посвящена каменному веку Дагестана — начальным, древнейшим периодам его истории, практически оставшимся до сих пор совершенно неизученными. Необходимость специального исследования данной темы совершенно очевидна, ибо этим самым восполняется один из наиболее значительных как в хронологическом, так и в культурно-историческом отношении пробелов в дагестанской археологии.

Неизученность каменного века Дагестана была обусловлена почти полным отсутствием выявленных памятников этого времени на его территории. Вследствие этого, разработке данной темы предшествовала многолетняя работа по выявлению памятников каменного века в разных районах республики и изучению добытых материалов.

В настоящее время здесь стало известно более 35 местонахождений и стоянок, относящихся к различным периодам каменного века. Все они,

---

² Очерки истории Дагестана. Т. 1, Махачкала, 1957, стр. 5—36; В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. (Итоги и проблемы). Ученые записки Института ИЯЛ, т. VIII, Махачкала, 1960, стр. 333—363.

³ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, № 68, 1958; Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. (Автореферат диссертации). М., 1953; его же. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961.

за исключением трех памятников⁴, обнаружены и исследованы южным и 1-м горным отрядами Дагестанской археологической экспедиции, работавшими под руководством автора в 1953 и 1955—1959 гг. Материалы этих памятников легли в основу предлагаемого исследования.

Большинство выявленных памятников представляют собой открытые местонахождения, материалы которых (преимущественно, каменные изделия) находятся в переотложенном состоянии непосредственно на современной поверхности. Наряду с ними обнаружено несколько стоянок, культурные слои которых дали богатый материал, характеризующий не только уровень развития кремневой индустрии, но также знакомый с природным окружением древних обитателей этих стоянок, с некоторыми сторонами их быта.

Материалы этих памятников относятся к различным этапам каменного века: нижнему и верхнему палеолиту, мезолиту и неолиту. Они открывают перед нами совершенно новую, неизвестную ранее страницу древней истории Дагестана, начинающуюся со времени появления человека на его территории и заканчивающуюся знакомством дагестанских неолитических племен с металлургией меди, знаменующим собой конец эпохи камня и переход к новому, более высокому этапу их исторического развития.

Этот огромный исторический период насыщен богатым содержанием. Он прошел в исключительно тяжелой борьбе человека с природой. Первобытный человек, как отмечал В. И. Ленин, был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой⁵. Будучи первоначально бессильными перед ее силами и подчиненными им, люди каменного века с течением времени познали и поставили себе на службу некоторые явления природы, начав с освоения огня и сделав в конце каменного века первый важный шаг на пути к господству над нею, освоив первобытное земледелие и скотоводство.

Важнейшую решающую роль в этом процессе сыграла трудовая, производственная деятельность человека. Именно труд с помощью специально изготовленных орудий способствовал успешному преодолению многочисленных трудностей в борьбе человека с природой и освобождению от ее пут. В процессе трудовой деятельности возникла и развилась речь, постепенно изменялась биологическая природа самого человека, что привело к формированию современного физического типа людей. Значение труда в этом процессе классически определил Ф. Энгельс, охарактеризовавший его как «первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»⁶.

⁴ Исключение составляют мустьерское местонахождение у совхоза им. Красных партизан (Геджух), открытое М. З. Паничкиной, и раннеолитические стоянки у гг. Махачкалы и Буйнакса, обнаруженные В. И. Марковиным.

⁵ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 5, стр. 95.

⁶ Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, М., 1949, стр. 70.

В процессе труда складываются и эволюционируют общественные отношения, развивавшиеся от начальных, примитивных форм первобытного общества эпохи нижнего палеолита, к родовому строю и родо-племенной организации верхнепалеолитической эпохи, к расцвету первобытно-общинного строя в мезолите и неолите.

Наконец, в каменном веке формируются отдельные элементы искусства, с тех пор непрерывно развивающиеся на всем протяжении последующего культурно-исторического развития человечества.

Из этого далекого не полного перечня важнейших достижений, происшедших на ранних этапах первобытного общества, мы видим, что истоки многих явлений социально-экономической, культурной и этнической истории человечества уходят своими корнями в эпоху камня. Отражение некоторых из них мы наблюдаем и в материалах дагестанских памятников этой эпохи.

Изучение этих материалов представляет и специальный интерес, выходящий за рамки собственно дагестанской истории и археологии. Как известно, сведения о палеолите, также как и о других периодах каменного века отсутствовали половины Кавказа до недавнего времени почти совершенно отсутствовали⁷.

Материалы дагестанских памятников, наряду с выявленными в послевоенные годы следами деятельности первобытного человека на территории Азербайджана⁸, существенным образом восполняют этот пробел. При этом ход развития культуры на Восточном Кавказе отражен в дагестанских материалах на более значительном отрезке интересующей нас эпохи. Данное обстоятельство позволяет уже сейчас охарактеризовать Дагестан как одну из весьма перспективных в отношении памятников каменного века областей Кавказа.

Из всего круга вопросов, связанных с изучением каменного века, основное внимание в данной работе уделено анализу кремневого инвентаря (главным образом, — орудий труда), происходящего из разновременных дагестанских памятников этой эпохи. Важность «останков средств труда» для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций исчерпывающе раскрыта К. Марксом⁹. При изучении каменного века значение и важность орудий труда еще более возрастает, ибо они являются основным, а чаще всего и единственным видом источников, которым мы располагаем для освещения древнейших периодов истории. Наблюдения над развитием каменного инвентаря в различные периоды

⁷ С. Н. Замятин. Изучение палеолитического периода на Кавказе на 1936—1948 гг. «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, М.—Л., 1950, стр. 136.

⁸ С. Н. Замятин. Разведки по каменному веку в Азербайджане осенью 1953 г. Тр. ин-та истории АН Аз. ССР, т. XIII, Баку, 1958, стр. 5—17; М. М. Гусейнов. Пещера каменного века на Айведдаге. Доклады АН Аз. ССР, т. XV, № 11, Баку, 1959, стр. 1071—1076; его же. Мустьерская стоянка в пещере Дашсалахлы. Известия АН Аз. ССР, сер. обществ. наук, Баку, 1959, № 6, стр. 17—32; В. П. Любин. К вопросу об изучении древнего палеолита Азербайджана. «Вопросы антропологии», вып. 3, изд. МГУ, 1960, стр. 99—105.

⁹ К. Маркс. Капитал, т. I, 1955, стр. 187.

данной эпохи позволяют проследить непрерывный, хотя и чрезвычайно медленный рост технической вооруженности первобытного человека в его борьбе с природой, рост производительных сил первобытного общества.

С другой стороны, сравнительное изучение каменного инвентаря дагестанских памятников дает возможность определить их возраст и место среди синхронных памятников других областей Кавказа, установить характерные особенности представленной в них культуры, ее территориальные связи и хронологическую преемственность. Иными словами, эволюция каменного инвентаря отражает не только общие закономерности развития кремневой индустрии, но также проливает свет на некоторые явления конкретной исторической действительности, имевшие место на длительном пути этнокультурного развития населения территории Дагестана в различные периоды каменного века.

Таким образом, предлагаемая работа ставит своей задачей создать хронологическую классификацию имеющихся материалов эпохи камня и на этой основе охарактеризовать последовательные этапы развития культуры древнейших насельников Дагестана, установить, где это возможно, преемственную связь между отдельными этапами и, таким образом, воссоздать в самых общих чертах ход исторического процесса на данной территории в рассматриваемую эпоху. Помимо этого, она вводит в научный оборот новые материалы, являющиеся важными источниками по древнейшей истории Дагестана и Кавказа в целом.

Работа начинается с краткого очерка истории изучения памятников каменного века на территории Дагестана. За ним следует обзор данных естественных наук, характеризующих природные условия края в четвертичном периоде. Три последующих главы освещают развитие культуры древнейших насельников Дагестана в нижнем палеолите, верхнем палеолите и мезолите и, наконец, в неолите. В заключение подводятся некоторые итоги.

Характеризуемые в данной работе материалы хранятся в гор. Махачкале, в фондах Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Обработка их производилась автором на месте, в стенах этого института. Наиболее интересные комплексы и отдельные находки неоднократно демонстрировались на пленумах Института археологии АН СССР, посвященных итогам полевых исследований, а также на заседаниях сектора палеолита Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

Подготовленная к изданию работа также обсуждалась на заседании сектора палеолита Института археологии АН СССР, где автору были сделаны ценные замечания, учтенные в окончательном варианте.

В процессе изучения материалов из памятников каменного века Дагестана и в ходе подготовки данной работы к изданию автор получал ценные консультации и помощь от специалистов-палеолитоведов из центральных научных учреждений. Всем им, а особенно С. Н. Замятину,

П. П. Ефименко, М. З. Паничкиной, А. Н. Рогачеву, В. П. Любину и А. А. Формозову автор выражает глубокую благодарность.

Изучение каменного века Дагестана только начинается. Данная работа является лишь первым шагом в этом направлении. Она представляет собой сводку известных здесь в настоящее время материалов. В ней делается попытка охарактеризовать древнейшие периоды истории Дагестана и отразить наиболее общие закономерности развития культуры на данной территории в каменном веке. В дальнейшем предстоит проделать значительную работу по накоплению новых материалов, в первую очередь из малоизученных в отношении памятников каменного века районов Дагестана, заполнению пробелов и уточнению предложенной периодизации, более глубокому изучению конкретного содержания отдельных эпох каменного века. Все это, несомненно, откроет новые возможности для освещения многих пока еще неясных вопросов древнейшего прошлого Дагестана.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ОЧЕРК ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА ДАГЕСТАНА

Изучение каменного века Дагестана началось сравнительно недавно, — уже в советское время. Нельзя, однако, сказать, что в дореволюционный период, когда было положено начало археологическому изучению Дагестана¹, не предпринималось никаких шагов и в этом направлении. Правда, дореволюционные исследователи (преимущественно — историки) в преобладающем большинстве своем являлись сторонниками широко распространенного в ту пору мнения о весьма позднем заселении людьми территории Дагестана². Однако некоторые из них уже тогда ставили задачей отыскание здесь следов деятельности первобытного человека.

В числе таких исследователей следует назвать в первую очередь А. В. Комарова, который в продолжение своей 19-летней административной деятельности на Кавказе в 60—70 гг. XIX века уделял много внимания сбору этнографических и археологических материалов в Дагестане³. Он первым обратил внимание и на дагестанские пещеры, как на возможные объекты археологического изучения. Им собраны сведения о 14 пещерах, расположенных в различных пунктах Дагестана, и об их пригодности для обитания человека⁴.

Первые попытки отыскать следы деятельности первобытного человека на территории Дагестана были предприняты в 1880 г. в связи с подготовкой к проведению V археологического съезда. С этой целью председателем подготовительной комиссии сюда был специально командирован горный инженер Штейн. Главная задача его поездки заключалась в осмотре пещер для «разыскания в них следов пребывания первобытного человека»⁵. Им было осмотрено 5 пещер, в большинстве своем упомянутых в сводке А. В. Комарова. Однако ни в одной из них

¹ Подробнее об этом см. Р. М. Мунчаев. К истории археологического изучения Дагестана. МАД, т. 1, Махачкала, 1959, стр. 9—20.

² Р. М. Магомедов. Проблема происхождения народов Дагестана в дореволюционной историографии. Уч. зап. ДГУ им. В. И. Ленина, т. VI, Махачкала, 1960, стр. 37—56.

³ Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 11—12.

⁴ А. В. Комаров. Пещеры и древние могилы в Дагестане. Пятый археологический съезд в Тифлисе. I. Труды предварительных комитетов. М., 1882, стр. 432—436.

⁵ Штейн. О пещерах и могилах в Дагестане. Пятый археологический съезд в Тифлисе. I. Труды предварительных комитетов. М., 1882, стр. 473.

ему не удалось обнаружить никаких следов деятельности первобытного человека ⁶.

В том же 1880 г., в период подготовки к V археологическому съезду, в Дагестане побывал известный русский археолог А. С. Уваров, посетивший раскопки курганов в окрестностях Дербента. Заинтересовавшись этими памятниками, интерпретации которых он, кстати сказать, посвятил свой доклад на съезде ⁷, А. С. Уваров оценил также и значение расположения Дагестана на одной из важнейших коммуникаций древности, проходившей через Дербентский проход по западному побережью Каспийского моря. Придавая данному обстоятельству исключительно важное значение, он вскоре после съезда выступил инициатором специального археологического обследования территории Дагестана. Задача этого обследования была сформулирована им следующим образом: «Допуская, что через Кавказский перешеек происходило движение народов из Азии в Европу, весьма естественно, что это движение совершалось не через центральные перевалы главного хребта, а по более удобной местности вдоль западного берега Каспийского моря, вследствие чего возможно думать, что в восточной части перешейка могут найтись скорее всего следы, оставленные двигавшимися переселенцами и такие следы, — быть может остатки палеолитического каменного века (подчеркнуто мною, В. К.), — всего вероятнее скрываются в пещерах Дагестана» ⁸.

Для осуществления этой задачи Московское археологическое общество, возглавлявшееся А. С. Уваровым, совместно с Русским географическим и Петербургским археологическим обществами организовали поездку в Дагестан видного русского ученого, академика Д. Н. Анучина.

В продолжении 10 недель Д. Н. Анучин собирал сведения об археологических памятниках, расположенных в различных пунктах Дагестана, и лично обследовал многие из них, объехав с этой целью значительную часть его территории. Помимо этого, им собраны этнографические и фольклорные материалы.

Большое внимание Д. Н. Анучин уделял поискам следов каменного века в Дагестане. Среди обследованных им археологических памятников было около 20 пещер и гротов. Однако ни в одном из них он не обнаружил признаков деятельности первобытного человека. Основываясь на этом, а также придавая серьезное значение факту отсутствия в местных преданиях поверий о «громовых стрелах», он выразил сомнения в возможности отыскания в Дагестане следов каменного века. В обоснование этого мнения Д. Н. Анучин высказал предположение о том, что «Кавказ был заселен позднее других азиатских местностей

⁶ Там же, стр. 473—482.

⁷ А. С. Уваров. Курганы с расчленением близ Дербента. Труды пятого археологического съезда. М., 1887. Приложения, стр. 61—75.

⁸ Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. ИРГО, т. XX, вып. 4, СПб; 1884, стр. 366.

и племенами, уже знакомыми с употреблением не только бронзы, но и железа»⁹.

Несмотря на то, что данное предположение, точнее — вывод Д. Н. Анучина вызвал возражения его современников, в частности, А. С. Уварова¹⁰, поиски памятников каменного века на территории Дагестана в дореволюционный период больше не возобновлялись.

Коренной перелом в изучении истории нашей страны произошел после Великой Октябрьской социалистической революции. Яркой иллюстрацией этому является Дагестан, всестороннее научное изучение которого по-настоящему началось вскоре после установления Советской власти. При этом большое внимание обращалось на освещение истории его народов, в том числе ее древних периодов.

Археологические исследования, проведенные в Дагестане за годы Советской власти, сделали достоянием науки многочисленные и разнообразные памятники древности, материалы которых значительно расширили наши представления о далеком прошлом населявших его племен и народов, их хозяйстве, быте и культуре в различные исторические эпохи¹¹.

Однако нельзя не отметить, что в довоенные годы выявлению следов каменного века в Дагестане не уделялось должного внимания, хотя именно в это время в других областях Кавказа были достигнуты в этом направлении исключительно важные результаты. В 20—30 годах советскими учеными С. Н. Замятинным и Г. К. Ниорадзе был исследован ряд важных палеолитических памятников в Закавказье¹² и на Северном Кавказе¹³. На материалах стоянок Западного Закавказья С. Н. Замятинну удалось раскрыть своеобразие верхнепалеолитических культур юга нашей страны, разработать их периодизацию¹⁴. Им же была разработана в эти годы методика выявления и изучения палеолитических местонахождений открытого типа¹⁵, поныне с успехом применяемая советскими исследователями.

⁹ Там же, стр. 449.

¹⁰ «Древности». Тр. МАО, т. 9, вып. II—III, М., 1883. Протоколы (протокол № 199 от 21 сентября 1882 г.), стр. 44.

¹¹ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. Ученые записки Института ИЯЛ, т. VIII, Махачкала, 1960, стр. 322—364.

¹² С. Н. Замятин. Новые данные по палеолиту Закавказья. СЭ, 1935, № 2; его же. Пещерные навесы Мгвиеви близ Чиатуры. СА, III, 1937; его же. Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937; Г. К. Ниорадзе. Палеолитический человек из Девис-Хврели (на груз. яз.). Тр. ГМГ, т. VI, Тифлис, 1933; его же. Палеолит Грузии. Тр. II международной конференции АИЧПЕ, т. V, М.—Л. — Новосибирск, 1934; его же. Кавказский древнекаменный век (на груз. яз.). Тр. Тбилисского Гос. университета, т. VI, 1937.

¹³ С. Н. Замятин. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения. Тр. II Международной конференции АИЧПЕ, т. V, М.—Л. — Новосибирск, 1934; его же. Навалишенская и Ахштырская пещеры на Черноморском побережье Кавказа. БКИЧП, № 6—7, М.—Л., 1940.

¹⁴ С. Н. Замятин. Новые данные по палеолиту Закавказья, стр. 116—118.

¹⁵ С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии, стр. 5—6.

В целом, результаты довоенных исследований по каменному веку Кавказа, охвативших огромный хронологический диапазон — от раннего ашеля до неолита, навсегда покончили с господствовавшими в недавнем прошлом представлениям о якобы позднем заселении людьми его территории. Они выдвинули Кавказ среди других областей нашей страны как чрезвычайно перспективную в археологическом отношении область, особенно богатую разновременными памятниками каменного века.

На фоне этих исследований, охвативших преимущественно западную часть территории Кавказа, особенно контрастно выступала неизученность памятников каменного века его восточной части (Азербайджана, Дагестана и Чечено-Ингушетии). Стремясь ликвидировать создавшееся положение, руководство Северокавказской экспедиции ИИМК, производившей в конце 30-х годов археологические исследования на Северо-Восточном Кавказе, привлекает к участию в работе специалиста-палеолитоведа М. З. Паничкину. Результаты этого не замедлили сказаться. В итоге разведывательных работ, проведенных в 1939 году М. З. Паничкиной, в южном Дагестане были обнаружены впервые для Восточного Кавказа следы палеолитической культуры.

В предварительном сообщении о результатах работы экспедиции А. П. Круглов указывает два пункта находок палеолита: сел. Каякент и совхоз Геджух¹⁶. Однако, по словам М. З. Паничкиной, верхнепалеолитический возраст кремневых пластин, найденных близ сел. Каякент, впоследствии не подтвердился. Что же касается геджухских находок, то их достоверность не подвергается сомнению.

Среди собранных М. З. Паничкиной в окрестностях совхоза Геджух архаических отщепов и пластин специальный интерес представляет один отщеп, несущий на себе характерные признаки мустьерской техники. Данный отщеп, к сожалению, утерянный во время блокады Ленинграда, привлек к себе внимание специалистов, что нашло отражение и в литературе¹⁷.

Значение геджухской находки определяется тем, что она впервые подтвердила вероятность существования палеолитической культуры на территории Дагестана и тем самым поставила на реальную основу вопрос об организации здесь систематических поисков следов пребывания и деятельности палеолитического человека. Однако дальнейшему разветвлению столь успешно начатых в этом направлении работ помешала разразившаяся вскоре Великая Отечественная война.

Послевоенный период ознаменовался серьезными достижениями

¹⁶ А. П. Круглов. Археологические работы на Северном Кавказе. КС ИИМК, V, 1940, стр. 65.

¹⁷ С. Н. Замятин. Изучение палеолитического периода на Кавказе в 1936—1948 гг. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2, М.—Л., 1950, стр. 135—136.

в деле археологического изучения Дагестана, в том числе и в изучении памятников каменного века.

Уже в первом послевоенном археологическом сезоне, в 1947 году Северокавказской экспедицией ИИМК были обнаружены в окрестностях г. Махачкалы, близ с. Тарки следы эппалеолитической культуры¹⁸. Правда, эти находки были слишком немногочисленны, чтобы по ним составить представление о характере выявленной здесь культуры. Но они привлекли внимание исследователей к данному району.

Следствием этого явилось тщательное обследование В. И. Марковиным окрестностей г. Махачкалы, в ходе которого наряду с другими памятниками им была выявлена в урочище Тарнаир развешанная неолитическая стоянка. В результате систематического обследования упомянутого урочища в 1948—1954 гг. В. И. Марковиным была собрана, и впоследствии опубликована богатая коллекция разновременных находок¹⁹, в том числе значительный комплекс неолитических изделий²⁰, позволивший впервые составить представление о характере неолитической культуры приморского Дагестана.

В 1954 году тем же В. И. Марковиным совместно с Н. Г. Полихрониди обнаружена в окрестностях г. Буйнакса еще одна неолитическая стоянка, материалы которой обнаруживают сходство с тарнаирскими²¹.

Начиная с 1953 года и ежегодно изучением памятников каменного века занимается археологическая экспедиция Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР. Первоначально работы экспедиции в этом направлении носили эпизодический, разведывательный характер, но вскоре выявление и изучение памятников каменного века стало главной задачей одного из отрядов экспедиции, а именно — 1-го горного отряда. В результате многолетних работ отряда в разных пунктах приморского и горного Дагестана были обнаружены довольно многочисленные местонахождения и стоянки, относящиеся к различным периодам каменного века.

В 1953 году в процессе работы южного отряда ДАЭ²² неподалеку от совхоза Геджух удалось обнаружить новое нижнепалеолитическое местонахождение, расположенное в урочище Чумус-иниц, на границе Кайтагского и Дербентского районов. В 1954²³ и 1957²⁴ гг. здесь произ-

¹⁸ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, № 23, 1951, стр. 211.

¹⁹ В. И. Марковин. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан). КС ИИМК, 67, 1957, стр. 117—125.

²⁰ В. И. Марковин. Неолитическая стоянка близ Махачкалы. МАД, т. I, Махачкала, 1959, стр. 21—30.

²¹ В. И. Марковин и Р. М. Мунчаев. Неолитическая стоянка близ г. Буйнакса (Дагестан). КС ИИМК, 67, 1957, стр. 78—82.

²² Отряд работал в следующем составе: В. Г. Котович — нач. отряда, М. М. Исаков — ст. инспектор по охране памятников Министерства культуры ДАССР, Х. Х. Рамазанов — аспирант ИИЯЛ, Я. П. Скрипников — художник.

²³ Сборы автора.

²⁴ Сборы автора совместно с А. Р. Шихсаидовым.

водились дополнительные сборы. В итоге этих работ в нашем распоряжении оказалась довольно богатая коллекция разнообразных каменных изделий, большинство которых несет на себе характерные признаки мустьерской техники, а некоторые имеют ашельский, клектонский облик.

В 1954 г. производились сборы на выявленном М. З. Паничкиной местонахождении у совхоза Геджух²⁵, давшие небольшую, но достаточно выразительную коллекцию мустьерских изделий.

В том же году в окрестностях ст. Белиджи (Дербентский р-н) при строительных работах была обнаружена чаша из кости мамонта, переданная в 1957 году сотрудникам 1-го горного отряда ДАЭ. Эта уникальная находка документирует заселенность данного района в верхнем палеолите.

Новые материалы окончательно подтвердили весьма глубокую, восходящую к эпохе нижнего палеолита древность заселения территории южного Дагестана. Благодаря им стало возможным впервые составить представление о мустьерской культуре Северо-Восточного Кавказа, ознакомиться с ее характерными особенностями, определить ее взаимоотношения с синхронными культурами соседних областей юга нашей страны.

Ценные результаты дали поиски следов каменного века в горном Дагестане. Уже в 1954 году, когда Дагестанская археологическая экспедиция приступила к проведению систематических работ в горных районах, автору удалось обнаружить стоянку каменного века в высокогорном Гунибском районе, неподалеку от сел. Чох. Небольшие разведочные раскопки уже тогда позволили с уверенностью заключить, что перед нами чрезвычайно интересный памятник, культурный слой которого содержит необычно большое количество разнообразных кремневых изделий, характеризующих почти все стадии обработки кремня. В то же время стало очевидным, что Чохская стоянка это не только большая кремневая мастерская, но и главным образом, бытовой памятник, о чем свидетельствовали обнаруженные в культурном слое кострища, расколотые кости животных, большое количество законченных орудий труда: со следами длительного употребления и некоторые другие признаки. Результаты наших раскопок в 1954 году позднее получили некоторое освещение в литературе²⁶.

Дальнейшие исследования Чохской стоянки производились в 1955—1957 гг. 1-м горным отрядом ДАЭ²⁷. Раскопки двух первых лет носили разведочный характер. Изучение полученных материалов, подкрепленное

²⁵ Сборы автора.

²⁶ Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. КС ИИМК, 1958, стр. 41—42.

²⁷ В 1955—1957 гг. в работе отряда участвовали: В. Г. Котович — нач. отряда, Х. Д. Абуев — художник, М. Гаджиев — коллектор, а также студенты Дагпединститута — М. Абакаров, Б. Абдулмагомедов, М. Агларов, М. Гаджиев, А. Османова. В 1955 г. в раскопках стоянки принимал участие научный консультант ДАЭ, действительный член АН Укр. ССР П. П. Ефименко.

стратиграфическими наблюдениями, позволило выделить два разновременных комплекса кремневых изделий и отнести один из них к мезолиту, а другой — к концу верхнего палеолита²⁸.

Правомерность подобного подразделения подтвердили результаты наиболее значительных по объему раскопок стоянки, проведенных в 1957 году. Тщательные наблюдения над ее стратиграфией, подтвержденные довольно отчетливо прослеживаемыми изменениями в кремневом инвентаре, позволили расчленить полутораметровую толщу культурных напластований на 5 горизонтов. Ниже них обнаружен еще один шестой по счету горизонт, точнее — слой с культурными остатками, отделенный от вышележащего почти метровой толщиной стерильного суглинка. Обильные и разнообразные материалы из разных горизонтов стоянки дают возможность охарактеризовать различные этапы культуры горного Дагестана в конце палеолита и в мезолите, проследить ее эволюцию на протяжении значительного хронологического периода²⁹.

В 1956—1957 гг. в том же Гунибском районе 1-м горным отрядом были обнаружены и исследованы еще 4 памятника каменного века, расположенные в долине р. Багар-ор в окрестностях с. Ругуджа. Одна из них (в урочище Козьма-нохо) относится к мезолитической эпохе³⁰, три других (Архинда, Малин-крат, Мучу-бахил-бакли) — к финальному неолиту³¹. Выявление этих стоянок открыло новые перспективы для поисков и изучения памятников каменного века в горном Дагестане. Появилась твердая уверенность в возможности нахождения в данном районе новых следов деятельности первобытного человека, в том числе и памятников эпохи нижнего палеолита³². И надо сказать, что работы следующих лет подтвердили правомерность подобного рода оптимистических прогнозов.

В 1958—1959 гг. 1-м горным отрядом ДАЭ³³ в Левашинском и Акушинском районах выявлен еще ряд памятников каменного века.

В окрестностях сел. Межеги Левашинского района обнаружена раннемезолитическая стоянка, давшая небольшое количество материалов, происходящих, однако, из культурного слоя.

²⁸ В. Г. Котович. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане. Ученые записки Института ИЯЛ, т. III, Махачкала, 1957, стр. 154—155.

²⁹ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, т. II. Махачкала, 1961, стр. 10—18.

³⁰ В. Г. Котович. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане, стр. 155.

³¹ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, стр. 21—23.

³² В. Г. Котович. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане, стр. 155.

³³ В 1958 г. отряд работал в следующем составе: В. Г. Котович — нач. отряда, В. М. Котович — мл. научный сотрудник, Н. П. Черемушкин — художник, М. М. Гаджиев — коллектор. Состав отряда в 1959 г. В. Г. Котович — нач. отряда, В. К. Калинин — художник, студенты-практиканты ДГУ: Б. Арсланбеков, А. Исаев, И. Магомедов, М. Магомедов.

В Акушинском районе, в бассейне среднего течения р. Акушинка и ее притока Усишинской речки обнаружено более двадцати памятников каменного века, главным образом, нижнепалеолитических местонахождений и неолитических кремневых мастерских³⁴. Среди них наибольший интерес представляют нижнепалеолитические местонахождения в окрестностях с. Усиша (Учала-ава, Кумрала-када, Кабка, Баргиб-бекла-шури) и с. Гинта (Сага-цука). В собранных здесь коллекциях кремневых изделий имеется немало выразительных экземпляров, позволяющих не только определить возраст соответствующих комплексов, но также составить известное представление об особенностях нижнепалеолитической культуры горного Дагестана. Преобладающее большинство находок относится к мустьерской эпохе, и лишь единичные кремни отличаются более архаическими признаками, свойственными ашельской технике. Комплексы мустьерских изделий из горных районов обнаруживают близость с культурой синхронных памятников других областей Кавказа, включая упомянутые выше местонахождения южного Дагестана. Материалы нижнепалеолитических местонахождений горного Дагестана свидетельствуют о глубокой древности заселения людьми его территории.

Из числа неолитических памятников, обнаруженных в Акушинском районе, заслуживают особого упоминания кремневые мастерские в окрестностях с. Гинта (Сага-цука), с. Усиша (Какала-кадала-хар, Арачалла-бек), с. Акуша (Дузани) и др. Обилие кремневых мастерских указывает на интенсивный характер разработки естественных выходов кремня в данном районе. Многочисленные и интересные материалы этих памятников характеризуют развитую неолитическую культуру племен горного Дагестана, знакомят с техникой расщепления кремня и изготовления кремневых орудий, указывают на серьезные изменения, которые претерпела кремневая индустрия в эту эпоху.

Заканчивая рассмотрение данного вопроса необходимо еще раз подчеркнуть, что вся основная работа по выявлению и изучению памятников каменного века Дагестана проделана уже в годы Советской власти. Благодаря усилиям советских исследователей в Дагестане, где еще совсем недавно не было известно ни одного местонахождения или стоянки этой эпохи и отрицалась даже самая возможность их существования, в настоящее время выявлено более 35 таких памятников, расположенных в различных пунктах его территории (рис. 1).

Самый факт выявления здесь за короткий промежуток времени многочисленных и разновременных следов деятельности первобытного человека может рассматриваться как весьма убедительное свидетельство того, что территория республики богата подобного рода памятниками. Указанное обстоятельство несомненно послужит серьезным сти-

³⁴ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, стр. 5—10, 19—20.

...мом к дальнейшему развѣртыванию работ в данной, чрезвычайно перспективной области дагестанской археологии.

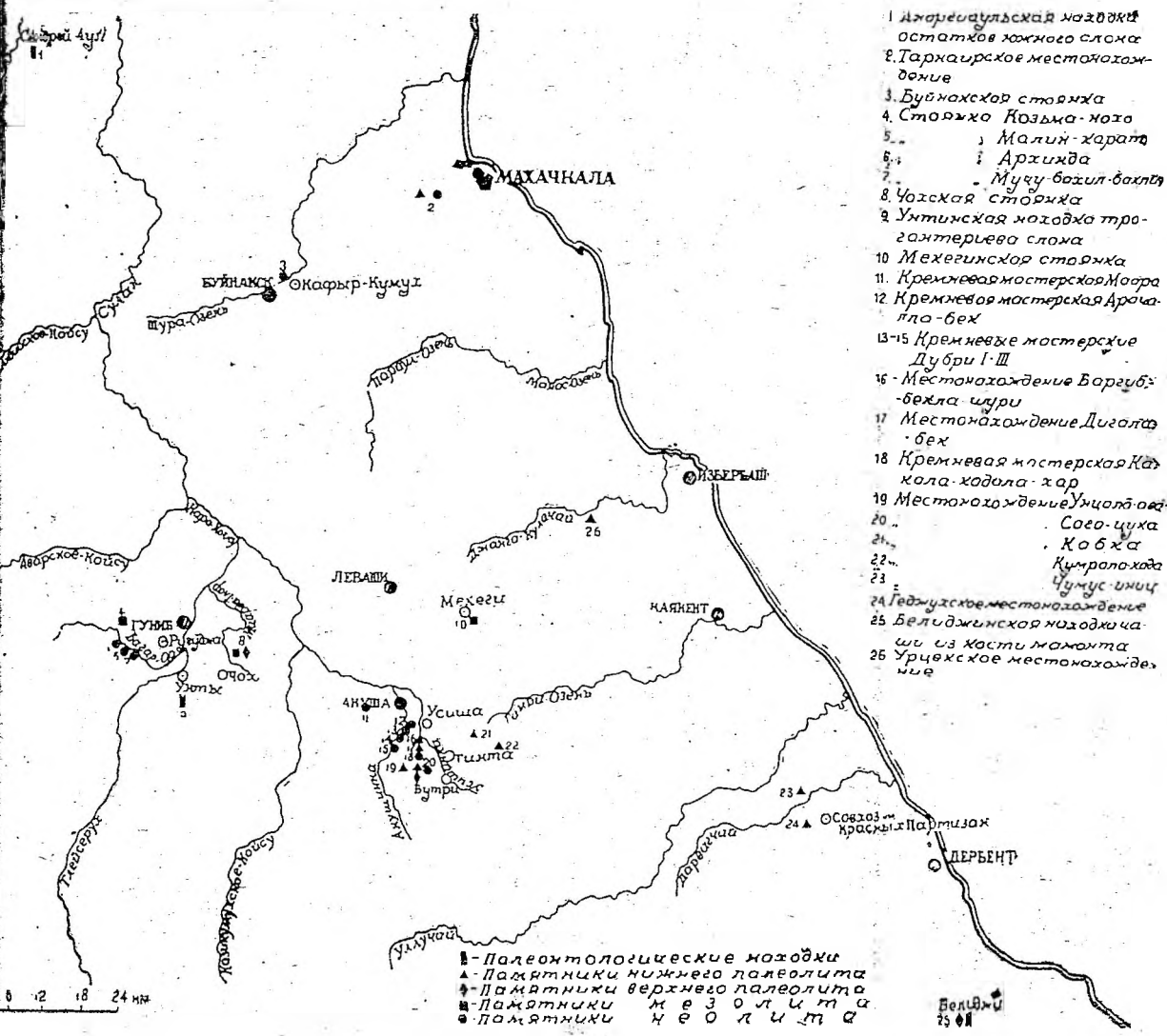

Рис. 1. Основные памятники каменного века и палеонтологические находки на территории Дагестана.

51787
 Дагестанский филиал
 Академии Наук СССР
 Научная Библиотека

мулом к дальнейшему разворачиванию работ в данной, чрезвычайно перспективной области дагестанской археологии.

Известные в настоящее время в Дагестане материалы относятся к различным хронологическим и культурным этапам развития первобытного общества, к различным периодам эпохи камня. Данное обстоятельство, несмотря на отсутствие ряда звеньев в общей цепи развития, представляет редкую возможность проследить эволюцию культур каменного века на относительно небольшой территории в продолжении значительного хронологического отрезка, охарактеризовать культуры отдельных этапов, определить их связи и взаимоотношения с синхронными культурами сопредельных областей Кавказа и в целом юга нашей страны.

Последующие разделы настоящей работы посвящены рассмотрению поставленных вопросов.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

31487

Дагестанский филиал
Академии Наук СССР
Научная Библиотека

ЕСТЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ДАГЕСТАНА
В ЧЕТВЕРТИЧНОМ ПЕРИОДЕ

Ознакомление с естественно-географическими условиями четвертичного Дагестана представляет для нашей темы немаловажный интерес, ибо без ясного представления о природном окружении первобытного человека трудно понять древнейшие, как, впрочем, и более поздние периоды истории. Необходимость этого подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, указывавшие, что всякая историография должна исходить из природных основ¹, под которыми они понимали геологические, оргидрографические, климатические и иные естественные факторы, определявшие материальные условия жизни общества. Особенно велика была роль природного окружения на ранних этапах развития общества, когда природа «противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и непреступная сила, к которой люди относятся совершенно по животному и власти которой они подчиняются»².

Зависимость первобытного человека от сил природы и его беспомощность перед ними были обусловлены крайне низким уровнем развития производительных сил, при котором естественные условия или по словам Маркса «естественное богатство средствами жизни»³ имело решающее значение для общественного производства в целом. Следовательно, естественно-географическое окружение человека оказывало значительное воздействие на процесс социального и экономического развития первобытного общества, определяло конкретные пути развития хозяйства и культуры в различных районах.

При изучении каменного века Дагестана вопрос о природном окружении первобытного человека приобретает особенную остроту еще и потому, что распространенные в дореволюционной историографии теории о позднем заселении его территории в значительной мере подкреплялись ссылками на неблагоприятный для пребывания и деятельности человека характер его естественно-географических условий. Д. Н. Анучин прямо указывал: «Дагестан по характеру своего рельефа и почвы должен был представлять мало привлекательного для первобытных эмигрантов, его голые, каменистые хребты, узкие ущелья, скудные леса

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 19.

² Там же, стр. 29.

³ К. Маркс. Капитал. Т. I, 1955, стр. 515—516.

едва ли могли привлекать к себе добровольно выходцев с юга или севера»⁴.

В настоящее время, несмотря на все еще недостаточную изученность четвертичного периода Дагестана, мы располагаем о нем значительно большими сведениями, чем это было в конце прошлого века. Имеющиеся данные в совершенно ином свете рисуют естественно-географические условия четвертичного Дагестана, характеризуют его как область благоприятную для обитания первобытного человека. Обратимся к рассмотрению этих данных.

Дагестан — это не только страна гор. Республика занимает значительную часть территории Северо-Восточного Кавказа, охватывающую наряду с горными и предгорными районами также обширную часть прикаспийской низменности. Она ограничена на северо-западе Андийским хребтом, на севере — нижним течением р. Кумы, на востоке — Каспийским морем, на юго-западе — водоразделом Главного Кавказского хребта и, наконец, на юго-востоке — массивами Шах-дага.

Своеобразие Дагестана заключается не только в том, что он обладает неповторимой пестротой населяющих его народностей и этнических групп, столь часто отмечаемой в литературе. Значительное разнообразие наблюдается и в естественно-географических условиях разных районов республики.

По характеру рельефа и особенностям природных условий территория Дагестана подразделяется на несколько геоморфологических областей. Однако по вопросу об их количестве между специалистами нет единого мнения. Не вдаваясь в рассмотрение и оценку критериев, которыми руководствуются исследователи в данном вопросе, отметим, что все они так или иначе выделяют здесь 4 основных геоморфологических области, а именно: низменность, предгорья, область внутреннего или известнякового Дагестана и, наконец, высокогорную область⁵.

Многообразие природных условий Дагестана отнюдь не исчерпывается отмеченными различиями. Каждая из выделяемых геоморфологических областей подразделяется на еще более дробные районы и микрорайоны, также различающиеся своеобразием ландшафта и климата⁶.

⁴ Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. ИРГО, т. XX, вып. 4, СПб, 1884, стр. 449.

⁵ Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской С. С. Республики. Дагиз, 1926, стр. 6—23; Д. В. Дробышев. Геологическое строение Дагестанской АССР и ее полезные ископаемые. В сб. «Природные ресурсы Дагестанской АССР», т. I, М.—Л., 1935, стр. 14—15; А. Ф. Викторов, В. Г. Гиммельрейх, П. Л. Львов, И. Н. Микулич, М. М. Эльдаров. Дагестанская АССР. Махачкала, 1958, стр. 9—32; К. К. Гюль, С. В. Власова, И. М. Кисин, А. А. Тертеров. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959, стр. 28; Д. А. Лилиенберг. Основные черты рельефа Дагестана. БМОИП, отдел геологический, т. XXXIV, вып. 4, М., 1959, стр. 171—172.

⁶ С. В. Зонн. Опыт естественно-исторического районирования Дагестана. В сб. «Сельское хозяйство Дагестана», М.—Л., 1946, стр. 54.

Однако наблюдаемое ныне многообразие естественно-географических условий не всегда было характерно для Дагестана. Возникновение его обусловлено различными, преимущественно—тектоническими процессами, интенсивно протекавшими здесь в четвертичном периоде. Остановимся на этом подробнее.

Поверхность Дагестана образована в основном осадочными породами. Завершение поднятия большей части его территории из-под уровня моря относится к плиоцену. Оно явилось следствием горообразовательных процессов, происходивших начиная с мезозоя и охватывавших весь третичный период и начало плейстоцена⁷.

Процесс образования сложного современного рельефа Дагестана следующим образом рисуется Л. А. Варданянцем, — одним из крупнейших знатоков четвертичной геологии Кавказа. В конце плиоцена, к началу четвертичного периода Дагестан представлял собой обширную, слегка наклоненную к морю равнину, близкую по своему характеру к пенеппелю. Она ограничивалась с северо-запада и северо-востока небольшими грядами высотой в несколько сотен метров, а с юго-запада и юго-востока — более значительными поднятиями высотой около 1000—1500 м.⁸

В конце плиоцена — начале плейстоцена имели место крупные движения земной коры, вызвавшие моноклинальные поднятия равнины и складчатую деформацию ее поверхности. Этим самым начался процесс расчленения пенеппелизированного рельефа, продолжающийся до настоящего времени. Вследствие прерывистости сводового поднятия вместо единой равнины образовались серии ярусно расположенных поверхностей выравнивания, столь свойственные современному рельефу Дагестана, характеризующемуся четко выраженной ступенчатостью. В последующем происходило дальнейшее расчленение рельефа, поднятие горных хребтов, глубокое врезание речных долин, обусловленные тектоническими движениями, эрозией, деятельностью ледников и талых ледниковых вод и другими причинами, образующими сложный комплекс геологических процессов, интенсивно протекавших на Кавказе на протяжении всего антропогена. Таким образом, современный сильно расчлененный рельеф Дагестана, как и Кавказа в целом, образовался уже в четвертичном периоде, по образному выражению Л. А. Варданянца, буквально на глазах первобытного человека⁹.

Взгляды Л. А. Варданянца по данному вопросу полностью разделяются многими специалистами¹⁰. По мнению других, элементы высокогорного ландшафта существовали наряду с обширными поверхностями выравнивания и широкими речными долинами в верхнем плиоцене.

⁷ Геология СССР. Т. IX. Северный Кавказ. М.—Л., 1947, стр. 467.

⁸ Л. А. Варданянец. Постплиоценовая история кавказско-черноморо-каспийской области. Ереван, 1948, стр. 47.

⁹ Там же, стр. 152—153.

¹⁰ К. К. Гюль, С. С. Власова, И. М. Кисин, А. А. Тертеров. Физическая география Дагестанской АССР, стр. 24.

благодаря чему уже в то время образовались основные скелетные черты современного рельефа, развившиеся затем в четвертичном периоде¹¹. Для нас важно в данном случае подчеркнуть, что мнения и тех и других специалистов не расходятся в общей оценке характера поверхности большей части территории Дагестана в начале плейстоцена, как естественно выровненной, незначительно приподнятой и сравнительно легко доступной для человека и животных территории, слабо разработанный рельеф которой существенным образом отличался от сильно расчлененного современного рельефа, сформировавшегося позже, на протяжении четвертичного периода.

Вместе с рельефом формировалась и гидрографическая сеть, раннеплейстоценовый возраст которой считается достоверно установленным¹². Более детальное представление об этом процессе дают наблюдения над развитием речной системы Юго-Восточного Кавказа, включая и южный Дагестан¹³. В результате проведенных здесь исследований установлено, что формирование основных речных долин продольного направления началось еще в верхнем миоцене и продолжалось на протяжении всего плиоцена. В верхнем плиоцене начинает формироваться система поперечных долин. Благодаря этому, к началу плейстоцена речная сеть Юго-Восточного Кавказа уже во многом напоминала современную и состояла из сложной системы продольных и поперечных долин¹⁴. В те же геологические сроки происходило формирование гидрографической сети горного Дагестана¹⁵. С этими наблюдениями согласуются новые данные о времени образования и развития речных долин в Юго-Осетии¹⁶. Таким образом, имеющиеся данные свидетельствуют о чрезвычайно глубокой древности гидрографической сети Дагестана, как и всего Восточного Кавказа в целом.

Среди важнейших геологических событий, происходивших в Дагестане в четвертичном периоде, отметим трансгрессии Каспийского моря, неоднократно затопливавшие приморские районы, и оледенения, развивавшиеся в горах.

Исследователи насчитывают в четвертичном периоде четыре трансгрессии Каспия, три из которых: бакинская, хазарская и хвалынская

¹¹ Л. И. Маруашвили. Основные вопросы позднекайнозойской истории ландшафтов Кавказского перешейка. «Географический сборник», М.—Л., 1952, стр. 16—20; Н. А. Гвоздецкий. Физическая география Кавказа. Изд. МГУ, 1954, стр. 60—63.

¹² Д. В. Дробышев. Геологическое строение Дагестанской АССР и ее полезные ископаемые, стр. 23; Л. А. Варданянц. Указ. соч. стр. 67.

¹³ Б. А. Будагов, Д. А. Лилиенберг, Н. Ш. Ширинов. История развития гидрографической сети Юго-Восточного Кавказа. Ст. первая. Изв. АН Азерб. ССР, сер. геолого-геогр. наук, 1959, № 5; ст. вторая, там же, 1960, № 1.

¹⁴ Там же, статья вторая, стр. 123—125; см. также К. К. Гюль, С. В. Власова, И. М. Кисин, А. А. Тертеров. Реки Дагестанской АССР. Махачкала, 1961.

¹⁵ Д. А. Лилиенберг. Основные черты рельефа Дагестана, стр. 172.

¹⁶ А. Д. Колбутов. Основные этапы развития долины современной реки Большой Лиахви в свете новых данных о геолого-геоморфологических условиях залегания палеолита Юго-Осетии МИА, № 79, 1960, стр. 79—87.

имели место в плейстоцене¹⁷, а четвертая, послехвалынская или новая — в голоцене, уже в исторический период¹⁸.

Не останавливаясь на дискуссионных вопросах о причинах четвертичных трансгрессий Каспия и их соотношении с древними оледенениями¹⁹, отметим, что они охватывали территорию главным образом равнинных, и особенно, приморских районов. Следы этих трансгрессий в виде более или менее четко выраженных древних морских террас²⁰ опоясывают предгорья, оконтуривая площадь затопливавшейся ими территории Дагестана. Судя по ним, воды Каспия покрывали почти целиком всю низменность, не захватывая, однако, предгорных районов.

В вопросе о древних оледенениях Кавказа (включая Дагестан), их количестве, хронологии и масштабах среди специалистов нет единого мнения²¹, что впрочем, характерно для проблемы оледенения в целом. Сравнительно недавно считалось установленным, что на Кавказе было четыре древних оледенения. По мнению некоторых исследователей два первых имели место в верхнем плиоцене, а два других — в плейстоцене²². По мнению других — все четыре оледенения развивались в четвертичном периоде и соответствовали альпийским гюнцу, минделю, риссу и вюрму²³.

В последнее время гляциологические схемы Кавказа подвергаются пересмотру в свете новых данных. Итоги проводившихся в связи с этим обсуждений еще не подведены, но уже и сейчас становится очевидным, что намечаются серьезные изменения в решении вопросов о числе и времени древних оледенений Кавказа, их размерах и соотношении с оледенениями других областей²⁴. Многие специалисты высказывают мнение о более скромных, чем это представлялось раньше, размерах оледенения Кавказа в целом²⁵.

Что же касается конкретно Дагестана, то в вопросе о количестве его древних оледенений также остается много неясного, тогда как во-

¹⁷ Геология СССР, т. IX, стр. 332; Л. А. Варданянц. Указ. соч., табл. 3; П. В. Федоров. Основные вопросы четвертичной истории Каспийского моря. Тр. КИЧП, XII, М., 1957, табл. 1.

¹⁸ М. В. Карандеева. О новой трансгрессии Каспийского моря. «Вопросы географии», 24, М., 1951, стр. 151—152; П. В. Федоров. Указ. соч., стр. 78.

¹⁹ Л. И. Маруашвили. Указ. соч., стр. 11, 20.

²⁰ Вл. Голубятников. Морские и речные террасы Дагестана. Тр. АИЧПЕ, вып. III, 1937, стр. 39; Д. А. Лилиенберг. Основные черты рельефа Дагестана. стр. 171—172.

²¹ Д. А. Лилиенберг. Межведомственное совещание по оледенению Кавказа. Изв. АН СССР, сер. географическая, 1959, № 5, стр. 134—136.

²² И. П. Герасимов и К. К. Марков. Четвертичная геология. М., 1939, стр. 193—203, 354.

²³ А. Рейнгард. Ледниковый период Кавказа и его отношение к оледенениям Альп и Алтая. Тр. II Международной конференции АИЧПЕ, вып. 2., М.—Л., 1933; Л. А. Варданянц. Указ. соч., стр. 8—10.

²⁴ Д. А. Лилиенберг. Указ. соч., стр. 134—136.

²⁵ Н. А. Гвоздецкий. Указ. соч., стр. 72—73; Л. И. Маруашвили. Целесообразность пересмотра существующих представлений о палеогеографических условиях ледникового времени на Кавказе. Тбилиси, 1956.

прос об их характере и масштабах достаточно освещен в литературе.

До недавнего времени предполагалось, что в четвертичном Дагестане имели место четыре оледенения, причем существование двух последних считалось доказанным, а вопрос о раннечетвертичных оледенениях ставился гипотетически ввиду отсутствия соответствующих морен²⁶. В свете новых данных представляется достоверным лишь одно последнее оледенение, следы которого хорошо сохранились в современном рельефе²⁷. Доказан псевдоморенный характер скоплений галечников в некоторых долинах, рассматривавшихся до сих пор как морены наиболее значительного по размерам предпоследнего (рисского) оледенения²⁸. Вместе с тем предполагается возможность существования более древних чем последнее, плиоцен-нижнечетвертичных оледенений. Отсутствие следов этих оледенений может рассматриваться как свидетельство их менее значительных, по сравнению с последним, размеров²⁹.

Считается достоверно установленным, что территория Дагестана в ледниковом периоде не имела сплошного ледникового покрова³⁰. Отдельные ледниковые центры сосредоточивались в основном в высокогорных районах, на Богосском, Нукатльском и Дюльтыдагском хребтах, в группе Шахдага и на отдельных вершинах Бокового хребта, т. е. в тех именно местах, где и в настоящее время имеются ледники.

Чтобы составить более ясное представление о масштабах древних оледенений Дагестана, рассмотрим состояние его современного оледенения, ибо считается установленным, что размеры древних оледенений различных частей Большого Кавказа (включая Дагестан) пропорциональны размерам ледников, сохранившихся до настоящего времени³¹.

Наибольшее развитие современных ледников наблюдается в центральной части Кавказа, между Эльбрусом и Казбеком. На Западном Кавказе оледенение постепенно уменьшается, а на Восточном оно приобретает спорадический, островной характер: значительные участки гор, совершенно лишены ледников и даже вечных онегов, чередуются с

²⁶ Л. А. Варданянц. Указ. соч. стр. 8—10, 108—109, 131—134.

²⁷ Н. А. Нагинский. Вюрмское оледенение Дагестана. ИВГО, т. 80, вып. 2, 1948, март—апрель, стр. 169—173; Д. А. Лилиенберг. Некоторые вопросы оледенения Восточного Кавказа. БМОИП, отдел геологический, т. XXXIV, вып. 4, 1959, стр. 168; его же. Некоторые вопросы геоморфологии, четвертичной геологии и неотектоники Дагестана. Материалы всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода, т. II, М., 1961, стр. 473.

²⁸ Л. А. Варданянц. Указ. соч., стр. 108—109; Д. А. Лилиенберг. Некоторые вопросы оледенения Восточного Кавказа, стр. 168; его же. Некоторые вопросы геоморфологии, четвертичной геологии и неотектоники Дагестана, стр. 472.

²⁹ Д. А. Лилиенберг. Некоторые вопросы оледенения Восточного Кавказа, стр. 168.

³⁰ А. Л. Рейнгард. К вопросу о четвертичном отделении Кавказа. ДАН СССР, А, 1927, № 19, стр. 319.

³¹ А. Л. Рейнгард. К вопросу о ледниковом периоде Кавказа. ИКОРГО, т. XXII, СПб, 1913, стр. 12—13; И. Щукин. Очерки геоморфологии Кавказа, ч. I. Большой Кавказ. Тр. НИИ географии I МГУ, М., 1926, стр. 99—100; И. П. Герасимов и К. К. Марков. Указ. соч., стр. 195—197.

центрами весьма интенсивного оледенения³². В настоящее время на Кавказе насчитывается 1400 ледников общей площадью около 2000 кв. км, из которых на Восточный Кавказ (Дагестан и Северный Азербайджан) приходится всего только около 4% их общего количества³³.

Современное оледенение Дагестана характеризуется следующими данными: всего здесь насчитывается 79 больших и малых ледников, занимающих площадь около 78 кв. км³⁴. По другим данным в Дагестане имеется более 100 ледников, под которыми занято около 80 кв. км³⁵. Наиболее значительное развитие ледников наблюдается на Богосском, Пирикительском, Снеговом, Нукатльском и Дюльтыдагском хребтах, на отдельных вершинах Бокового хребта (Таклик и Саладаг) и на массиве Шахдага³⁶. Большинство этих ледников является горнодолинными, но наряду с ними встречаются также каровые, висячие и плосковершинные³⁷.

В расположении современных снеговых границ Кавказа наблюдаются те же закономерности, что и в распределении ледников, а именно: снеговая граница повышается по направлению с запада к востоку. Разница ее высотных отметок весьма значительна, на востоке она проходит на 900—1200 м выше, чем на западе. Наряду с этим, имеет место повышение снеговой границы по мере удаления от края гор к их внутренним частям, в силу чего особенно сильное ее поднятие наблюдается там, где имеет место наибольшее массовое возвышение хребтов, как например, в горном Дагестане, где высота снеговой границы варьирует в пределах 3500—3900 м³⁸.

Возвращаясь к древним оледенениям, отметим, что их развитие в общем соответствовало современной картине. В то время, как на западном Кавказе ледники возросли в 8—10 раз по сравнению с современными, на восточном они увеличились всего лишь в 2—3 раза³⁹. Опускание снеговой границы в ледниковом периоде характеризовалось теми же особенностями, а именно: уменьшением величины депрессии (сравнительно с современной снеговой границей) от 1300 м на западном Кав-

³² И. Щукин. Указ. соч., стр. 96; его же. Общая геоморфология. Т. I, М., 1960, стр. 504.

³³ Б. А. Будагов, И. М. Кисин. О современном оледенении Восточного Кавказа в пределах Азербайджанской ССР и Дагестанской АССР. ДАН Аз. ССР, т. XIV, № 8, Баку, 1958, стр. 623.

³⁴ Б. А. Будагов, И. М. Кисин. Указ. соч., стр. 623—624; К. К. Гюль, И. М. Кисин, А. А. Тертеров. Природа Дагестана. Махачкала, 1959, стр. 52.

³⁵ А. Ф. Викторов, В. А. Гиммельрейх, П. Л. Львов, И. Н. Микулич, М. М. Эльдаров. Дагестанская АССР, стр. 30—31.

³⁶ Б. А. Будагов, И. М. Кисин. Указ. соч., стр. 623—624.

³⁷ Там же, стр. 624.

³⁸ И. Щукин. Очерки геоморфологии Кавказа, стр. 84—86; И. Н. Герасимов и К. К. Марков. Четвертичная геология, стр. 193; Л. А. Варданянц. Постплиоценовая история Кавказско-черноморско-каспийской области, стр. 131; А. Ф. Викторов, В. А. Гиммельрейх, П. Л. Львов, И. Н. Микулич, М. М. Эльдаров. Дагестанская АССР, стр. 31.

³⁹ И. Щукин. Указ. соч., стр. 100.

казе до 1100—1200 м на центральном и 1000—1100 м на восточном, причем во внутренних горных районах она достигала всего лишь 900 м⁴⁰.

Приведенные данные позволяют определить примерные размеры древних оледенений горного Дагестана в пределах от 160 до 240 км. км, а высотные отметки снеговой границы — от 2400 до 3000 м. При этом необходимо иметь в виду, что в Дагестане, как и в других частях Кавказа, получили преимущественное развитие ледники горнодолинного типа⁴¹. Для них характерно скопление в ледниковых центрах значительных масс льда, которые затем опускались по речным долинам.

Изучение следов последнего оледенения Дагестана показывает, что даже в период его максимальной фазы ледники не выходили на пределы боковых долин, образованных небольшими горными реками, составлявшими верховья четырех дагестанских Койсу. По этим долинам они спускались до высоты 2000—1800 м, и лишь в одном случае — до 1770 м⁴². В группе Шахдага конечно-моренные образования максимальной фазы последнего оледенения зафиксированы на высоте 1600 м⁴³. Наибольшая длина ледников Дагестана достигала в максимальную фазу 10—20 км⁴⁴.

Что же касается главных долин, то достоверных следов последнего или более ранних оледенений здесь вообще не было обнаружено⁴⁵. Основываясь на этом можно полагать, что даже в максимальную фазу дагестанские ледники не достигали главных долин.

Приведенные данные свидетельствуют о весьма скромных размерах четвертичных оледенений горного Дагестана. Становится очевидным, что зона оледенений и вечных снегов даже в максимальную фазу, охватывала исключительно лишь высокогорья Главного и Бокового хребтов. Основываясь на этом невозможно согласиться с утверждениями некоторых авторов о том, что в ледниковом периоде «большая часть горного Дагестана была покрыта льдом»⁴⁶. Имеющиеся материалы свидетельствуют о противоположном, а именно о том, что большая часть территории горного Дагестана в продолжение всего четвертичного периода была свободна от льдов и вечных снегов.

⁴⁰ И. Шуккин. Указ. соч., стр. 101; Д. А. Лилиенберг. Некоторые вопросы геоморфологии, четвертичной геологии и неотектоники Дагестана, стр. 473.

⁴¹ И. П. Герасимов и К. К. Марков. Указ. соч., стр. 196—197; Л. А. Варданянц. Указ. соч., стр. 110, 130; Д. А. Лилиенберг. Основные черты рельефа Дагестана, стр. 172.

⁴² Н. А. Нагинский. Вюрмское оледенение Дагестана, стр. 169—173; Д. А. Лилиенберг. Некоторые вопросы оледенения Восточного Кавказа, стр. 168.

⁴³ Д. А. Лилиенберг. Указ. соч., стр. 168.

⁴⁴ Д. А. Лилиенберг. Некоторые вопросы геоморфологии, четвертичной геологии и неотектоники Дагестана, стр. 473.

⁴⁵ Д. А. Лилиенберг. Некоторые вопросы оледенения Восточного Кавказа, стр. 168.

⁴⁶ К. К. Гюль, И. М. Кисин, А. А. Тертеров. Природа Дагестана, стр. 52.

Небольшие по сравнению с другими областями Кавказа масштабы четвертичных оледенений Дагестана были обусловлены своеобразием его климатических условий, зависевших в свою очередь от особенностей его геоморфологического строения. Дагестан, как самостоятельная геоморфологическая область, отгорожен Главным и Боковым хребтами от других областей Кавказа. Благодаря этому сюда не проникали влажные воздушные течения, направлявшиеся со стороны Черного моря, Средиземноморья и Атлантики и вызывавшие интенсивное развитие ледников на Западном Кавказе. Решающую роль в формировании климата Дагестана в ледниковый период сыграли сухие и теплые воздушные течения, проникавшие сюда из Казахстана и Средней Азии, где на всем протяжении четвертичного периода существовали аридные климатические условия, несколько смягчавшиеся в периоды оледенения⁴⁷. Под их воздействием здесь развивался сухой континентальный климат, оказавший отрицательное воздействие на развитие оледенений на данной территории.

Рассматривая климатические условия четвертичного Дагестана в целом, необходимо отметить, что уже в раннем плейстоцене здесь, как и в других областях Кавказа, отсутствуют черты жаркого тропического климата, исчезнувшего, как полагают специалисты, еще в третичном периоде⁴⁸. В ледниковую эпоху, в связи с общим ухудшением климатических условий, в Дагестане формируется относительно сухой континентальный климат. В послеледниковый период во всех областях Кавказа наступает вызванная общим послеледниковым потеплением ксеротермическая эпоха, отличающаяся теплым и сухим климатом.

Таким образом, климатические условия Дагестана в четвертичном периоде были благоприятными для развития растительного и животного мира.

Современный растительный покров Дагестана отличается значительным разнообразием, обусловленным своеобразием природных условий его различных геоморфологических областей. Здесь встречаются почти все типы растительности, разнообразные по своему видовому составу⁴⁹. Характерной особенностью современной дагестанской флоры являются черты ксерофитности, свойственные растительности всех этих областей от низменности до высокогорий.

История развития дагестанской флоры в четвертичном периоде еще не исследована, что, естественно, значительно суживает возможности для палеоботанических реконструкций. В отношении кавказской флоры в целом считается твердо установленным, что четвертичный период ока-

⁴⁷ И. П. Герасимов и К. К. Марков. Указ. соч., стр. 261, 267, 276.

⁴⁸ И. П. Герасимов и К. К. Марков. Указ. соч., стр. 200; В. И. Баранов. Развитие растительных ландшафтов СССР в третичное время. «Природа», 1942, № 1—2; А. А. Гросгейм. Растительный покров Кавказа. М., 1948, стр. 170—173.

⁴⁹ А. Ф. Викторов, В. А. Гиммельрейх, П. П. Львов, И. Н. Микулич, М. М. Эльдаров. Дагестанская АССР, стр. 76—77.

зал очень малое и несущественное влияние на ее развитие. Этот чрезвычайно важный вывод, разделяемый многими специалистами⁵⁰, очевидно, в одинаковой мере может быть применим к любой из областей Кавказа, включая Дагестан. Однако при конкретизации данного вывода применительно к условиям Дагестана в некоторых палеоботанических реконструкциях высказывается мысль о весьма значительном влиянии четвертичных оледенений на вертикальное и горизонтальное перемещение ландшафтных поясов. Такова, например, схема развития растительного покрова горного Дагестана в четвертичном периоде, разработанная Е. В. Шифферс. В соответствии с этой схемой, на смену мезофильной преимущественно лесной растительности конца плиоцена — начала плейстоцена пришла в ледниковом периоде альпийская и степная растительность. Леса вновь появились здесь только с наступлением более теплого послеледникового периода⁵¹.

Таким образом, данная схема предполагает миграцию значительного количества видов растительности из горного Дагестана в районы с более теплым климатом и обусловленные этим резкие, почти катастрофические изменения ландшафтных условий рассматриваемой области. Нетрудно убедиться, что в основе этих построений лежит преувеличенное представление о масштабах древних оледенений горного Дагестана, которые, по мнению Е. В. Шифферс, иногда охватывали даже большую часть его территории⁵². Все это лишает рассмотренную схему необходимой достоверности, ибо она противоречит не только данным геологии об относительно небольших масштабах четвертичных оледенений Дагестана, но также и упоминавшемуся ранее выводу палеоботаников о спокойном, постепенном развитии кавказской флоры без всяких потрясений и принципиальных изменений в ее составе⁵³. Однако других палеоботанических реконструкций, касающихся непосредственно флоры Дагестана, в настоящее время не имеется, а схема Е. В. Шифферс принята и другими исследователями⁵⁴. Поэтому мы вынуждены обратиться к тем общекавказским палеоботаническим и палеогеографическим реконструкциям, которые в большей степени учитывают современные представления о ледниковом периоде Кавказа.

Авторы этих реконструкций также признают влияние ухудшившихся в ледниковом периоде климатических условий на развитие растительно-

⁵⁰ А. А. Гроссгейм. Анализ флоры Кавказа. Баку, 1936, стр. 203; его же. Растительный покров Кавказа, стр. 173—175; В. П. Малеев. Основные черты развития растительности Средиземноморья и горных областей юга СССР (Кавказа и Крыма) в четвертичный период. Тр. Гос. Никитского ботанического сада. Т. XXV, вып. 1—2, 1948, стр. 17—18; Н. К. Верещагин. Млекопитающие Кавказа. М.—Л., 1959, стр. 86—87.

⁵¹ Е. В. Шифферс. Природная кормовая растительность горного Дагестана. Сб. «Сельское хозяйство Дагестана». М.—Л., 1946, стр. 181—183.

⁵² Там же, стр. 181.

⁵³ А. А. Гроссгейм. Анализ флоры Кавказа, стр. 203.

⁵⁴ К. К. Гюль, С. В. Власова, И. М. Кисин, А. А. Тертеров. Физическая география Дагестанской АССР, стр. 209—210.

го покрова, но не переоценивают значения этого фактора. По их мнению влияние четвертичных оледенений на кавказскую флору выразилось в снижении границ ландшафтных поясов на склонах Большого Кавказа, причем величина депрессии ландшафтных границ была меньшей, чем снижение снеговой границы. Это влекло за собой гипсометрическое суживание ландшафтных поясов⁵⁵, но отнюдь не их значительное перемещение, как это предполагает для Дагестана Е. В. Шифферс. Под влиянием четвертичных оледенений большое число теплолюбивых видов растительности вымирает или перемещается в районы с более благоприятными климатическими условиями, тогда как основное ядро флоры, бывшее уже в конце третичного периода бореальным, не претерпело сколько-нибудь значительных изменений. Оно даже обогатилось многими бореальными, арктическими элементами, проникшими из более северных областей⁵⁶.

Рассматривая с этих позиций ландшафтные условия Дагестана в период четвертичных оледенений, мы можем уверенно предполагать, что наряду с ледниковым, альпийским и степным ландшафтными поясами здесь существовал также пояс горных лесов, располагавшийся ниже альпийского. Предположение о возможности существования горных лесов в непосредственной близости от ледников, подкрепляемое примерами из современной действительности, разделяется многими исследователями⁵⁷. Не исключено, что сохранившиеся местами в высокогорных районах Дагестана древесные группировки доледниковых реликтовых видов дуба и березы⁵⁸, также свидетельствует об этом.

Таким образом, представляется возможным нарисовать следующую картину последовательной смены ландшафтных поясов горного Дагестана в ледниковом периоде: ниже пояса ледников и вечных снегов идут альпийский, горнолесной и, наконец, степной поясы⁵⁹. Нетрудно убедиться, что подобная реконструкция в своих основных звеньях совпадает с картиной распределения растительности в горном Дагестане, которую Е. В. Шифферс рисует для послеледникового периода⁶⁰. По-видимому, так оно и наблюдалось в действительности с той, однако, разницей, что

⁵⁵ В. П. Малеев. Третичные реликты во флоре Западного Кавказа и основные этапы четвертичной истории его флоры и растительности. Материалы по истории флоры и растительности СССР, вып. 1, М.—Л., 1941; Л. И. Маруашвили. Основные вопросы позднекайнозойской истории ландшафтов Кавказского перешейка, стр. 22—23.

⁵⁶ А. А. Гроссгейм. Растительный покров Кавказа, стр. 173—175; Л. И. Маруашвили. Указ. соч., стр. 23.

⁵⁷ П. Д. Ярошенко. К истории высокогорной растительности Кавказа. Изв. Арм. ФАН СССР, № 4—5, 1940; его же. О сменах растительности в лесной области Закавказья. Изв. Арм. ФАН СССР, № 7, 1942, стр. 43; Л. А. Маруашвили. Указ. соч., стр. 22; Н. К. Верещагин. Указ. соч., стр. 87.

⁵⁸ Н. И. Кузнецов. Нагорный Дагестан и его значение в истории развития флоры Кавказа. ИРГО, т. XLVI, вып. 6—7, СПб, 1910.

⁵⁹ Л. А. Маруашвили. Указ. соч., стр. 21, рис. 4.

⁶⁰ Е. В. Шифферс. Указ. соч., стр. 183.

в ледниковом периоде имело место гипсометрическое суживание всех ландшафтных поясов, а особенно ближайших к ледникам — альпийского и горно-лесного⁶¹.

Правомерность подобного рода палеоботанических реконструкций подтверждается фаунистическими материалами. Четвертичная фауна Кавказа, подобно флоре, не претерпела под влиянием оледенений значительных изменений⁶². В отличие от других областей южной части Восточной Европы на Кавказе отсутствовали (по крайней мере до сих пор не обнаружены) представители арктической фауны⁶³.

Основное ядро кавказской фауны, включавшее большинство современных видов животных, существовало уже в верхнем плейстоцене (памятники эпохи мустье и верхнего палеолита)⁶⁴. А некоторые виды животных, такие как благородный олень, косуля, кабан, волк, лисица, барсук и другие, встречаются, наряду с представителями ископаемых видов, еще в раннем плейстоцене (Бинагады, Кударо 1)⁶⁵. Изменения, происшедшие в кавказской фауне со времени палеолита, выразились в полном исчезновении мамонта, пещерного медведя, пещерного льва, большого оленя и некоторых других ископаемых видов, в вымирании лося, бобра и росомахи, отступании к югу диких баранов и дикобраза⁶⁶.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что эти изменения охватили сравнительно небольшой круг животных, в то время как преобладающее большинство видов кавказской фауны успешно перенесли испытания ледникового периода и продолжают развиваться в геологической современности.

Таковы общие сведения о развитии четвертичной фауны Кавказа. Они помогут составить более ясное представление о четвертичной фауне Дагестана, для характеристики которой мы располагаем пока немногочисленными материалами.

Ископаемая фауна Дагестана представлена случайными находками костных остатков крупных млекопитающих из семейства слоновых (Elephantidae), происходящими из окрестностей сел. Андрей-аул Хасавюртовского района, сел. Унты Гунибского района и ст. Белиджи Дербентского района. Кроме того, в ДРКМ имеются сведения о находках

⁶¹ Л. А. Маруашвили. Указ. соч., стр. 22.

⁶² В. Громова. К истории фауны млекопитающих Кавказа, Изв. АН СССР, сер. биол., 1948, № 5, стр. 535; Н. К. Верещагин. Млекопитающие Кавказа, стр. 234, 244, табл. 62, 63.

⁶³ В. Громова. Указ. соч., стр. 535.

⁶⁴ Е. И. Беляева. О фауне млекопитающих из палеолитической пещеры Вирхова (Сакажия). БКИЧП, № 6—7, М.—Л., стр. 105—107, табл. 1; В. Громова. Указ. соч., стр. 520—536; Н. К. Верещагин. Указ. соч., табл. 62.

⁶⁵ В. В. Богачев. Бинагады. Кладбище четвертичной фауны на Апшеронском полуострове. Баку, 1939; Н. К. Верещагин. Плейстоценовые позвоночные из пещеры Кударо 1 в Юго-Осетии и их значение для разработки истории фауны и ландшафтов Кавказа. ДАН СССР, 1957, т. 111, № 6, стр. 1347.

⁶⁶ В. Громова. Указ. соч., стр. 535.

костей крупных млекопитающих, преположительно — мамонтов, обнаруженных в разное время в окрестностях сел. Кумух Лакского района и городов Махачкалы, Буйнакса и Дербента⁶⁷. К сожалению последние находки не сохранились.

Палеонтологическое местонахождение близ сел. Андрей-аул было обнаружено местными жителями в 1922 году при строительстве оросительного канала. Оно расположено примерно в 1 км к северу от упомянутого селения на правом берегу реки Акташ. В 1935 и 1949 гг. при ремонте канала здесь были найдены зубы, обломки трубчатых костей и бивней крупных млекопитающих, переданные в ДРКМ. В 1941 и 1949 гг. это местонахождение обследовал М. И. Исаков, которому удалось установить, что палеонтологические остатки происходят из обреза правого берега канала, образованного чрезвычайно плотными сцементированными галечниками аллювиального происхождения. Они концентрируются на небольшом участке протяженностью около 60 м, на глубине 3—4 м⁶⁸. По определению Н. К. Верещагина костные остатки из Андрей-аульского местонахождения принадлежат южному слону (*Elephas meridionalis*).

Другая находка происходит из сел. Унты Гунибского района, где в 1950 г. местными жителями был найден шейный позвонок — атлант, принадлежащий трогонтериеву слону (*Elephas trogontherii*)⁶⁹. К сожалению, точное место и геологические условия данной находки остались невыясненными. Известно, только, что она обнаружена при обвале земли со склонов одного из обрывистых ущелий в окрестностях названного селения⁷⁰. Судя по хорошей сохранности этой находки можно с уверенностью заключить, что она не подвергалась сколько-нибудь значительному перетолжению или иному механическому воздействию.

Последняя палеонтологическая находка обнаружена в окрестностях ст. Белиджи. Условия ее нахождения также не известны. Она представляет собой чашу из головки бедренной кости мамонта (*Elephas primigenius* Blum.), изготовленную современным мамонту первобытным человеком⁷¹.

Таким образом, все известные находки плейстоценовой фауны Дагестана принадлежат различным видам ископаемых слонов. Очевидно, нахождение костных остатков этих животных в приморском Дагестане,

⁶⁷ Сообщение зав. отделом природы ДРКМ Т. Д. Хехневой.

⁶⁸ Сведения об Андрейаульском палеонтологическом местонахождении взяты с любезного разрешения М. И. Исакова из его большой, подготовленной к печати работы «Археологические памятники Дагестана» (материалы к археологической карте).

⁶⁹ Определения Н. К. Верещагина.

⁷⁰ М. И. И с а к о в. Археологические памятники Дагестана.

⁷¹ Определения Н. К. Верещагина. Ввиду того, что белиджинская находка представляет не только палеонтологический, но и археологический интерес, как уникальный бытовой предмет палеолитической эпохи, ей посвящен специальный раздел в IV главе настоящей работы. См. стр. 176—179.

через который проходил обмен фаунами между Юго-Восточной Европой и Закавказьем, является вполне закономерным. Этого нельзя сказать о находке остатков трогонтериева слона в высокогорном Гунибском районе, представляющей не вполне обычной. Как известно, находки костных остатков этих животных в горных районах Кавказа чрезвычайно редки⁷². Тем больший интерес представляет утинская находка.

Устанавливаемый ею факт проникновения ископаемых слонов в самую глубь гор может рассматриваться как еще один аргумент в пользу высказываемого геологами положения о том, что внутренний Дагестан представлял собой в раннем и, по-видимому, среднем плейстоцене значительно приподнятую и наклоненную к морю равнину. Иначе трудно представить, чтобы в условиях близкого к современному сильно пересеченного рельефа такое гигантское неповоротливое животное как трогонтериев слон смогло продвинуться на столь значительное расстояние в глубину гор. К тому же не исключено, что трогонтериев слон, подобно южному слону и мамонту⁷³, не был пригоден к жизни на больших высотах.

С другой стороны, утинская находка впервые документирует наличие трогонтериева слона в плейстоценовой фауне Большого Кавказа, внося тем самым известные коррективы в установившиеся представления об ареале распространения этого вида животных⁷⁴. То же самое следует сказать и в отношении южного слона, остатков которого до сих пор не было обнаружено на Северо-Восточном Кавказе⁷⁵.

Небезынтересно отметить, что дагестанские находки принадлежат различным видам ископаемых слонов, последовательно сменявшим друг друга на протяжении четвертичного периода. Как известно, южный слон характерен для фаунистического комплекса конца плиоцена — начала плейстоцена, трогонтерий жил в середине плейстоцена, а мамонт — в конце этого периода⁷⁶. Следовательно, эти находки могут рассматри-

⁷² Н. О. Бурчак-Абрамович. *Elephas primigenius* Blum. из Душетского района. ВГМГ, т. XIII—А, 1946, стр. 303—306; В. Громова. К истории фауны млекопитающих Кавказа, стр. 520; Н. К. Верещагин. Млекопитающие Кавказа, стр. 418—419.

⁷³ В. И. Громова. Указ. соч., стр. 534; Н. К. Верещагин. Остатки млекопитающих из нижнечетвертичных отложений Таманского полуострова. Тр. ЗИАН СССР, т. XXII, М.—Л., 1957, стр. 37—39.

⁷⁴ В. И. Громова. Указ. соч., стр. 534; Н. К. Верещагин. Млекопитающие Кавказа, стр. 682, карта 75.

⁷⁵ Н. К. Верещагин. Указ. соч., стр. 681, карта 74.

⁷⁶ В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Тр. ИГи АН СССР, вып. 64, М., 1948; его же. Краткий очерк истории четвертичной фауны СССР. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2, М.—Л., 1950, стр. 37—49; П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 74—75, табл. II, Н. К. Верещагин. Остатки млекопитающих из нижнечетвертичных отложений Таманского полуострова, стр. 32; его же. Млекопитающие Кавказа, стр. 415—419.

ваться как свидетельство существования благоприятных естественно-географических условий на территории Дагестана в продолжении всего плейстоцена. В то же время прослеживаемый на этих материалах процесс замены представителей теплолюбивой фауны (южный слон) новыми видами, более приспособленными к холодному климату (трогонтерий, мамонт), свидетельствует о непрерывном ухудшении климатических условий данной области в плейстоцене.

Отмечая эту тенденцию в развитии климата, не следует, однако, преувеличивать ее значения. Как отмечалось выше, этот процесс привел к установлению здесь к концу плейстоцена относительно сухого континентального климата. Данное положение прекрасно иллюстрируется остеологическими материалами Чохской стоянки, характеризующими животный мир горного Дагестана конца плейстоцена — начала голоцена.

Фаунистический комплекс Чохской стоянки включает мелкого муфлонообразного барана или армянского муфлона — *Ovis* sp. (cf. *gmelini*), дикого барана или козла — *Ovis* или *Capra*, благородного оленя — *Cervus elaphus*, зубра — *Bison bonasus* (*caucasicus*?), безоарового козла или кавказского тура — *Capra* sp. (cf. *aegagrus* или *C. cylindricornis*), кабана — *Sus scrofa*, лошади (домашней?) — *Equus caballus* L., зайца-русака — *Lepus eugoraicus*, дагестанского хомяка — *Mesocricetus auratus*, из хищников — рысь — *Felis lynx* 77. Все эти виды животных, за исключением армянского муфлона, довольно широко представлены в фаунистических комплексах палеолитических памятников Кавказа, особенно памятников эпохи верхнего палеолита 78.

Армянский муфлон до сих пор почти не был известен ни в плейстоценовой, ни в голоценовой фауне Большого Кавказа 79. Однако на Малом Кавказе этот вид животных встречается и поныне 80. Очевидно, в позднем плейстоцене и раннем голоцене он был распространен и на Большом Кавказе 81. Во всяком случае среди поддавшихся определению остеологических материалов Чохской стоянки преобладают костные остатки именно муфлонообразных баранов 82, что несомненно, свидетельствует об их широком распространении в горном Дагестане в конце ледниковой — начале послеледниковой эпохи.

Остеологические материалы обнаружены и в других мезолитических стоянках. Из стоянки Козьма-нохо (окрестности сел. Ругуджа, Гуньбского района) происходит небольшое количество костей, принадлежащих различным, близко неопределимым видам диких козлов и бара-

77 Н. К. Верещагин. Млекопитающие Кавказа, стр. 195, табл. 42.

78 Е. И. Беляева. О фауне млекопитающих из палеолитической пещеры Вирхова, табл. I; В. Громова. К истории фауны млекопитающих Кавказа, стр. 518—519; Н. К. Верещагин. Указ. соч., таб. 62.

79 Н. К. Верещагин. Указ. соч., стр. 690, карта 91.

30 Н. Я. Динник. Звери Кавказа. Ч. I. ЗКОРГО, кн. XXVII, вып. I, Тифлис, 1910, стр. 159—160; Н. К. Верещагин. Указ. соч., стр. 374—375, 690, карта 91.

31 Н. К. Верещагин. Указ. соч., стр. 375.

82 Там же, стр. 195, табл. 42.

нов (Сарговіпае) ⁸³. Аналогичная картина наблюдается и в Мекегинской стоянке (Левашинский район), где наряду с остатками диких козлов и баранов (Сарговіпае) обнаружены также кости собаки (?) ⁸⁴.

Рассматривая состав дагестанской фауны конца плейстоцена — начала голоцена нельзя не обратить внимания на тот факт, что представленные здесь виды животных являются обитателями различных ландшафтных поясов. Наряду с представителями труднодоступных высокогорных альпийских пастбищ (бараны и отдельные виды козлов), здесь встречаются также обитатели лесного (благородный олень, некоторые виды козлов, рысь) и степного (бизон, лошадь) поясов. Данное обстоятельство еще раз подтверждает правомерность высказанного при рассмотрении истории четвертичной флоры положения, согласно которому в ледниковом периоде в горном Дагестане наряду с альпийским и степным ландшафтными поясами существовал также и лесной пояс.

С другой стороны становится очевидным, что известный нам видовой состав верхнеплейстоценовой фауны Дагестана, за исключением мамонта, бизона и восточного барана, сохранился до наших дней ⁸⁵. Подобного рода преемственность является весьма убедительным доказательством спокойного, постепенного развития животного мира данной области, происходившего без резких катастрофических разрывов, что в целом соответствует обрисованной выше картине развития фауны в обшекавказском масштабе.

В заключение подведем некоторые итоги.

Анализ имеющихся в настоящее время материалов позволяет заключить, что в раннем плейстоцене естественно-географические условия Дагестана благоприятствовали обитанию здесь разнообразных видов млекопитающих (в том числе — крупных толстокожих) и, очевидно, современного им первобытного человека. Особый интерес в этом отношении представляет находка костных остатков южного слона, позволяющая отнести Дагестан к числу тех областей Кавказа, в которых по мнению П. П. Ефименко «в начале плейстоцена должны были, очевидно, существовать условия, более благоприятные для жизни как крупных млекопитающих, так и человека» ⁸⁶.

В верхнем плейстоцене естественно-географические условия Дагестана ухудшились. Высокогорья Главного и Бокового хребтов покрылись ледниками и вечными снегами. Однако в экстрагляциальной зоне, охватывавшей большую часть территории горного Дагестана, сохранялись условия, благоприятствовавшие непрекращавшемуся процессу

⁸³ Определения Н. К. Верещагина.

⁸⁴ Определения доцента Дагсельхозинститута, кандидата биологических наук Н. К. Золотова.

⁸⁵ Н. Я. Динник. Звери Кавказа, ч. I. Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской С. С. Республики, стр. 60; А. Ф. Викторов, В. А. Гиммельрейх, П. Л. Львов, И. Н. Микулич, М. М. Эльдаров. Дагестанская АССР, стр. 94.

⁸⁶ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 131.

развития растительного и животного мира. Установившийся здесь в данном периоде относительно сухой континентальный климат оказывал положительное воздействие на развитие растительного покрова альпийского, лесного и степного ландшафтных поясов. Все это в свою очередь обуславливало благоприятное природное окружение для многочисленных и разнообразных видов животных и открывало большие возможности для жизни и деятельности первобытного человека в эпоху верхнего палеолита.

Таким образом, рассмотрение имеющихся материалов показывает несостоятельность широко распространенного среди исследователей конца прошлого столетия взгляда на Дагестан, как на область, представляющую «мало привлекательного» для первобытного человека. Более того, имеющиеся данные позволяют с уверенностью заключить, что естественно-географические условия Дагестана, характеризовавшиеся умеренным климатом, разнообразием ландшафтов, богатством пригодных для охоты видов животных, благоприятствовали пребыванию и деятельности первобытного человека на протяжении всего антропогена. Все это, в сочетании с такими немаловажными факторами как наличие многочисленных естественных выходов высококачественного камня и обилие пригодных для обитания естественных убежищ, должно было привлекать и, как мы увидим ниже, действительно привлекало сюда первобытного человека. Убедительным подтверждением этому служат довольно многочисленные и разновременные следы его деятельности, обнаруженные в различных пунктах территории Дагестана.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

НИЖНИЙ ПАЛЕОЛИТ

В настоящее время в Дагестане известно десять нижнепалеолитических местонахождений, расположенных в различных его геоморфологических областях. В приморской части они обнаружены в среднем течении реки Дарваг-чай, на границе Дербентского и Кайтагского районов, а также неподалеку от города Махачкалы. В прегорьях отдельные нижнепалеолитические изделия выявлены в последнее время в среднем течении реки Джанга-кула-чай, в окрестностях Уртекского городища, на границе Сергокалинского и Ленинского районов¹. И, наконец, в горном Дагестане местонахождения нижнего палеолита выявлены в долине реки Усишинки, в центральной части Акушинского района. Все эти памятники, за исключением одной пещерной стоянки с разрушенным культурным слоем, являются местонахождениями открытого типа.

Коллекции добытых материалов сравнительно немногочисленны и неравноценны по своему значению. В одних местонахождениях представлены более или менее разнообразные типы нижнепалеолитического инвентаря, в других — преимущественно отщепы, в третьих — единичные изделия, которые по своему облику и приемам обработки напоминают нижнепалеолитические образцы. Памятуя о полной неизученности нижнего палеолита Северо-Восточного Кавказа, мы не вправе игнорировать количественно незначительные и недостаточно выразительные находки, ибо только с учетом материалов всех выявленных памятников можно составить известное представление о культуре древнейших обитателей Дагестана и об их расселении на его территории.

Преобладающее большинство этих материалов несет на себе характерные признаки мустьерской техники, что дает основание отнести их к заключительной поре нижнего палеолита. В некоторых местонахождениях, кроме того, встречаются и более архаические изделия, относящиеся к ашельской эпохе. Однако число их крайне невелико, поэтому ашельские изделия рассматриваются вместе с мустьерскими при характеристике соответствующих местонахождений.

¹ Собраны автором и Д. М. Атаевым в процессе работы приморского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1960 и 1961 гг.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ПРИМОРСКОГО ДАГЕСТАНА

Приморский Дагестан представляет собой в геологическом отношении узкую (в среднем около 15—30 км шириной) полосу третичных и раннечетвертичных отложений, протянувшуюся в направлении с юго-востока на северо-запад. С востока он огражден Каспийским морем, с запада — известняковыми хребтами мелового возраста. В орографическом отношении он подразделяется на две достаточно обособленные части: прибрежную равнину и область предгорий. Естественная граница между ними проходит по третьей древнекаспийской террасе².

На территории приморского Дагестана известно пока три нижнепалеолитических местонахождения. Все они расположены в прибрежной равнине и приурочены к древним морским террасам. Одно из них находится в урочище Чумус-иниц, на границе Кайтагского и Дербентского районов, другое — в окрестностях совхоза им. Красных партизан Дербентского района, более известного в специальной литературе под именем совхоза Геджух. Оба эти местонахождения разделены поймой реки Дарваг-чай. Расстояние между ними не превышает 3 км.

Помимо названных памятников в приморском Дагестане известно еще одно местонахождение — в урочище Тарнаир близ г. Махачкалы, откуда происходит несколько архаических каменных изделий мустьерского облика, найденных вместе с неолитическими поделками.

Переходим к характеристике каждого из этих местонахождений в отдельности.

I. Местонахождение Чумус-иниц

Урочище Чумус-иниц, где собрана самая выразительная коллекция нижнепалеолитических изделий, представляет собой участок третьей древнекаспийской террасы, расположенный севернее поймы реки Дарваг-чай. Своим южным краем оно примыкает к пойме реки Дарваг-чай, с востока ограничено уступом, отделяющим третью террасу от второй, с севера и запада не имеет естественных границ (рис. 2). Данное урочище занимает площадь около 1 кв. км. Свое название оно получило от расположенного здесь источника с солоноватой на вкус водой («Чумус-иниц» по-кайтагски означает «соленая вода»).

Третья древнекаспийская терраса к северу от Дербента опоясывает подошвы предгорий, достигая здесь 80—100 м в высоту. В некоторых случаях она поднимается вверх по долинам рек и балок, например, по реке Дарваг-чай, до высоты 130 м над уровнем Каспийского моря³. Она образована детритусовыми известняками, песками, глинами и местами

² Вл. Голубятников. Геология и полезные ископаемые третичных отложений Дагестана. М.—Л., 1940, стр. 8, 101.

³ Вл. Голубятников. Морские и речные террасы Дагестана. Тр. АИЧПЕ, вып. III, стр. 39.

галечниками, — отложениями бакинского яруса⁴, хронологически соответствующего эпохе миндельского оледенения⁵.

В немногочисленных естественных разрезах отложений террасы в данном урочище прослежена следующая последовательность слоев:

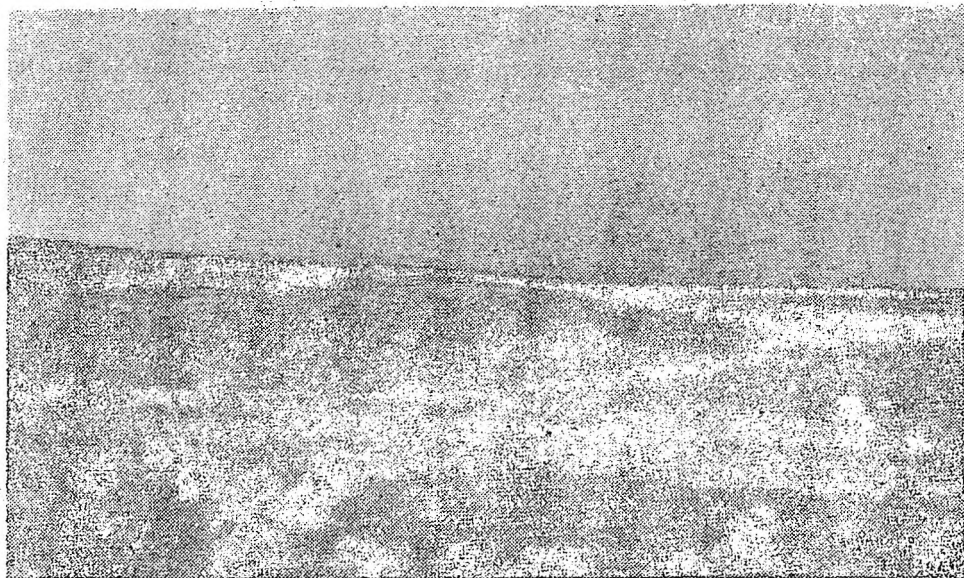

Рис. 2. Урочище Чумус-иниц, вид с юга (крестиками обозначены места находок).

1. Почвенный слой — 0,2—0,4 м
2. Серый суглинок — 0,2—0,7 м
3. Галечник — 0,4—0,6 м (местами до 1,0 м)
4. Детритусовые известняки с четко выраженной слоистостью — коренная порода.

Следует, однако, отметить, что подобная стратиграфия не характерна для отложений третьей террасы в целом. Так, например, в окрестностях совхоза Геджух, как и ряде других обследованных нами обнажений, расположенных на расстоянии более 1 км от русла реки Дарвагчай, совершенно отсутствует слой галечников. Отмеченное обстоятельство наводит на мысль о том, что прослеживаемая в урочище Чумус-

⁴ Там же, стр. 46.

⁵ Н. И. Николаев. Стратиграфия четвертичных отложений прикаспийской низменности. Сб. «Стратиграфия четвертичных отложений и новейшая тектоника Прикаспийской низменности». М., 1953, табл. 2, 4.

иниц прослойка галечников является продуктом не морских, а речных отложений, фиксирующим древний уровень дельты реки Дарваг-чай.

Стратиграфическая принадлежность находок палеолита в Чумус-инице не установлена. Все они собраны непосредственно на современной поверхности террасы, используемой здесь, как и повсеместно в приморском Дагестане, под посевы зерновых и с этой целью ежегодно распаханной.

Преобладающее большинство палеолитических находок происходит из юго-восточной части урочища Чумус-иниц. Именно здесь, на сравнительно небольшом участке размерами 400 x 300 м было собрано 60 экземпляров кремней, составивших основу нашей коллекции находок из данного местонахождения. Единичные находки обнаружены и в юго-западной части данного урочища, где на примыкающем к пойме реки Дарваг-чай узком участке протяженностью около 150 м их было встречено всего 12 экземпляров.

Основная масса находок собрана на пашне, и лишь отдельные экземпляры обнаружены на нераспаханных краях террасы и на ее уступе, куда они, вероятно, были переотложены сверху. В процессе сбора было подмечено, что палеолитические кремни чаще всего встречались на тех участках пашни, где находились скопления гальки, вывернутой на поверхность в процессе пахоты. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что общая мощность отложений почвенного слоя и суглинков местами незначительна и не превышает, по-видимому, 0,4—0,5 м. С другой стороны, основываясь на этих наблюдениях, можно предположить, что палеолитические находки первоначально залегали либо в слое галечников, либо, что более вероятно, в нижнем горизонте суглинка, возможно, в местах его соприкосновения с галечниками.

Возникает вопрос, является ли суглинок местом первоначального залегания палеолитических изделий или они переотложены сюда с верхних участков террасы. Нам представляется более достоверным первое предположение. В подтверждение его можно сослаться на такие факты, как залегание находок на ограниченных участках террасы и отсутствие на них следов механических повреждений, неизбежных при значительном переотложении материала. Палеолитические кремни покрыты густой плотной патиной, указывающей на их глубокую древность. Однако у большинства из них сохранились сравнительно острые края, достаточно отчетливо очерчены негативы сколов и фасетки ретуши. Отмеченные признаки свидетельствуют о незначительной переотложенности палеолитических поделок.

Кроме палеолитических изделий в урочище Чумус-иниц собраны материалы, относящиеся к значительно более поздним историческим эпохам, в частности, фрагменты керамики бронзового века и средневековья, а также кремневые поделки, главным образом, мелкие отщепы, пластины и отходы производства. Законченные орудия представлены кремневыми вкладышами от составных серпов. Все эти изделия, изготовленные из мелового кремня, характеризуются более совершенными

приемами расщепления и обработки исходного материала, что отличает их от архаических поделок нижнего палеолита. Очевидно, более поздние находки происходят из расположенных в данном урочище поселения и могильника бронзового века ⁶.

Преобладающее большинство нижнепалеолитических изделий данного местонахождения изготовлены из кремнистого известняка. Поделки из других пород камня (кременя и кварцита) единичны. Кремнистый известняк в виде желваков и плитчатых обломков встречается прямо на поверхности террасы. Он представляет собой плотную и достаточно твердую метаморфическую породу серого цвета, хорошо поддающуюся расщеплению и обработке. По своим качествам он близок к другим разновидностям метаморфических пород (типа chert), широко использовавшимся в нижнем палеолите в качестве основного материала для изготовления орудий в тех областях, где отсутствовали более качественные породы камня (кремень, обсидиан и т. п.) ⁷.

Изготовленные из этого материала нижнепалеолитические изделия Чумус-иница покрыты плотной, глубоко проникшей в материал патиной, маскирующей его естественный цвет. Мустьерские изделия покрыты патиной желтоватого или желтовато-белого цвета, ашельские — еще более интенсивной патиной, приобретающей желтовато-красный и даже красноватый оттенки. В отдельных случаях наблюдается замшелость и слабая ноздреватость поверхностей, придающая им темносерую окраску.

Коллекция нижнепалеолитических находок из Чумус-иница неоднородна по своему составу. Значительная часть ее материалов образует характерный комплекс мустьерских изделий. В то же время некоторое количество кремней резко отличается от мустьерских более грубым, примитивным обликом. Эта группа находок по совокупности устойчивых архаических признаков, образует количественно немногочисленный комплекс ашельской эпохи. Кроме того, в коллекции встречаются и такие изделия, которые обладают признаками, свойственными технике обеих названных эпох, что вызывает определенные трудности в проведении четкой границы между обоими комплексами.

АШЕЛЬ

Ашельские изделия выделяются среди других нижнепалеолитических материалов местонахождения Чумус-иниц своими крупными размерами, массивностью и примитивностью обработки.

⁶ В. Г. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана. МАД, т. I, Махачкала, 1959, стр. 135—136, рис. 4, 7.

⁷ А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-таш, южный Узбекистан. В сб. «Тешик-таш. Палеолитический человек». М., 1949, стр. 55, 60; М. З. Паничкина. Палеолит Армении. Л., 1950, стр. 41—42; П. П. Ефименко. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы. СА, XXVI, 1956, стр. 34.

Все они, за исключением одного кварцитового скребла, изготовлены из кремнистого известняка. Однако их грубый архаический облик обусловлен не столько сравнительно низким качеством исходного материала, сколько, и главным образом, примитивностью применявшейся техники. Мустьерские изделия Чумус-иница, изготовленные из того же материала, отличаются от ашельских правильностью формы, значительно меньшей массивностью, тонким поперечным сечением и рядом других столь же характерных признаков, придающих им более совершенный вид.

Поверхности ашельских изделий вследствие длительного интенсивного выветривания покрыты плотной красноватой и желтовато-красной патиной, проникшей в исходный материал на 1—1,5 мм и даже несколько изменившей его структуру. Однако следов сильной окатанности на большинстве поделок не наблюдается.

В количественном отношении рассматриваемый комплекс крайне немногочислен: он включает всего 11 изделий. Среди них 2 грубых рубящих орудия, 3 примитивных скребла и 6 крупных отщепов клектонского облика.

Грубые рубящие орудия (2 экз.). Одно из них (рис. 3, 2) изготовлено из крупного уплощенного желвака кремнистого известняка, которому путем глубокого двустороннего подтесывания придана дисковидная форма. Следы подтесывания в виде крупных неглубоких фасеток покрывают края орудия с обеих сторон, оставляя в центральной части каждой из них большие участки желвачной корки. Поверхности орудия замшелые, ноздреватые, патина — темносерого цвета, фасетки сколов и ретуши сглажены.

Следует особо отметить, что противоположные края орудия обработаны неодинаково. Один из них, служивший, очевидно, рабочим краем, был заострен. Обработка другого края, игравшего, по-видимому, роль «пятки», ограничилась лишь уничтожением желвачной корки, благодаря чему его можно было удобно захватывать рукой.

Дугообразный рабочий край отличается извилистостью. В отдельных местах на нем наблюдаются небольшие, но сравнительно глубокие выщербинки, либо образовавшиеся в процессе пользования орудием, либо являющиеся следами специальной подправки рабочего края с помощью грубой ретуши.

Описанный экземпляр вероятно употреблялся в качестве грубого рубящего орудия. Как известно, подобные орудия широко представлены в инвентаре нижнепалеолитических местонахождений Кавказа. Правда, в ряде закавказских памятников, расположенных преимущественно на территории Армении и Юго-Осетии, орудия этого типа характеризуются более совершенной обработкой. По существу они представляют собой вариант ручного рубила, отличающийся от типичных образцов лишь

«более небрежной обработкой и менее четкими формами»⁸. Экземпляр из Чумус-иница отличается от них большей массивностью и грубой обработкой. По этим особенностям он может быть сближен с орудиями типа «сhoppers», получившими распространение в тех нижнепалеолитических памятниках, где ручные рубила представлены в малом числе. Подобно нашему экземпляру, они изготовлялись путем оббивки валунов или кусков камня и отличались массивностью и большим весом⁹. В ка-

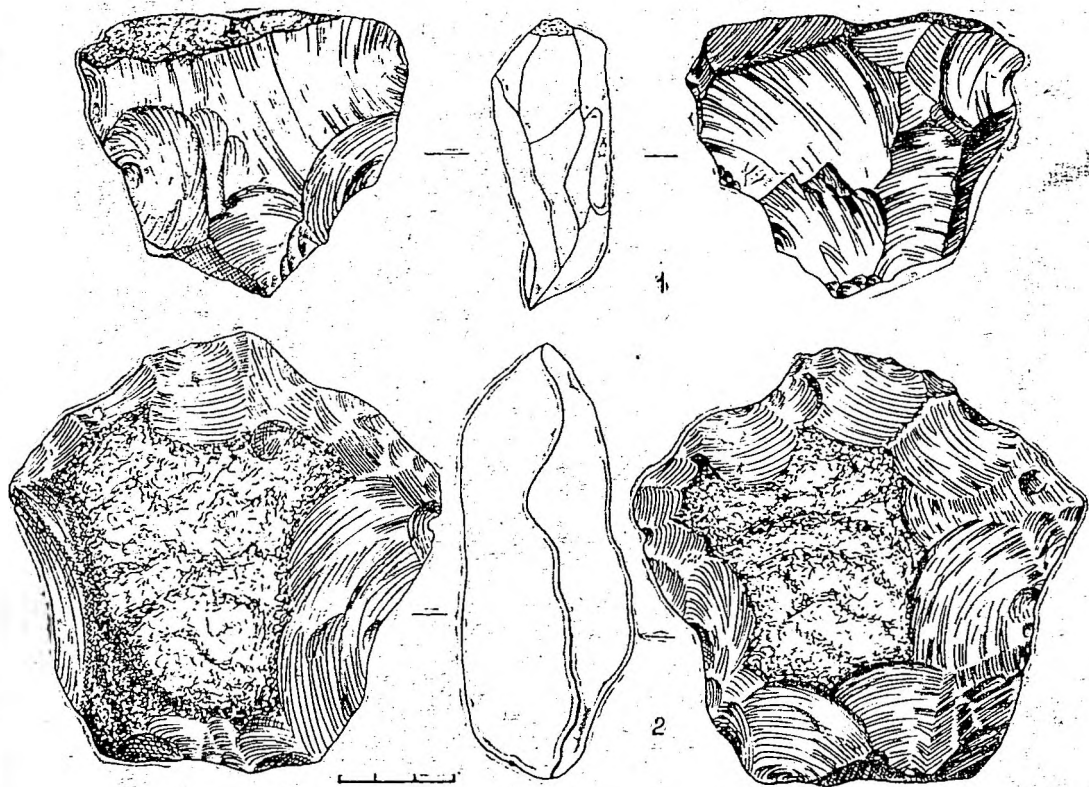

Рис. 3. Ашельские изделия местонахождения Чумус-иница (1,2 — грубые рубящие орудия).

⁸ М. З. Паничкина. Палеолит Армении, стр. 33; ее же. Шельский комплекс древнепалеолитического местонахождения Сатани-дар. МИА, № 39, 1953, стр. 31.

⁹ П. И. Борисковский. Древнейшее прошлое человечества. М.—Л., 1957, стр. 44.

честве аналогий нашей находке могут быть указаны рубящие орудия из нижнепалеолитических местонахождений Абхазии¹⁰, Прикубанья¹¹, Поднестровья¹² и средней Волги¹³.

Другое орудие этого типа (рис. 3, 1) изготовлено из крупного, массивного клетонского отщепя. Путем грубого двустороннего подтесывания ему придана подтреугольная форма. Рабочий край местами подправлен крупной ретушью. Описанное орудие своими размерами, массивностью и архаичностью приемов обработки близко напоминает соответствующие образцы из Яштухского местонахождения, также представляющие собой крупные отщепы, обработанные путем двустороннего подтесывания краев¹⁴.

Таким образом, в Чумус-инице представлены две равновидности грубых рубящих орудий, характерные для нижнепалеолитических памятников с инвентарем так называемого клетонского типа.

Примитивные скребла. Среди изделий рассматриваемого комплекса имеется три орудия типа примитивного скребла, изготовленных из крупных массивных отщепов. Выпуклый рабочий край одного из них (рис. 4, 5) подправлен участками грубой ретуши, фасетки которой имеются на его обеих сторонах. Противоположный утолщенный край, сохранивший желвачную корку, служил для захватывания орудия рукой.

Для изготовления другого орудия использован весьма массивный отщеп сильно удлиненных пропорций и треугольного сечения (рис. 4, 3). Его массивный рабочий край приострен с одной стороны тщательным подтесыванием, сочетающимся с участками крупной ретуши с заломами. Противоположный широкий край данного орудия так же как и у вышеописанного экземпляра сохраняет желвачную корку.

На изготовление обоих орудий пошли отщепы из кремнистого известняка, тогда как третий экземпляр (рис. 4, 1) изготовлен из кварцита. Его сравнительно небольшие размеры, по-видимому, определялись величиной кварцевой гальки, от которой он был отделен. Слегка округлый рабочий край обработан крутой, грубой ретушью. Массивный противоположный край, представляющий собой покрытую желвачной коркой широкую ударную площадку, удобен для захватывания рукой.

¹⁰ С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии. Сухуми. 1937; стр. 23, рис. 10, 1—3; его же. Очерки по палеолиту. М.—Л., 1961, табл. IX, 1—4; X, 3; XII, 4.

¹¹ С. Н. Замятнин. Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани. Сб. МАЭ, т. XII, 1949, стр. 491—492, рис. 3, 1, 2; А. А. Формозов. Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья. КС КИМК, XLVI, 1952, стр. 34, рис. 6, 2.

¹² П. И. Борисковский. Древнепалеолитические местонахождения среднего течения Днестра. СА, XI, 1949, рис. 3, 2, 3.

¹³ М. З. Паничкина. Разведки палеолита на средней Волге. СА, XVIII, 1953, стр. 256, рис. 16, 17, 1.

¹⁴ С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии, стр. 23, рис. 9, 1—3; его же. Очерки по палеолиту, стр. 79.

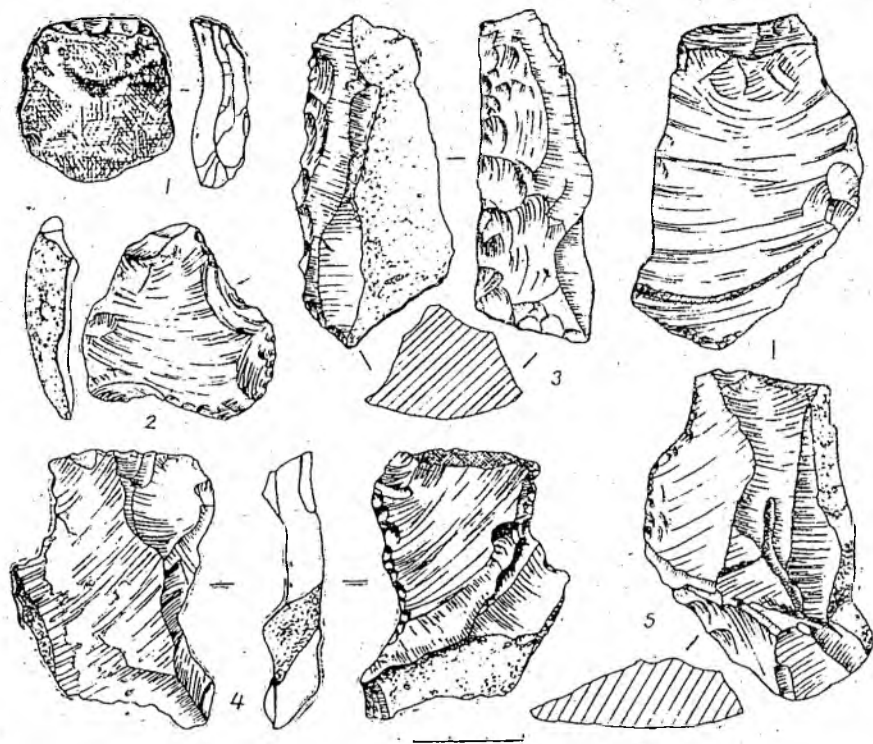

Рис. 4. Ашельские изделия местонахождения Чумус-иниц (1, 3, 5 — грубые скребла, 2, 4 — отщепы).

Все три орудия могут быть отнесены к категории скребел в известной мере условно, по их функциональному назначению. Типологически каждое из них обнаруживает весьма одаленное сходство со скреблом, как выработанной, устойчивой формой нижнепалеолитического, мустьерского орудия. В то же время, несмотря на невыработанность формы этих орудий, для них характерны такие общие признаки, как преднамеренная обработка рабочего края, служившего для скобления и, вероятно, резания, и наличие широкого необработанного противоположного края, предназначенного для более удобного пользования орудием в процессе работы. Отмеченные признаки выделяют их среди других обработанных отщепов данного комплекса, как специализированный по назначению, но еще не получивший устойчивой формы тип орудия. Подобные орудия, очевидно, являвшиеся предшественниками скребел, появляются уже на ранних стадиях нижнего палеолита. Они известны,

например, по находкам на Сатани-даре, Яштухе, Лечкопе и др. памятниках¹⁵.

Отщепы. Характерной группой поделок данного комплекса являются отщепы (6 экз.). Ознакомление с ними имеет немаловажное значение, так как они несут на себе ряд признаков, характеризующих основные приемы расщепления и вторичной обработки камня, что весьма важно не только для изучения техники обработки, но и для определения хронологической принадлежности рассматриваемого комплекса в целом.

Все ашельские отщепы Чумус-иница (включая сюда и те, из которых изготовлены рассмотренные выше орудия) характеризуются рядом повторяющихся, устойчивых архаических признаков. Их отличает массивность, значительные размеры, неустойчивая форма и, наконец, примитивность приемов вторичной обработки. Изучение сохранившихся на их спинках следов сколов показывает, что они отделялись от крупных дисковидных и, возможно, кубовидных нуклеусов обычного типа и двуплощадочных. Крупные широкие ударные площадки образуют тупой, а иногда — прямой угол с нижними плоскостями. В большинстве случаев (рис. 4, 2, 4, 5) они несут на себе следы двух-трех грубых сколов, которыми подправлялись ударные площадки нуклеусов. У двух экземпляров на ударных площадках сохранилась желвачная корка (рис. 4, 1). Ударные бугорки отличаются крупными размерами. В точке удара имеется полукруглый выступ, а под ним — характерный изъязнец с расходящимися мелкими трещинками (рис. 4, 2, 5). Полученные таким образом отщепы имеют специфический «клектонский» облик.

Большинство отщепов несет на себе следы вторичной обработки, производившейся с помощью подтесывания и грубого ретуширования. Нередко оба эти приема обработки дополняют друг друга (4, 2). Крупная грубая ретушь обычно затрагивала лишь небольшие участки по краям отщепов (рис. 4, 4). Вторичная обработка следует за контурами отщепов. Она не преследует цели придать рабочему краю отщепы определенной форму, а направлена лишь на то, чтобы приострить его. Интересно отметить, что вторичная обработка всех трех охарактеризованных выше орудий на отщепах отличается столь же архаическими приемами.

Таким образом, отличительной особенностью рассмотренной группы отщепов из Чумус-иница является их клектонский облик, сочетающийся с довольно архаическими приемами вторичной обработки. По этим общим признакам они могут быть сопоставлены с аналогичными поделками из домостерских палеолитических местонахождений, таких

---

¹⁵ М. З. Паничкина. Шелльский комплекс древнепалеолитического местонахождения Сатани-дар, стр. 16, 18, рис. 3, 1 и 13, 2, 4; е е же. Новые палеолитические находки на реке Псекупс (Кубань). КС ИА, 82, 1961, стр. 56, рис. 26, 6; С. Н. З а м я т н и н. Очерки по палеолиту, стр. 79, 86.

как Яштух, Сатани-дар, Фортетьяновка и Лаше-Балта — на Кавказе, Лука-Врублевецкая — в Поднестровье¹⁶.

Однако при более внимательном изучении этой группы инвентаря обращают на себя внимание и такие признаки, как удлиненные пропорции большинства отщепов, часть которых к тому же отделена от двуплощадочных нуклеусов, подправка ударных площадок на нуклеусах, причем у некоторых отщепов они образуют с нижней плоскостью почти прямой угол. Отмеченные особенности более всего свойственны технике развитого и позднего ашеля¹⁷.

Итак, в итоге рассмотрения архаического инвентаря местонахождения Чумус-иниц становится очевидным, что несмотря на крайнюю ограниченность имеющихся материалов, в данном комплексе представлен ряд характерных образцов архаических изделий (грубые рубящие орудия, примитивные скребла, клетонские отщепы), несущих на себе более или менее отчетливо выраженные черты ашельской техники. Основываясь на этом можно отнести рассмотренный комплекс к ашельской эпохе.

Интересно отметить, что в этом инвентаре совершенно отсутствуют ручные рубила. Причиной этого является, быть может, немногочисленность материалов, образующих данный комплекс. Однако отмеченное обстоятельство может рассматриваться и в ином плане, а именно: как свидетельство того, что ашельские местонахождения приморского Дагестана относятся к той группе нижнепалеолитических памятников, в инвентаре которых содержится малое количество ручных рубил. Косвенным подтверждением высказанному положению может служить следующий факт. Как уже отмечалось, рубящие орудия из данного комплекса своим примитивным обликом отличаются от подобных изделий из богатых бифасами местонахождений Закавказья (Армении и Юго-Осетии) и, наоборот, обнаруживают большое сходство с грубыми рубящими орудиями из других нижнепалеолитических памятников Кавказа, где ручные рубила единичны. Разумеется, данный факт не может служить исчерпывающим доказательством в пользу высказанного положения, но его не следует недооценивать при постановке вопроса о возможном облике ашельской культуры Дагестана, тем более, что на Кав-

---

¹⁶ С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии, стр. 23; его же. Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани, стр. 490; М. З. Паничкина. Палеолит Армении, стр. 33, 36; ее же. Шелльский комплекс древнепалеолитического местонахождения Сатани-дар, стр. 13, 16; А. Д. Формозов. Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья, стр. 33, 34; В. Л. Любин. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии. МИА, № 79, 1960, стр. 50.

¹⁷ М. З. Паничкина. Палеолитические нуклеусы (экскурс в область первобытной техники обработки камня). «Археологический сборник», I, Издательство Гос. Эрмитажа, Л., 1959, стр. 14—36.

казе-теперь уже известно немало ашельских памятников с клейтонским инвентарем и малым количеством ручных рубил¹⁸.

Возвращаясь к вопросу о возрасте рассмотренного комплекса, заметим, что при его решении должны быть обязательно приняты во внимание отмечавшиеся выше черты развитой ашельской техники, особенно отчетливо прослеженные на группе отщепов. С учетом этих особенностей представляется возможным датировать данный комплекс развитым или поздним ашелем.

Предлагаемая дата является, что совершенно очевидно, довольно общей. Однако уточнение ее в настоящее время не представляется возможным из-за отсутствия достаточного количества материалов. Такая возможность, вероятно, представится только после проведения новых сборов на местонахождении Чумус-иниц.

МУСТЬЕ

Комплекс мустьерских изделий местонахождения Чумеус-иниц насчитывает 60 экземпляров различных поделок, в том числе 14 нуклеусов и нуклевидных обломков, 5 дисков, 34 отщепа, 4 пластины, 1 остроконечник, 1 скребло и 1 резец. Двусторонние формы совершенно отсутствуют.

Преобладающее большинство изделий изготовлено из кремнистого известняка. Они отличаются от ашельских по характеру и степени патинизации и, главным образом, более совершенной техникой расщепления и вторичной обработки исходного материала. Покрывающая мустьерские изделия патина имеет желтоватый или желтовато-белый оттенок цвета; она проникает в материал на 0,5—1,0 мм. Мустьерским изделиям свойственны сравнительно небольшие размеры, тонкие края, тонкое поперечное сечение, более тщательная ретушь (чаще всего — уступчатая с заломами), обычно формирующая рабочий край орудия. Отщепы и пластины характеризуются небольшими размерами ударных бугорков и ударных площадок, причем последние нередко тщательно подправлялись на нуклеусе. Значительно возрастает в мустьерскую эпоху количество устойчивых выработанных форм орудий, дифференцированных по назначению. Все это придает комплексу мустьерских изделий Чумус-иница более совершенный, по сравнению с ашельскими, облик.

Нуклеусы. В мустьерском комплексе Чумус-иница нуклеусы и нуклевидные обломки по численности составляют вторую после отщепов группу находок (14 экз.). Они различаются между собой как по разме-

¹⁸ А. А. Формозов. Проблема локальных различий в древнем палеолите СССР. «Советская антропология», № 1, 1958, стр. 34—36; его же. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 27—28.

рам, так и, что особенно важно, по типам. Наряду с дисковидными формами нуклеусов в данном комплексе представлены и такие развитые типы ядрищ, как двуплощадочные и одноплощадочные. Это свидетельствует о серьезных прогрессивных сдвигах, достигнутых мустьерской техникой расщепления камня по сравнению с предшествующей ашельской эпохой.

Дисковидные нуклеусы и близкие к ним нуклеидные формы составляют большинство изделий этой серии (9 экз.). Однако среди них имеется всего 3 целых экземпляра (рис. 5, 1—3). Они отличаются неправильной, неустойчивой формой, отдаленно напоминающей окружность или овал. Отмеченная особенность описываемых ядрищ, по-видимому, во многом зависела от неправильных очертаний плитчатых обломков и округлых желваков, в виде которых встречается здесь кремнистый известняк, шедший на их изготовление. Определенную роль играло в этом и сравнительно низкое качество исходного материала.

Все три описываемых экземпляра относятся к числу односторонних ядрищ. Они имеют утолщенное (рис. 5, 2) или односторонне выпуклое (рис. 5, 1, 3) поперечное сечение. Одна из сторон каждого ядрища покрыта желвачной коркой. Ее края, служившие ударной площадкой, местами сохраняли гладкую поверхность желвачной корки, а местами выравнивались мелкой отбивкой. Линия края благодаря этому сильно изломана.

Противоположная, рабочая сторона несет на себе следы отделения отщепов. У двух ядрищ (рис. 5, 2, 3) на рабочей стороне сохранились фасетки нескольких радиально направленных сколов, отличающихся более или менее одинаковыми размерами. С третьего нуклеуса, ударная площадка которого обработана более тщательно, был сколот всего лишь один крупный широкий отщеп (рис. 5, 1). Остальные фасетки отличаются небольшими размерами и скорее напоминают следы предварительной оббивки рабочей поверхности. Этот нуклеус после использования был превращен в рубящее орудие. С этой целью его выступающий край был приострен с обеих сторон мелкой отбивкой.

В целом, описанные экземпляры представляют собой довольно типичные образцы дисковидных ядрищ, широко употреблявшихся на протяжении второй половины ашеля и всего мустье¹⁹. Что же касается нуклеуса, предназначенного для скалывания одного крупного отщепа (рис. 5, 1), то по отмеченным особенностям он может быть до некоторой степени сближен с так называемыми «черепаховидными» (tortoise) ядрищами, характерными для леваллуазской техники²⁰.

К этой же группе относятся 2 крупных скола с дисковидных нуклеусов (рис. 6, 7, 8). У каждого из них одна сторона образована гладкой отбивной поверхностью скола, а противоположная представляет собой часть рабочей стороны нуклеуса со следами отделенных от него

¹⁹ М. З. Паничкина. Указ. соч., стр. 19, 20, 23.

²⁰ Там же, стр. 19—21.

отщепов. У обоих экземпляров сохранились участки ударных площадок, тщательно выровненных мелкой отбивкой.

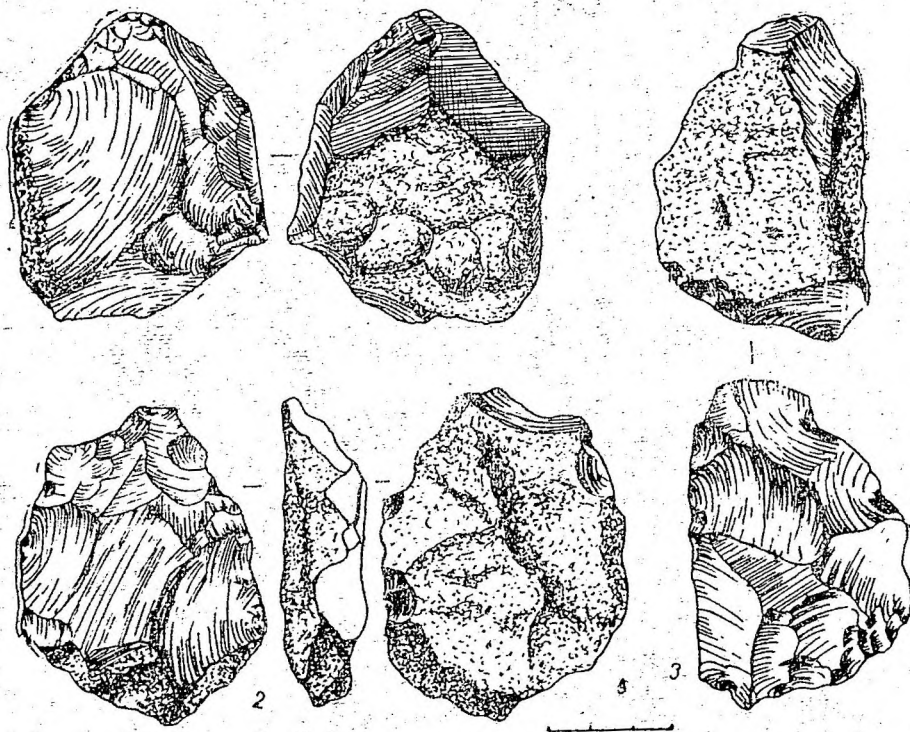

Рис. 5. Мустьерские изделия местонахождения Чумус-иниц (1—3 — дисковидные нуклеусы).

Двуплощадочные нуклеусы (2 экз.) представлены двумя разновидностями. Один из них (рис. 6, 4) является двусторонним ядрищем с противоположащим скалыванием. Он представляет собой массивный уплощенный желвак подпрямоугольной формы. Скалывание производилось с обеих сторон, причем на каждой из них сколы шли только в одном направлении, параллельно длинным краям нуклеуса. Ударными площадками служили его короткие края, выровненные мелкой отбивкой и скошенные. На каждой стороне нуклеуса имеется фасетка от скалывания крупных (почти на всю его величину) пластин. По отмеченным особенностям он может быть сопоставлен с так называемыми четырехугольными ядрищами, предназначенными для отделения первичных заготовок в параллельном направлении. Подобные нуклеусы, полу-

чившие широкое распространение в позднем ашеле — раннем мустье, весьма характерны для леваллуазской техники²¹.

Другой экземпляр относится к числу типичных образцов односторонних двуплощадочных нуклеусов продольного типа. На его нижней стороне имеются следы скальвания, производившегося в противоположных направлениях. Ударными площадками служили короткие края орудия.

Двуплощадочные нуклеусы, как своеобразный устойчивый тип ядрищ, лишь сравнительно недавно выделены в инвентаре нижнепалеолитических местонахождений Кавказа²². Несмотря на это, уже в настоящее время стало очевидным, что они получили здесь довольно широкое распространение в тех ашельских и мустьерских памятниках, где в приемах обработки камня прослеживаются леваллуазские черты²³. На территории нашей страны за пределами Кавказа они встречены в Средней Азии (Таджикистан)²⁴.

Треугольные, или, точнее, одноплощадочные нуклеусы треугольной формы²⁵ (3 экз.), изготовлены из уплощенных продолговатых желваков кремнистого известняка, сохранивших на выпуклой тыльной стороне корку. Скальвание отщепов производилось с одной стороны и в одном направлении, от расширенного основания нуклеуса, служившего ударной площадкой. Ударная площадка расположена под острым углом к рабочей стороне нуклеуса. У двух экземпляров (рис. 6, 5) она выровнена крупными сколами, у третьего (рис. 6, 6) — подправлена столь же тщательно, как и у описанных выше сколов с дисковидных ядрищ.

Треугольные одноплощадочные нуклеусы представляют собой одну из разновидностей ядрищ леваллуазского типа. Выявленные впервые в ашельских и мустьерских местонахождениях Армении²⁶, они известны сейчас по находкам в ряде других пунктов Закавказья²⁷. Материалы дагестанских местонахождений расширяют ареал их распространения, свидетельствуя о том, что они употреблялись и на Северо-Восточном

²¹ Там же, стр. 21, 29, 33.

²² В. П. Любин. Каменный век Юго-Осетии. Автореферат диссертации. Л., 1953, стр. 13—14.

²³ В. П. Любин. Нижнепалеолитические находки на Тереке. Тр. ҚИЧП, т. XIII, 1957, стр. 337—341, рис. 2, 1; его же. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии, стр. 55—57, 68, рис. 12, 2, 6; 14, 1; М. З. Паничкина. Указ соч., стр. 29, 33.

²⁴ А. П. Окладников. Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы. «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959, стр. 168, рис. 7, 3.

²⁵ В. П. Любин. Верхнеашельская мастерская Джарбер (Армения): ҚС ИА, 82, 1961, стр. 60, 62.

²⁶ М. З. Паничкина. Палеолит Армении, стр. 56—57, 66, 78, рис. 16, 5, 6; рис. 23, 3; ее же. Аширабадское мустьерское местонахождение в Армении. ҚС ИИМК, XXXVI, 1951, стр. 80, 82, рис. 18, 6.

²⁷ В. П. Любин. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии, стр. 68, 70; рис. 16, 3; 17, 9; его же. Верхнеашельская мастерская Джарбер, стр. 62, рис. 30, 1; М. З. Паничкина. Палеолитические нуклеусы, стр. 21, 24, 37, 3Д8, 41.

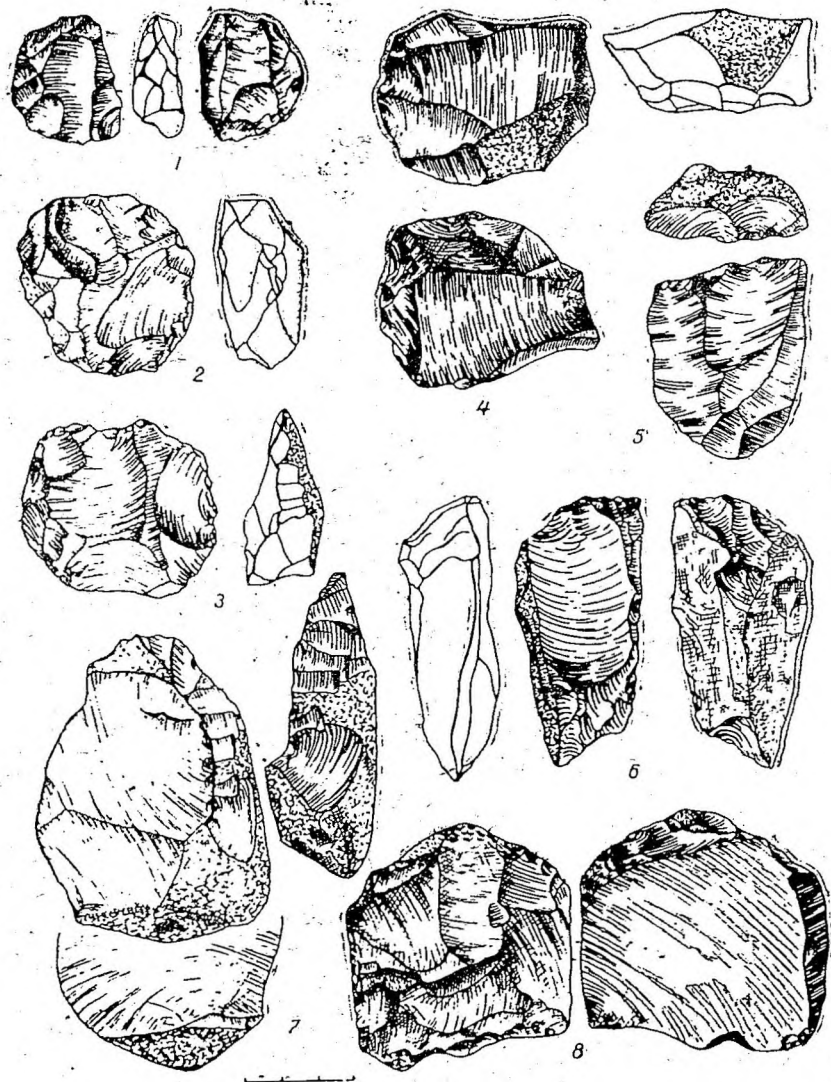

Рис. 6. Мустьерские изделия местонахождения Чумус-инид (1—3 диски, 4—дву-
 щадочный нуклеус, 5, 6 — треугольные нуклеусы, 7—8 — крупные сколы с дисковид-
 ных нуклеусов).

Кавказе. Эта форма нуклеусов нередко встречается и в нижнепалеолитических комплексах Восточного Средиземноморья, особенно — Египта²⁸. Повсеместно они характерны для ашельских и мустьерских памятников с леваллуазской техникой²⁹.

Дисковидные орудия. Значительное место среди законченных изделий данного комплекса занимают орудия в форме диска (5 экз.). Они представляют собой остаточные ядрища более или менее правильной округлой или овальной формы, края которых местами подправлены мелкой отбивкой или ретушью. Для их изготовления использовались как односторонние, так и двусторонние нуклеусы, благодаря чему часть дисков сохраняет с одной стороны желвачную корку, тогда как у других обе стороны покрыты негативами сколов (рис. 6, 1—3). Различаются они и по величине.

Крупные диски (диам. 45—55 мм), отличающиеся круглой формой, по-видимому, выполняли функции небольших рубящих и скобящих орудий (рис. 6, 2, 3). Подобные орудия, как это недавно установлено, получили довольно широкое распространение на Кавказе в ашельскую и мустьерскую эпохи нижнего палеолита³⁰. В последнее время они были обнаружены также и в Крыму³¹.

Другая разновидность дисковидных орудий из Чумус-иница (2 экз.) отличается небольшими размерами (диам. 30—35 мм). Они изготовлены из сработанных двусторонних ядрищ овальной формы со следами противоположащего скалывания (рис. 6, 1). На каждой из сторон у них имеется фасетка одного крупного (почти на всю длину орудия) скола, местами деформированного при последующей обработке краев орудия мелкой подтеской. Скалывание с этих ядрищ производилось вдоль длинной оси. Ударными площадками служили их поперечные края. Типологически они близко напоминают описанный выше экземпляр четырехугольного двуплощадного ядрища со следами противоположащего скалывания (рис. 6, 4), отличаясь от него менее крупными размерами. Не исключено, что они первоначально имели форму близкую к четырехугольной, но последующей обработкой им были приданы более округлые очертания.

Подобного рода небольшие дисковидные орудия, насколько нам известно по литературе, до сих пор не были отмечены в инвентаре нижнепалеолитических местонахождений Кавказа и других областей юга

²⁸ G. Caton-Thompson. The Levalloisian Industries of Egypt. Proceeding of the Prehistoric society for 1946. New series, vol. XII, fig. 3, 1; 7, 1—3, 5; 8, 1, 2, 4.

²⁹ М. З. Паничкина. Палеолит Армении, стр. 66.

³⁰ С. Н. Замятин. Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани. Сб. МАЭ, т. XII, 1949, стр. 490; М. З. Паничкина. Палеолит Армении, стр. 56—57, 76—78, 82—83; ее же. Аширабадское мустьерское местонахождение в Армении, стр. 82; А. А. Формозов. Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья, стр. 34, 39; В. П. Любин. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии, стр. 44.

³¹ А. А. Формозов. Исследование стоянок каменного века в Крыму в 1952 г. КС ИИМК, 54, 1954, стр. 65.

нашей страны. Некоторое сходство с ними обнаруживают небольшие овальные диски из поздневаллуазских комплексов Египта, также изготовленные из двуплощадочных ядрищ с противолежащим скалыванием³².

Отщепы. Наиболее многочисленную категорию поделок данного комплекса составляют отщепы (34 экз.). Большинство из них имеют подтреугольную форму (рис. 7, 2, 3), но встречаются отщепы более сложной конфигурации (рис. 7, 1, 7, 8, 12). По своим размерам, массивности и характеру обработки они значительно отличаются от клектонских отщепов ашельского комплекса. Их ударные площадки предварительно подправлены (рис. 7, 1—3, 7), нередко — даже тщательно подтесаны (рис. 7, 11, 12) на нуклеусе. Однако встречаются и единичные отщепы с необработанными ударными площадками (рис. 7, 8). Ударные площадки образуют с нижними плоскостями отщепов прямой, или реже, тупой угол. Размеры ударных площадок и ударных бугорков становятся значительно меньшими. На верхней плоскости отщепов сохраняются следы двух — пяти сколов, грани которых, как правило, пересекаются, что свидетельствует об отделении их от дисковидного нуклеуса. Наряду с ними встречаются экземпляры удлиненно-треугольных очертаний, у которых на спинке имеется негатив одного крупного скола (рис. 7, 3). Подобные отщепы, по-видимому, отделялись от треугольных или четырехугольных нуклеусов с параллельным скалыванием. Большинство отщепов не имеет вторичной обработки, но на отдельных экземплярах наблюдаются участки ретуши (рис. 7, 1, 2, 12).

В целом эта группа находок несет на себе характерные признаки развитой мустьерской техники, обнаруживая близость с соответствующим изделиям из Аширабадского местонахождения в Армении³³ и из мустьерских слоев Ахштырской и Навалишенской пещер на Черноморском побережье Кавказа³⁴.

Пластины. Наряду с отщепами в Чумус-инице найдены и пластины (4 экз.), отличающиеся сравнительно небольшими размерами и тонким поперечным сечением (рис. 7, 4, 5, 10). Ударные площадки тщательно подтесаны на нуклеусе и образуют с нижней плоскостью прямой угол. У двух пластин они расположены не перпендикулярно, а наискось по отношению к длинным осям, что является архаическим признаком³⁵.

Ограничение верхних плоскостей пластин параллельное. Отмеченные признаки свидетельствуют об их отделении от одноплощадочных или двуплощадочных нуклеусов с параллельным скалыванием. Как извест-

³² G. Caton-Thompson. Ibid., fig. 9, 5.

³³ М. З. Паничкина. Аширабадское мустьерское местонахождение в Армении, стр. 80.

³⁴ С. Н. Замятин. Навалишенская и Ахштырская пещеры на Черноморском побережье Кавказа. БКИЧП, № 6—7, 1940, стр. 100—101; его же. Изучение палеолитического периода на Кавказе в 1936—1948 гг. «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, М.—Л., 1950, стр. 131, 133.

³⁵ С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии, стр. 20.

но, подобные пластины встречаются в небольшом количестве в поздних мустьерских памятниках³⁶. Однако там, где в технике обработки камня практиковались леваллуазские приемы, они появились значительно раньше, — еще в ашеле, и довольно широко представлены в леваллуамустьерских комплексах³⁷.

Остроконечник (1 экз.) изготовлен из удлиненной пластины (рис. 7, 9). Острый рабочий конец обработан крутой уступчатой ретушью. Описываемый остроконечник своими удлиненными пропорциями напоминает аналогичные орудия из некоторых мустьерских памятников Закавказья³⁸ и Крыма³⁹, относящихся ко второй половине мустьерской эпохи.

В отличие от них экземпляр из Чумус-иница имеет посередине левой стороны неглубокую округлую выемку, оформленную крутой уступчатой ретушью. Она выполняла, по-видимому, функции скребка или скобеля с вогнутым рабочим краем. Таким образом, это изделие представляет собой комбинированное орудие, в котором острие сочетается с боковой выемкой. Один из элементов этого орудия — остроконечник — является, как известно, типичной принадлежностью мустьерского инвентаря, тогда как скобящие орудия с выемчатым рабочим краем встречаются в это время значительно реже. Однако и они известны в нижнепалеолитических памятниках Кавказа по находкам в домустьерских⁴⁰ и мустьерских⁴¹ комплексах. Они встречаются также в мустьерских памятниках Крыма⁴² и Восточного Средиземноморья⁴³. Стало быть, наличие орудия с выемкой в мустьерском комплексе местонахождения Чумус-иница не является чем-то необычным. Более того, в леваллуамустьерском местонахождении Морго (Юго-Осетия) найдено 2 остроконечника с боковыми выемками⁴⁴. Как отмечает исследователь данного местонахождения В. П. Любин, выемки на этих орудиях располагались посередине их левого края, то есть совершенно так же, как и на орудии из Чумус-иница. Такое совпадение наводит на мысль о том, что мы имеем здесь дело не со случайной, а с преднамеренной комбинацией

³⁶ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 201; П. И. Борисковский. Древнейшее прошлое человечества, стр. 146.

³⁷ М. З. Паничкина. Палеолит Армении, стр. 62—63, 86; ее же. Аширабадское мустьерское местонахождение в Армении, стр. 80; ее же. Палеолитические нуклеусы, стр. 32; В. П. Любин. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии, стр. 48, 50.

³⁸ М. М. Гусейнов. Мустьерская стоянка в пещере Дашсалахлы. Изв. АН Аз. ССР, серия обществ. наук, № 6, Баку, 1956, табл. 5, 1, 2.

³⁹ А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. МИА, № 71, 1958, рис. 54, 2, 5, 6; Д. А. Крайнов. Раскопки Бахчисарайской мустьерской стоянки в 1957 г. КС ИИМК, 78, 1960, рис. 5, 2.

⁴⁰ С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии, рис. 7, 3.

⁴¹ М. З. Паничкина. Аширабадское мустьерское местонахождение в Армении, рис. 18, 3.

⁴² А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 94, рис. 51, 9.

⁴³ Alfred Rust. Die Höhlenfunde von Jabrud (Syrien), Neumünster, 1950, taf. 71, 1—3, 8.

⁴⁴ В. П. Любин. Указ. соч., стр. 74.

острия и выемчатого скребка на одном орудии. Во всяком случае вероятность такого предположения нельзя считать совершенно исключенной.

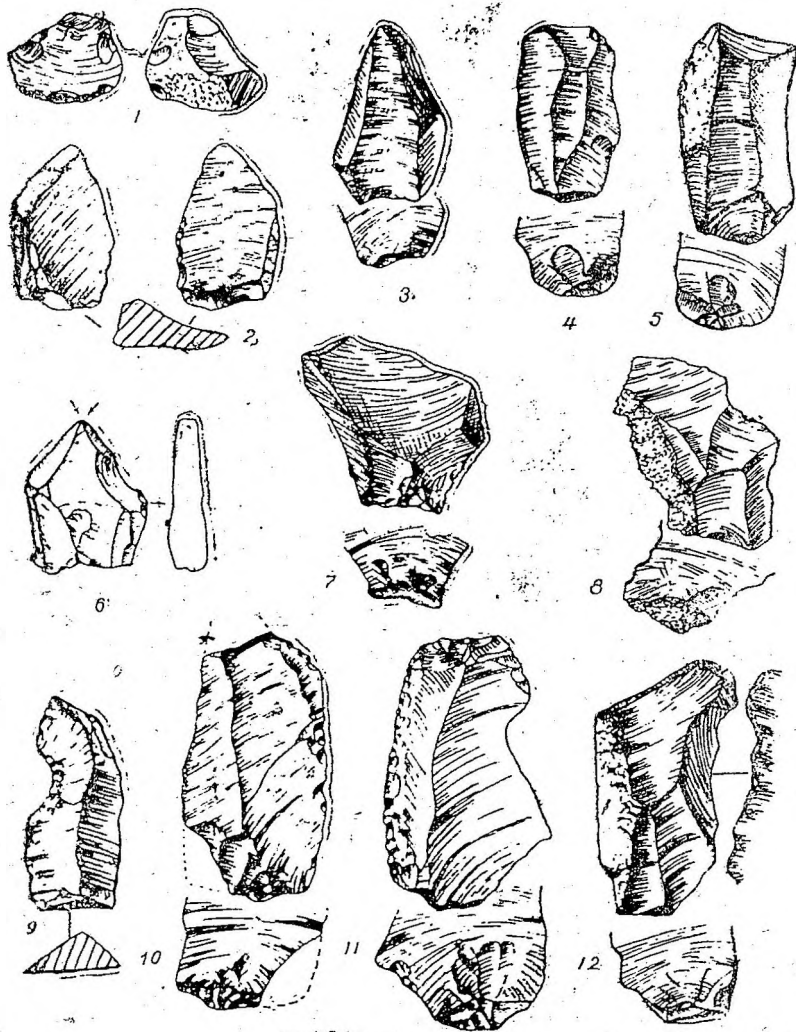

Рис. 7. Мустьерские изделия местонахождения Чумус-иниц (1—3, 7, 8, 12 — отщепы 4, 5, 11 — пластины, 6 — резец, 9 — остроконечник, 10 — скребло).

Скребло. Типичным орудием мустьерской эпохи является скребло, представленное в Чумус-инице превосходным экземпляром (рис. 7, 11), изготовленным на широком отщепе, отличающемся удлинненными пропорциями. Слегка выпуклый рабочий край орудия сформирован крутой уступчатой ретушью с заломами, захватывающей также и противоположный ударной площадке край орудия. Подобные орудия нередко встречаются в мустьерских комплексах Кавказа⁴⁵.

Резец. В описываемом комплексе имеется также резец (1 экз.). Для его изготовления использован небольшой массивный отщеп из качественного мелового кремня, первоначально имевший подпрямоугольные очертания. Верхние края заготовки были затем уничтожены двумя последовательными, косо направленными сколами, идущими от середины отщепа к его длинным краям. Сходящиеся под острым углом грани этих сколов образуют рабочий край резца срединного типа (рис. 7, 6):

Как известно, резцы довольно редко встречаются в мустьерских памятниках юга нашей страны. До сих пор они были известны по находкам в инвентаре позднемустьерских стоянок Кавказа и Крыма, таких как Ильская⁴⁶, Шайтан-коба⁴⁷ и Староселье⁴⁸. Однако, в Восточном Средиземноморье, как отмечал С. Н. Замятнин, резцы появляются значительно раньше, еще в конце ашельской эпохи⁴⁹. Следовательно, наличие резца в рассматриваемом комплексе не может противоречить его датировке мустьерской эпохой. Небезынтересно отметить, что большинство резцов, найденных в мустьерских памятниках Кавказа и Крыма, относятся к типу срединных. Основываясь на этом можно предположить, что срединные резцы являются одной из древнейших разновидностей этой категории орудий.

Рассматривая инвентарь данного комплекса в целом, мы должны прежде всего отметить его сравнительно развитый облик, проявляется как в применении довольно совершенных приемов расщепления и вторичной обработки исходного материала, так и в наличии разнообразных по формам и назначению изделий.

Высокий уровень развития техники расщепления документируется разнообразием применявшихся приемов, позволявших мастерски использовать даже такой несовершенный материал, каким является крем-

⁴⁵ С. Н. Замятнин. Очерки по палеолиту, табл. XX, 4; XXXVI, 12; М. З. Паничкина. Новые нижнепалеолитические местонахождения левобережных притоков р. Кубани. Сб. материалов по археологии Адыгеи. Т. II, Майкоп, 1961; рис. 11, 5.

⁴⁶ С. Н. Замятнин. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения. Труды II международной конференции АИЧПЕ, V, М.—Л., Новосибирск, 1934, стр. 212.

⁴⁷ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита. Труды II международной конференции АИЧПЕ, V, М.—Л., Новосибирск, 1934, стр. 145—146, табл. III, 7—10.

⁴⁸ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 104—105, рис. 48, 2, 4.

⁴⁹ С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 212—213. Ср. также D. Garrod and D. Bate. The stone age of mount Carmel. Oxford, 1937, pl. XXXIII, 11, 12; XXXIV, 8; XXXV, 4—7; A. Rust. Ibid., taf. 56, 1, 59, 6, 7; 71, 13.

нистый известняк. Это нашло свое отражение в многообразии форм нуклеусов, представленных в данном комплексе, и в относительно совершенном облике скальывавшихся с них отщепов и пластин. Наряду с типичными для мустьерской эпохи дисковидными нуклеусами, в Чумус-инице найдены и такие формы ядрищ (одноплощадочные, двуплощадочные), которые свойственны леваллуазской технике.

Нуклеусы образуют значительную серию характерных изделий данного комплекса, тогда как количество орудий труда весьма невелико. И тем не менее в данной коллекции представлены, хотя и в ограниченном количестве, почти все руководящие типы орудий, встречаемые и в других мустьерских памятниках Кавказа и отчасти Крыма, а именно: дисковидные орудия, остроконечники, скребла и даже — резцы. Несмотря на количественную ограниченность имеющихся материалов, удалось выявить более дробные различия среди некоторых типов орудий (диски), что может в известной мере служить указанием на возможную дифференцированность инвентаря внутри каждого из других имеющихся типов орудий.

Таким образом, рассмотрение инвентаря, образующего данный комплекс изделий Чумус-иница и намеченный круг аналогий к ним позволяют уверенно отнести его к мустьерскому времени. Существенное значение для уточнения предлагаемой датировки имеют некоторые признаки, отмеченные выше при рассмотрении отдельных категорий инвентаря. В числе этих признаков укажем на развитый характер техники расщепления и вторичной обработки исходного материала, прием тщательного подтесывания ударных площадок на нуклеусах, выработанность устойчивых типов орудий (удлиненный остроконечник, скребло, срединный резец), некоторая дифференцированность отдельных типов орудий (диски) и др. Судя по этому, рассмотренный комплекс вероятнее всего следует датировать второй половиной мустьерской эпохи.

В настоящее время эта датировка разделяется многими советскими специалистами-палеолитоведами, что частично нашло свое отражение и в литературе⁵⁰.

2. Местонахождение у совхоза им. Красных партизан (Геджух)

Обнаруженное М. З. Паничкиной мустьерское местонахождение расположено к югу от поймы реки Дарваг-чай, на расстоянии около 3 км от урочища Чумус-иниц и, примерно, 0,7 км в СЗ от поселка Геджух, где находится винодельческий совхоз им. Красных партизан. Оно

⁵⁰ В. П. Любин и А. А. Формозов. Изучение нижнего палеолита в СССР за последние десять лет (1946—1955). М., 1956, стр. 9; П. И. Борисковский. Древнейшее прошлое человечества, стр. 102; А. П. Окладников. Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в СССР за 40 лет. СА, 1957, № 4, стр. 15; С. Н. Бибииков. Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита. СА, 1959, № 4, стр. 24.

также приурочено к третьей древнекаспийской террасе. Стратиграфия напластований террасы на данном участке такова:

1. Почвенный слой — 0,2—0,4 м
2. Серый суглинок — 0,2—0,7 м
3. Слоистые детритусовые известняки — коренная порода.

Стратифицированные палеолитические находки в данном местонахождении отсутствуют. Мустьерские изделия собраны непосредственно на современной распахиваемой поверхности террасы. Находки древних изделий здесь крайне немногочисленны: на участке пашни размерами 300×200 м обнаружено всего 18 бесспорно палеолитических поделок. Участок, откуда происходят эти находки, примыкает с севера к карьеру для добычи известняка, вблизи которого сделала свою находку и М. З. Паничкина.

В отношении стратиграфической принадлежности мустьерских находок из данного местонахождения мы разделяем мнение упомянутой исследовательницы, полагавшей, что местом их первоначального залегания служил слой серых суглинков, охарактеризованный с ее слов С. Н. Замятинным, как слой «четвертичной глины, лежащей выше известняка»⁵¹. С этим же слоем, как отмечалось выше, были, вероятно, стратиграфически связаны и палеолитические находки в урочище Чумус-иниц.

Довольно хорошая сохранность палеолитических изделий из окрестностей Геджуха, отсутствие сколько-нибудь значительных следов окатанности и механических повреждений, свидетельствуют об их незначительной переотложенности. Это тем более вероятно еще и потому, что в данном районе третья терраса на большой протяженности имеет довольно ровную, платообразную поверхность, местами рассеченную руслами древних оврагов.

Собранные в Геджухском местонахождении палеолитические поделки изготовлены из кремнистого известняка, совершенно аналогичного тому, который шел на изготовление орудий в соседнем местонахождении Чумус-иниц. Их поверхности покрыты густой плотной патиной желтоватого и желтовато-белого цвета, глубоко проникшей в материал и маскирующей его естественный цвет. Края изделий достаточно острые, поверхности слегка сглажены, но отчетливо сохраняют негативы сколов, фасетки ретуши.

Комплекс геджухских находок довольно однороден. Он включает сработанный дисковидный нуклеус, 3 обломка дисковидных орудий, 2 остроконечника и 12 отщепов. Все эти изделия несут на себе характерные признаки развитой мустьерской техники.

⁵¹ С. Н. Замятин. Изучение палеолитического периода на Кавказе за 1936—1948 гг., стр. 136.

Нуклеусы. Эта категория изделий представлена в геджухской единичным экземпляром типичного одностороннего дисковидного нуклеуса, имеющего вследствие сработанности небольшие размеры и уплощенную форму (рис. 8, 5). На одной стороне имеются негативы сколов, радиально направленные от краев к центру, а на противоположной — сохранился участок желвачной корки, уничтоженной по краям несколькими сколами, формировавшими ударную площадку нуклеуса. Один из его выпуклых краев подправлен с обеих сторон участками грубой ретуши, что свидетельствует о его последующем использовании в качестве дисковидного орудия.

Дисковидные орудия. Весьма характерную группу изделий образуют крупные обломки дисковидных орудий (3 экз.). Все они сломаны в глубокой древности; поверхности изломов покрыты патиной. Геджухские диски относятся к первой разновидности этой группы изделий, выделенной нами на материалах из Чумус-иница. Для их изготовления использовались сработанные односторонние дисковидные нуклеусы. Обломки дисков, судя по наличию двусторонней ретуши на их выпуклых краях, вероятно, использовались в качестве скребел (рис. 8, 3, 6).

Отщепы. Найденные в Геджухском местонахождении отщепы (12 экз.) отличаются довольно развитым обликом. Для них характерны треугольные, реже — подпрямоугольные очертания, сравнительно небольшие размеры, тонкое поперечное сечение (рис. 8, 1, 2, 4). Ударные бугорки и ударные площадки отличаются небольшими размерами, причем ударные площадки, как правило, подправлялись на нуклеусах, а в отдельных случаях — тщательно подтесывались (рис. 8, 2). Они располагаются обычно под прямым углом к нижним плоскостям отщепов. Вторичная обработка у большинства отщепов отсутствует, но на отдельных экземплярах (рис. 8, 4) имеются небольшие участки ретуши. По своему облику они близко напоминают соответствующие изделия из мустьерского комплекса Чумус-иница и других памятников второй половины мустьерской эпохи.

К этой же категории находок относится также и отщеп, найденный здесь М. З. Паничкиной. К сожалению эта находка оказалась утерянной во время Великой Отечественной войны. Однако по счастливой случайности сохранился рисунок этого отщепа, любезно переданный нам М. З. Паничкиной. Судя по нему, данный отщеп отличался подтреугольными очертаниями, подправкой ударной площадки на нуклеусе, а также, по свидетельству С. Н. Замятнина, желтовато-белым цветом поверхностей⁵², т. е. всеми теми же признаками, что и рассмотренные выше изделия.

Остроконечники. Законченные орудия представлены остроконечниками (2 экз.). Один из них (рис. 8, 1) представляет собой тонкий подтреугольный отщеп, вытянутый конец которого слегка подретуширован.

⁵² С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 136.

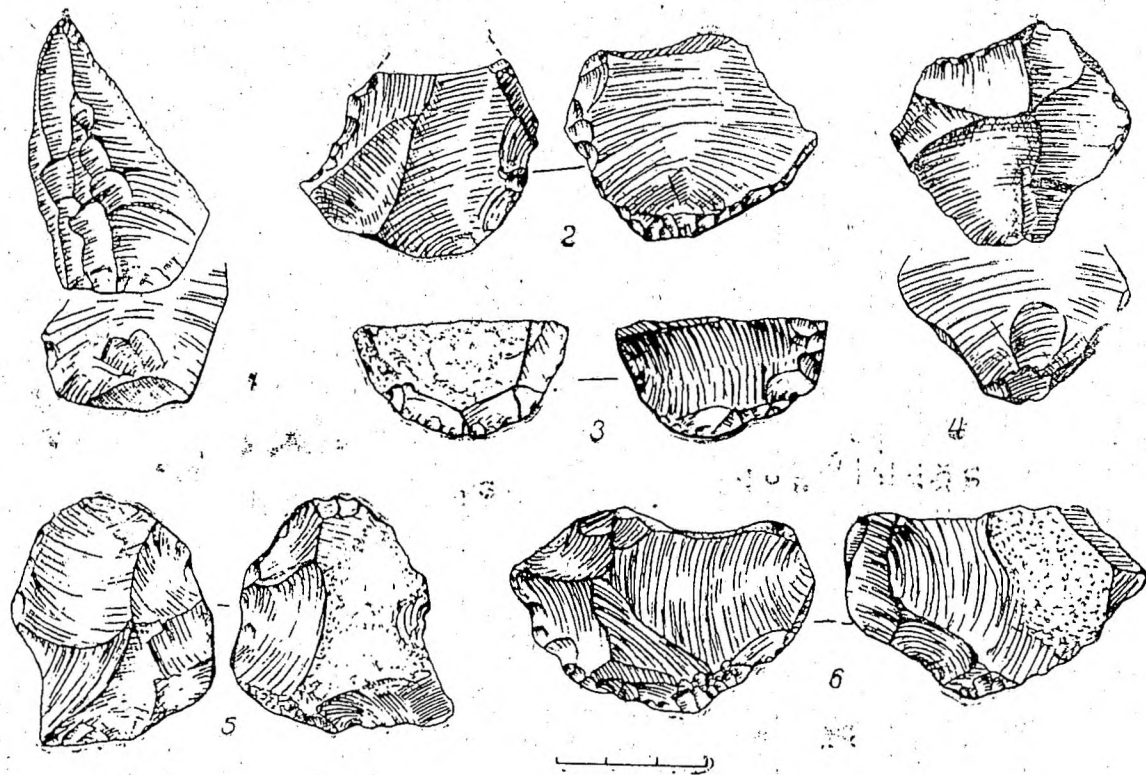

Рис. 8. Мустьерские изделия местонахождения у совхоза им. Красных партизан (Геджух). (1, 2 — остроконечники, 3, 6 — скребла, 4 — отщеп, 5 — дисковидный нуклеус).

На одном крае орудия сохранились мелкие фасетки приостряющей ретуши. По характеру обработки он близко напоминает остроконечники типа «вытянутого равнобедренного треугольника» из стоянки Староселье, тогда как типологически он скорее может быть сопоставлен с асимметричными остроконечниками из той же стоянки⁵³ и аналогичными орудиями из других мустьерских памятников. Крыма и Закавказья⁵⁴.

Другой остроконечник (рис. 8, 2) изготовлен из короткого широкого отщепа, отличающегося тонким поперечным сечением и тщательным подтесыванием ударной площадки. Рабочий конец его обломан в древесности. На уцелевшей части хорошо сохранились фасетки крутой уступчатой ретуши с заломами, формировавшей острые края орудия. Ретушь противоположная. По левому краю она наносилась со стороны верхней плоскости отщепы, по правой — со стороны его нижней плоскости. Образованное таким способом орудие представляет собой типичный мустьерский остроконечник асимметричной формы. Что же касается приема нанесения ретуши со стороны нижней плоскости отщепы, казалось бы не совсем обычного для этих орудий, то и он неоднократно зафиксирован в мустьерских памятниках Кавказа⁵⁵ и других областей юга нашей страны⁵⁶.

В целом, немногочисленный комплекс геджухских находок достаточно выразителен, чтобы сделать попытку определить по ним возраст данного местонахождения: Найденные здесь дисковидный нуклеус, обломки орудий в форме диска, остроконечники и отщепы типичны для кавказских памятников мустьерской эпохи. Знакомясь с этими изделиями нельзя не обратить внимания на то, что на них прослеживаются некоторые специфические особенности в технике расщепления и вторичной обработки камня, а именно: тщательное подтесывание ударных площадок на нуклеусах, тонкость профилировки отщепов, наличие асимметричных остроконечников. Все эти особенности, присущие также мустьерским находкам Чумус-иница, более всего характерны для второй половины мустьерской эпохи. Основываясь на этом, можно отнести геджухское местонахождение к кругу памятников именно этого периода.

⁵³ А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите; стр. 98.

⁵⁴ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита, табл. II, 5; С. А. Сардарян. Палеолит в Армении. Ереван, 1954, табл. XXX, 2а.

⁵⁵ М. М. Гусейнов. Указ. соч., табл. 1; 4, 6; В. П. Любин. К вопросу об изучении древнего палеолита Азербайджана. «Вопросы антропологии», вып. 3, изд. МГУ, 1960, рис. 1, 3.

⁵⁶ Г. А. Бонч-Осмоловский. Грот Кник-коба. М.-Л., 1940, табл. XII, 1—5; А. П. Окладников. Исследование памятников каменного века Таджикистана. МИА, № 66, 1958, стр. 60, рис. 32, 1; его же. Каменный век Таджикистана, стр. 167; см. также статью С. Н. Замятина в КС ИА, вып. 82, М., 1961, рис. 20.

Новые находки из Геджуха еще раз подтверждают правильность предложенной М. З. Паничкиной датировки данного памятника и лишь несколько уточняют ее.

3. Тарнаирские находки

Из северной части приморского Дагестана, из урочища Тарнаир, расположенного северо-западнее г. Махачкалы, происходит небольшая группа изделий нижнепалеолитического облика. В. И. Марковин обнаруживший и интерпретировавший Тарнаирское местонахождение, собрал здесь в 1948—1954 гг. богатую коллекцию разнообразных и разновременных археологических материалов, относящихся к неолиту, эпохе меди и бронзы, к скифскому, албано-сарматскому и раннесредневековому периодам⁵⁷.

Основную массу находок Тарнаирского местонахождения составляют разнообразные по форме, назначению и технике изготовления каменные изделия, объединенные В. И. Марковиным в единый комплекс, суммарно датированный концом неолита, переходом к энеолиту⁵⁸.

Внимательное ознакомление с коллекцией каменных изделий из Тарнаира⁵⁹ и сравнение их с соответствующими изделиями из других дагестанских памятников убеждает нас в том, что они не образуют единого комплекса, а относятся к различным хронологическим эпохам. В этой связи необходимо подчеркнуть, что и сам В. И. Марковин также указывает на возможность хронологического расчленения тарнаирской коллекции путем выделения из нее как более ранних, так и более поздних, чем финальный неолит, комплексов⁶⁰. Остановимся на этом подробнее.

При ознакомлении с тарнаирской коллекцией обращает внимание тот факт, что образующие ее каменные изделия изготовлены из различных пород камня и с помощью различных технических приемов. Большинство поделок, изготовленных из качественного мелового кремня, несет на себе характерные черты неолитической техники, пережиточно сохранившей многие элементы предшествующей мезолитической эпохи (пирамидальные и карандашевидные нуклеусы, микролиты)⁶¹. Более подробно этот комплекс изделий рассматривается ниже, в пятой главе при характеристике неолитической культуры Дагестана. В настоящем разделе необходимо только подчеркнуть, что отмеченные особенности

⁵⁷ В. И. Марковин. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан). КС ИИМК, 67, 1957, стр. 117—125.

⁵⁸ В. И. Марковин. Археологические находки с территории Тарнаира, стр. 120; того же. Неолитическая стоянка близ Махачкалы. МАД, т. 1, Махачкала, 1959, стр. 30.

⁵⁹ Материалы тарнаирского местонахождения хранятся в ДРКМ. Работа над ними проводилась с любезного разрешения В. И. Марковина.

⁶⁰ В. И. Марковин. Неолитическая стоянка близ Махачкалы, стр. 30.

⁶¹ Там же, стр. 23—28, рис. 1, 2.

этого комплекса позволяют отнести его скорее к раннему, чем к позднему этапу неолитической эпохи.

Совершенно выпадает из данного комплекса группа массивных кварцитовых топоров-молотов с желобчатым перехватом⁶². Подобные изделия, насколько об этом можно судить по исследованным в настоящее время памятникам, широко встречаются в Дагестане в энеолитических комплексах. Правда, не исключено, что появление их на данной территории, как и в соседнем Азербайджане⁶³, относится к неолиту, скорее всего, — позднему, однако, в Тарнаире мы сталкиваемся уже с широким распространением этого вида орудий труда, что, повторяем, является отличительной особенностью инвентаря дагестанских энеолитических поселений⁶⁴.

Последняя группа находок образуют макролитические поделки, изготовленные из кремнистого известняка (В. И. Марковин называет его метаморфической породой)⁶⁵. Именно в этой группе, наряду с бесспорно неолитическими изделиями встречаются также и такие, которые несут на себе черты более архаичной нижнепалеолитической техники. Однако выделение нижнепалеолитических изделий сопряжено с рядом трудностей, обусловленных, главным образом, тем, что в неолите при изготовлении макролитических изделий нередко применялись псевдоархаические приемы, обнаруживающие известное сходство с нижнепалеолитической техникой⁶⁶. Мало помогают в этом отношении и наблюдения над степенью патинизации. Благодаря длительному пребыванию в зоне интенсивного выветривания (каковым является урочище Тарнаир), все эти изделия покрыты плотной патиной желтоватого цвета. Аналогичным образом патинизированы изделия из кремнистого известняка, происходящие из бесспорно неолитического комплекса Буйнакской стоянки⁶⁷.

⁶² Там же, стр. 28—29, рис. 5, 1—3.

⁶³ И. Г. Нариманов. Археологические памятники Ганджачайского района Азербайджана. Автореферат диссертации. М., 1955, стр. 3.

⁶⁴ В. Г. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана. МАД, т. 1, Махачкала, 1959, стр. 123, 124, табл. 1, 5. Желобчатые топоры-молоты найдены также на Мекегинском энеолитическом поселении и в ряде других памятников эпохи меди и ранней бронзы на территории Дагестана. Показательно отсутствие их в инвентаре дагестанских неолитических памятников, в том числе и Буйнакской стоянки, где, однако, имеется более архаичная форма клиновидного топора с подшлифованным лезвием. Ср. В. И. Марковин и Р. М. Мунчаев. Неолитическая стоянка близ города Буйнакса (Дагестан). КС ИИМК, 67, 1957, стр. 79, рис. 33, 1.

⁶⁵ В. И. Марковин. Указ соч., стр. 26, рис. 4, 6, 7.

⁶⁶ П. П. Ефименко. Некоторые находки каменных орудий Тверской и Новгородской губерний и их место в Европейской палеоэтнологии. «Русский антропологический журнал», вып. 1—2, 1916, стр. 71; М. З. Паничкина. Находки каменных орудий на Арагаце. Изв. АН Арм. ССР, серия общест. наук, № 5, Ереван, 1946; С. Н. Замятин. Заметки о палеолите Донбасса и Приазовья. Сб. МАЭ, т. XIV, 1953, стр. 239—248.

⁶⁷ В. И. Марковин и Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 79.

Поэтому при выделении архаических изделий среди тарнаирских находок были приняты во внимание не только их морфологические особенности и техника обработки, но также и степень сохранности. Дело в том, что неолитические изделия из кремнистого известняка отличаются сравнительно хорошей сохранностью. Целый ряд соответствующих находок из Тарнаира и Буйнакской стоянки сохраняют довольно острые края; на них четко обрисовываются негативы сколов и фасетки ретуши. В то же время на некоторых тарнаирских поделках наблюдается сильная притупленность и даже сглаженность краев, наличие следов механических повреждений, сглаженность негативов сколов и фасеток ретуши. Отмеченные особенности нельзя рассматривать как следствие сильной сработанности этих поделок, ибо они свойственны не только их рабочему краю, но и всей поверхности того или иного изделия. Все эти признаки свидетельствуют, по нашему мнению, о глубокой древности соответствующих изделий, что согласуется также с их типологическими особенностями и техникой обработки. Среди архаических изделий из Тарнаира особенно выделяются дисковидный нуклеус, орудие в форме диска и скребло.

Дисковидный нуклеус. Найденный в Тарнаире экземпляр двустороннего дисковидного нуклеуса издан В. И. Марковиным, как дисковидное макролитическое орудие типа рубила или скребла, рабочий край которого стерт от употребления⁶⁸. Он представляет собой массивный желвак кремнистого известняка овальных очертаний, обе стороны которого покрыты фасетками от сколов крупных подтреугольных отщепов (рис. 9, 5). На каждой из сторон сохранились небольшие участки желвачной корки. Скальвание отщепов производилось с обеих сторон по всей окружности ядрища, радиально, по направлению от краев к центру⁶⁹. Ударными площадками служили выровненные сколами края нуклеуса. Отмеченные особенности тарнаирского экземпляра позволяют сопоставить его с двусторонними дисковидными ядрищами, широко представленными в инвентаре нижнепалеолитических памятников⁷⁰. Этому не противоречит и облик рассматриваемого нуклеуса, отличающегося значительной притупленностью и сглаженностью (но отнюдь не сработанностью) его острых краев и негативов сколов, наличием следов механических повреждений в виде выщербинок и изъянцев.

Дисковидное орудие. Типично мустьерский облик имеет орудие в форме диска, изготовленное из сработанного двустороннего двуло-

⁶⁸ В. И. Марковин. Археологические находки с территории Тарнаира, стр. 118, рис. 49, 9; его же. Неолитическая стоянка близ Махачкалы, стр. 26, рис. 6.

⁶⁹ На схематических рисунках в статьях В. И. Марковина техника скальвания показана весьма условно.

⁷⁰ Ср. напр. А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-таш, рис. 30, 1, 2; 35, 1, 4; М. З. Паничкина. Палеолитические нуклеусы, стр. 19.

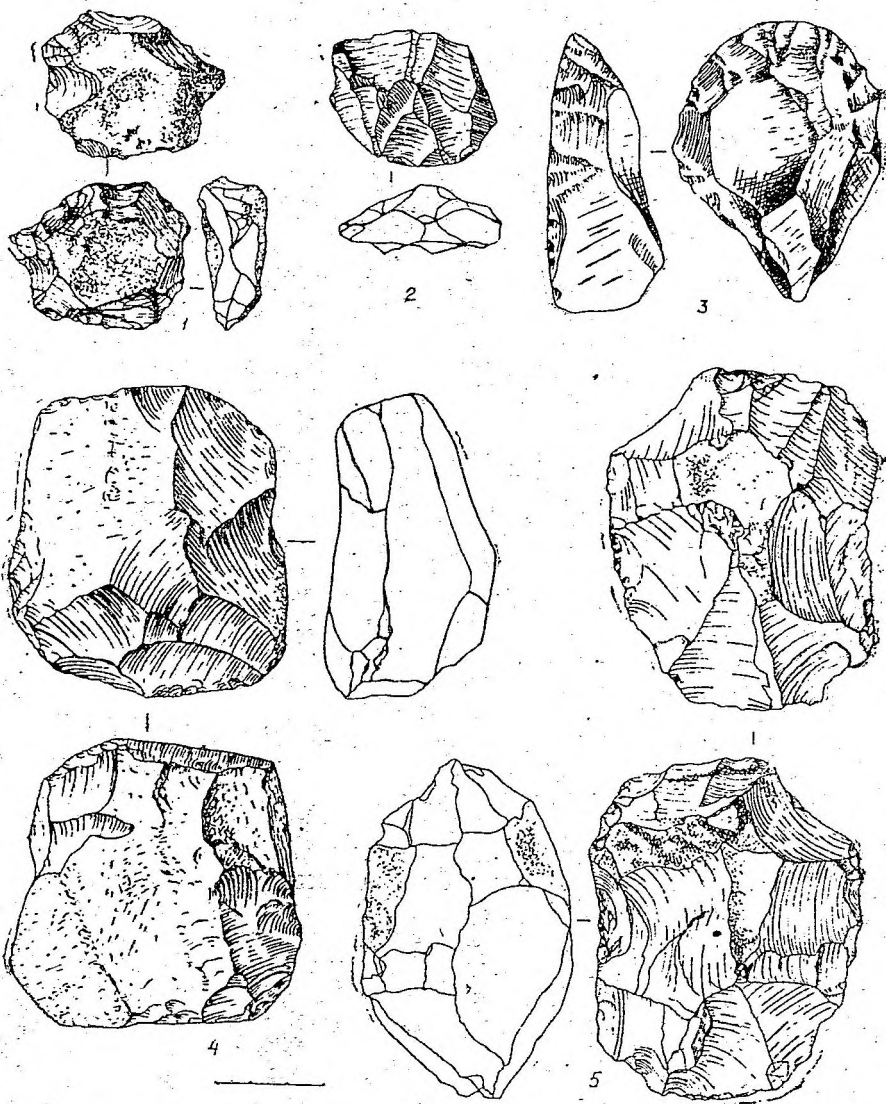

Рис. 9. Изделия мустьерского облика из Тарнаирской стоянки (2, 3, 5) и окрестностей Урцекского городища (1, 4). (1, 2 — дисковидные орудия, 3 — массивное скребло, 4, 5 — дисковидные нуклеусы)

щадочного дисковидного нуклеуса (рис. 9, 2)⁷¹. Края орудия и негативы сколов сильно сглажены.

Орудие типа скребла. Столь же архаично выглядит массивное орудие, изготовленное из крупного куска кремнистого известняка неправильной формы (рис. 9, 3). Его округлый рабочий край тщательно обработан крутой ретушью с заламами. Фасетки ретуши сильно сглажены. Функционально данное орудие, как отметил В. И. Марковин, может быть отнесено к категории скребел⁷².

Помимо описанных изделий в тарнаирской коллекции имеется еще около 10 экземпляров менее выразительных поделок из кремнистого известняка, отличающихся теми же признаками. Это преимущественно отщепы, иногда подправленные участками ретуши. Однако решающая роль при определении возраста данной группы изделий принадлежит не им, а описанным орудиям, особенно дисковидному нуклеусу и орудью в форме диска. Оба эти изделия несут на себе достаточно выразительные признаки развитой мустьерской техники, что позволяет отнести всю группу архаических поделок из Тарнаирского местонахождения к этой эпохе.

Не противоречат предложенной датировке и геологические условия расположения данного памятника. Он приурочен ко второй древнекаспийской террасе, возвышающейся на 55—85 м над уровнем Каспия и сложенной отложениями хазарского яруса, синхронизируемого обычно с эпохой рисского оледенения⁷³. В сходных геологических условиях на 35—40-метровых морских террасах того же геологического возраста обнаружены некоторые мустьерские местонахождения в Абхазии⁷⁴. Хронологическое соответствие мустьерской эпохи с концом хазарского цикла осадконакопления стратиграфически зафиксировано при раскопках мустьерской стоянки Сухая Мечетка на окраине Волгограда⁷⁵.

Таким образом, совокупность приведенных данных говорит о том, что мустьерский возраст рассмотренной группы находок Тарнаирского местонахождения вполне вероятен.

На этом мы заканчиваем рассмотрение нижнепалеолитических находок из приморского Дагестана. Приведенные материалы свидетельствуют о том, что освоение первобытным человеком этой территории восходит ко второй половине ашеля. В дальнейшем, в мустьерскую эпоху первобытный человек широко расселился в прибрежной полосе. Помимо

⁷¹ В. И. Марковин. Неолитическая стоянка близ Махачкалы, стр. 26, рис. 4, 1.

⁷² Там же, стр. 26, рис. 3, 1.

⁷³ Вл. Голубятников. Морские и речные террасы Дагестана, стр. 33—39; его же. Геология и полезные ископаемые третичных отложений Дагестана, стр. 101; Н. И. Николаев. Стратиграфия четвертичных отложений прикаспийской низменности, табл. 2, 4.

⁷⁴ С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии, стр. 8—9.

⁷⁵ См. статьи Н. К. Верещагина и А. Д. Колбутова в Тр. ЗИ АН СССР, т. XXII, М.—Л., 1957, стр. 75—80, 88—89 и С. Н. Замятнина в КС ИА, вып. 82, стр. 5.

материалов трех рассмотренных выше местонахождений на это указывают случайные находки единичных каменных орудий мустьерского облика. В 1953 году несколько архаических отщепов мустьерского облика было обнаружено на распаханном участке третьей древнекаспийской террасы, на северном берегу р. Уллу-чай, в 6—7 км к западу от сел. Великент Дербентского района⁷⁶. Дисковидное орудие (рис. 9, 1) и архаический отщеп мустьерского облика найдены в 1960 году в сходных условиях на второй древнекаспийской террасе (в 5—6 км к ЮЮВ от сел. Уллубий-аул Ленинского района), около Дефвинского хутора⁷⁷.

Имеющиеся материалы свидетельствуют также и о том, что освоенная мустьерцами территория охватывала не только приморские, но и предгорные и горные районы Дагестана. Правда, до самого недавнего времени мы не располагали соответствующими находками из предгорий. Лишь в 1961 г. в ходе разведок приморского отряда ДАЭ в окрестностях Урцекского городища (в 4 км к югу от сел. Уллубий-аул, на границе Сергокалинского и Ленинского районов) Д. М. Атаевым были обнаружены первые следы мустьерской культуры. В геоморфологическом отношении район этих находок представляет собой начало полосы предгорий; он располагается неподалеку от ее границы с приморской равниной.

Мустьерское местонахождение открытого типа расположено на правом берегу р. Джанга-кулачай. Здесь, на распаханной поверхности второй древней речной террасы была собрана небольшая коллекция находок. Она насчитывает около 40 различных поделок, главным образом, отщепов и пластин без вторичной обработки. Среди находок имеется также двуплощадочный нуклеус леваллуазского типа. Все они изготовлены из кремнистого известняка. Поверхности изделий покрыты плотной светложелтой патиной. Техника расщепления и обработки совершенно аналогична наблюдаемой на соответствующих изделиях из Чумус-иница и Геджуха: Отмеченные признаки позволяют уверенно отнести эти находки к эпохе мустье.

Интересна заготовка дисковидного нуклеуса, найденная в 1960 г. автором на южной оконечности Урцекского городища (рис. 9, 4). Она представляет собой крупный, массивный плитчатый обломок метаморфической кремнистой породы. Одна сторона покрыта желвачной коркой, местами уничтоженной по краю подтеской, формировавшей ударную площадку. На противоположной рабочей стороне имеются радиально направленные негативы сколов. Однако и с этой стороны сохранился крупный участок желвачной корки. Причину этого можно усмотреть в низком качестве исходного материала, плохо поддающегося обработке, вследствие чего первобытный мастер прекратил скалывание отщепов с данного нуклеуса и забросил его.

⁷⁶ Сборы автора.

⁷⁷ Сборы автора.

Поверхности нуклеуса покрыты плотной светлосерой патиной, глубоко проникшей в материал. На них заметны также следы окатывания и механических повреждений. Все это придает описываемому экземпляру древний облик. Его следует, по-видимому, рассматривать как заготовку одностороннего дисковидного нуклеуса мустьерского типа.

Возвращаясь к нижнепалеолитическим памятникам приморских районов отметим, что совокупность имеющихся данных указывает на прочную заселенность всей приморской равнины Дагестана в мустьерскую эпоху. Аналогичная картина, как отмечалось выше, наблюдается в эту эпоху и на Черноморском побережье Кавказа, где известно немало мустьерских местонахождений на древних морских террасах⁷⁸. Подобное тяготение некоторых мустьерских общин к морскому побережью, точнее — к самому берегу моря, вряд ли является случайным. Вероятно, оно в какой-то мере было продиктовано и хозяйственной необходимостью. Однако при современном уровне знаний, когда здесь совершенно отсутствуют не только исследованные, но даже разведанные стоянки мустьерской эпохи с сохранившимся культурным слоем, мы лишены возможности охарактеризовать хозяйственную деятельность оставивших эти памятники первобытных коллективов. Но уже и в настоящее время становится очевидным, что приморские районы, особенно участки древних морских террас, весьма перспективны для развертывания здесь поисков новых следов культуры нижнего палеолита.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА

В горном Дагестане нижнепалеолитические местонахождения выявлены пока только в Акушинском районе⁷⁹. В геоморфологическом отношении этот район можно подразделить на две части. Северная часть представляет собой более или менее выровненное горное плато, захватывающее также значительную часть Левашинского района. Естественно выровненный платообразный рельеф данного района, сложенного верхне-меловыми известняками, является одной из наиболее значительных по своим размерам поверхностей выравнивания, сохранившихся в горном Дагестане⁸⁰.

Южная часть Акушинского района характеризуется типично горным, сильно расчлененным рельефом. С запада она отделена от бассейна р. Казикумухское Койсу сравнительно невысоким водораздельным хребтом, — одним из северных отрогов Дюльтыдагского горного массива и Самурского хребта. Другой, более значительный водораздельный

⁷⁸ С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 9.

⁷⁹ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 5—10.

⁸⁰ Л. А. Варданянц. Постплиоценовая история кавказско-черноморско-каспийской области. Ереван, 1948, стр. 47, 48, 53.

хребет ограничивает ее с юго-востока от высокогорного Дахадаевского района, а с востока — от полосы предгорий.

Данная территория представляет собой бассейн реки Акушинки — крупнейшего притока р. Казикумухского Койсу, впадающего в нее справа неподалеку от сел. Цудахар. Она протекает в основном в направлении Ю—С до слияния с Усишинской речкой, после чего круто сворачивает к западу и течет в направлении ВЮВ—ЗСЗ до впадения в р. Казикумухское Койсу.

Усишинская речка, называемая также в верховьях «Бутринской речкой» представляет собой правый приток р. Акушинки, впадающей в нее, примерно, в 2,5—3 км к северу от сел. Акуша. Она протекает в основном в направлении ЮВ—СЗ.

Реки, образующие данный бассейн, разделены между собой невысоким водораздельным хребтом, заканчивающимся, примерно, в 3,5—4 км к югу от сел. Акуша. По-видимому, в этом месте происходило первоначальное слияние обеих рек в раннечетвертичном периоде, свидетельством чему является тот факт, что именно здесь к концу водораздельного хребта примыкает третья речная терраса, фиксирующая наиболее древний уровень воды в обеих реках. В последующем, по мере врезания обеих рек в третью террасу, их русла снова разошлись. При этом оставшаяся неразрушенной часть третьей террасы, общая для них обеих, стала водоразделом по отношению к новым руслам, а на ее склонах образовались новые, более поздние террасы, фиксирующие позднейший уровень вод для каждой из названных рек в отдельности.

Долины обеих рек изобилуют многочисленными оврагами, отличающимися значительными размерами. Они глубоко прорезают края долин и соединяются с поймами названных рек. Верховья их находятся либо на месте контакта третьей террасы с горными склонами, либо поднимаются на 1—1,5 км на пологие горные склоны. В последнем случае, например, на восточном крае Усишинской долины, они глубоко врезаются как в толщи горных известняков, так и в сланцы, слагающие дно долины. Очевидно, процесс образования оврагов шел параллельно процессу формирования речных долин или ненамного отставал от него.

В геологическом отношении рассматриваемая территория представляет собой часть полосы среднеюрских отложений. Она сложена плотными глинистыми и песчано-глинистыми сланцами, перекрытыми аллювиальными и делювиальными отложениями, — продуктами денудации окружающих горных хребтов.

Местонахождения кремневых изделий, относящихся к различным периодам каменного века, обнаружены в южной части Акушинского района, в долинах реки Акушинки и Усишинской речки.

В Акушинской долине удалось выявить исключительно неолитические памятники, тогда как в Усишинской долине, кроме того, обнаружены и палеолитические местонахождения. Высотные отметки этих памятников варьируют в пределах от 1300 до 2000 м над уровнем моря.

Пять нижнепалеолитических местонахождений Усишинской долины обнаружены на небольшом (около 7 км) ее участке между селениями Усиша и Гинта. Одно из них было, по-видимому, пещерной стоянкой, а четыре других представляют собой местонахождения открытого типа на древних речных террасах. Среди последних — три местонахождения приурочены к 200—250-метровой третьей террасе, а четвертое — к уступу второй террасы, возвышающейся над современным уровнем реки на 75—80 м. Возраст наиболее высоких речных террас Дагестана соответствует бакинскому веку, а 100-метровых — периоду хазарской трансгрессии Каспия⁸¹, то есть доминдельскому, миндельскому, и рисскому периодам.

Следовательно, глубокая, нижне- и среднеплейстоценовая древность речных террас, с которыми связаны нижнепалеолитические местонахождения интересующего нас района, вряд ли может вызвать сомнения.

Как известно, в сходных условиях, на древних морских и речных террасах миндельского возраста расположено большинство открытых нижнепалеолитических местонахождений в Абхазии⁸², Армении⁸³, Юго-Осетии⁸⁴ и на Северном Кавказе⁸⁵. Таким образом, связь местонахождений Усишинской долины с древними речными террасами может рассматриваться как одно из подтверждений их нижнепалеолитического возраста.

Обратимся к рассмотрению археологических материалов из этих местонахождений.

4. Пещерная стоянка в урочище Кумрала-када.

Урочище Кумрала-када находится на правой стороне Усишинской долины, примерно в 7 км к юго-востоку от сел. Усиша. Оно представляет собой небольшой (размерами примерно 2×0,4 км) участок известняковой платформы, ограниченной с ВЮВ одноименным ущельем, а с ЗСЗ — ущельем Мавгала-када. На северо-восточной оконечности урочища, на крутом склоне в известняках находится большая (до 30 м

⁸¹ Д. В. Дробышев. Геологическое строение Дагестанской АССР и ее полезные ископаемые. В сб. «Природные ресурсы Дагестанской АССР», М.—Л., 1935, стр. 23; Л. А. Варданянц. Указ. соч., стр. 67; Д. А. Лилленберг. Основные черты рельефа Дагестана. ВМОИП, отдел геологический, т. XXXIV, вып. 4, М., 1959, стр. 172.

⁸² С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии, стр. 7—8.

⁸³ М. З. Паничкина. Палеолит Армении, стр. 69—70; ее же. Аширабадское мустьерское местонахождение в Армении, стр. 79.

⁸⁴ В. П. Любни. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии, стр. 17—21.

⁸⁵ С. Н. Замятнин. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения, стр. 208—210; его же. Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани; А. А. Формозов. Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья, стр. 32—33, 38.

длины, 5 м высоты и 3—4 м глубины) пещера, точнее — скальный навес, служивший, по-видимому, убежищем мустьерцев (рис. 10). Он на 35—40 м возвышается над дном ущелья, по которому течет небольшой стремительный поток. И хотя высотные отметки стоянок над уровнем древних рек и оврагов далеко не всегда свидетельствуют о древности располагавшихся в них поселений⁸⁶, они могут служить указанием на древность самого убежища. Абсолютная отметка данного урочища достигает 1800—1850 м над уровнем моря.

Рис. 10. Пещера в урочище Кумрала-када, вид с юга (крестиками обозначены места находок).

В настоящее время скальное дно навеса обнажено. Мустьерские кремни собраны на современной поверхности склона ниже основания пещеры, на расстоянии 5—25 м от нее. Выше по склону они не встречаются. В разных местах на участке, где обнаружены эти находки, было заложено 3 разведочных шурфа, имевших целью установить его стратиграфию. Установлено, что на материковой скале залегает слой плот-

⁸⁶ С. Н. Бибииков. О датировке и реконструкции палеолитических убежищ Крыма. БКИЧП, № 21, 1957, стр. 84.

ного желтоватого суглинка мощностью 0,4—0,6 м, насыщенного известняковым щебнем попеременно с обломками известняка и совершенно лишенного культурных остатков. Выше него лежит гумусный слой мощностью 0,2—0,3 м, в котором встречаются единичные мустьерские кремни. Никаких следов культурного слоя на данном участке не было обнаружено. Основываясь на этом, а также имея в виду отсутствие мустьерских находок на участках склона выше навеса и концентрированность их на небольшом участке ниже него, можно с достаточным основанием предполагать, что все кремневые поделки происходят из культурного слоя, находившегося в данном навесе, но впоследствии разрушенного.

Разрушение и уничтожение древних культурных слоев в пещерах и навесах горного Дагестана вряд ли может вызвать удивление. Дело в том, что большинство этих древних убежищ обычно использовалось на протяжении последующих периодов для содержания скота. Это влекло за собой их периодическую очистку от навоза, употреблявшегося в качестве топлива, удобрений и, по свидетельству А. В. Комарова, для изготовления селитры⁸⁷. Результатом этого было полное разрушение древних культурных напластований.

Из урочища Кумрала-када происходят 112 палеолитических изделий, изготовленных из качественного мелового кремня, выходами которого богата Усишинская долина. Все они покрыты плотной белой патиной, глубоко проникшей в материал. На восьми кремнях, помимо того, имеются следы пребывания в огне в виде характерных мелких трещинок, сплошь покрывающих их поверхности. Собранные здесь материалы отличаются довольно хорошей сохранностью, свидетельствующей об их незначительной переотложенности. В Кумрала-када найдены дисковидный нуклеус, остроконечник, скребло и отщепы.

Остаточный дисковидный нуклеус. Найденный здесь экземпляр сработанного двустороннего дисковидного нуклеуса (рис: 11, 9) является типичным для мустьерского инвентаря. Он представляет собой уплощенный желвак кремня, на обеих сторонах которого имеются негативы от сколов разной величины отщепов. Скальвание производилось по всей окружности ядрища, направление сколов — радиальное. Ударными площадками служили его подправленные сколами края. Небольшие размеры и уплощенность данного экземпляра является следствием его сильной сработанности.

Отщепы. Наиболее многочисленную группу находок образуют отщепы подтреугольной и подпрямоугольной конфигурации, отделенные от дисковидных нуклеусов (109 экз.). Преобладающее большинство отщепов имеет архаический облик, что находит свое выражение в их укороченных пропорциях, массивности, в наличии крупных бугорков

⁸⁷ А. В. Комаров. Пещеры и древние могилы в Дагестане. Пятый археологический съезд в Тифлисе. I. Труды предварительных комитетов. М., 1882, стр. 436.

с «изъянцами» в местах ударов и, наконец, крупных гладких ударных площадок, образующих тупой угол с их нижними плоскостями (рис. 11, 1, 4—7). Отмеченные особенности, вероятно, следует рассматривать как пережиточно сохранившиеся черты предшествующей клектонской техники.

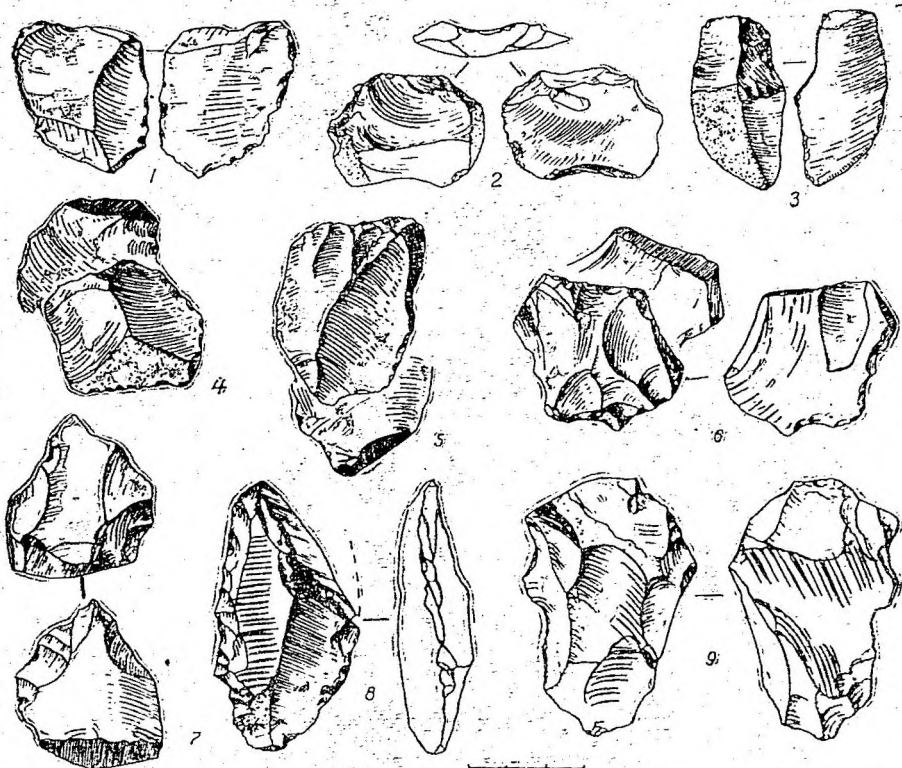

Рис. 11. Мустерские изделия местонахождения Кумрала-када (1—6 — отщепы, 7 — остроконечник, 8 — скребло, 9 — остаточное дисковидное ядрище).

Наряду с ними, но в значительно меньшем количестве, встречаются типично мустерские отщепы удлинённых пропорций (рис. 11, 3, 8), отличающиеся более тонким сечением, меньшими размерами ударных бугорков и площадок, причем последние иногда обработаны на нуклеусе (рис. 11, 2).

Подобное сочетание пережиточно клектонских и мустерских типов

заготовок весьма характерно, как это доказано на материалах мустьерского комплекса Арзни, для раннемустьерских памятников Кавказа⁸⁸.

Основная масса отщепов из Кумрала-када не обработана, и лишь на единичных экземплярах имеются мелкие фасетки сколов, к сожалению, недостаточно выразительные. Поэтому трудно решить, являются ли они следами преднамеренного ретуширования краев или образовались случайно, вследствие механических повреждений.

Остроконечник. В коллекции из Кумрала-када имеется остроконечник (рис. 11, 7). Он изготовлен из короткого массивного отщепа с широкой гладкой ударной площадкой и крупным ударным бугорком. Рабочий край орудия обработан довольно грубой ретушью с заломами. Крупные уплощенные фасетки ретуши, нанесенной со стороны нижней плоскости отщепа, формируют острый рабочий конец орудия, но не захватывают его краев. Выше, при рассмотрении инвентаря Геджухского местонахождения, уже говорилось об относительно широком распространении приема ретуширования мустьерских остроконечников со стороны нижней плоскости. Однако, в большинстве отмеченных случаев подобной ретушью обработан лишь один край орудия, тогда как противоположный край ретушировался со стороны спинки⁸⁹. В этом отношении экземпляр из Кумрала-када больше напоминает остроконечники из ранних леваллуа-мустьерских (the Lower Levallois-Moustérian) памятников Восточного Средиземноморья, у которых рабочий конец и частично края обработаны только со стороны нижней плоскости отщепов⁹⁰.

Скребло (рис. 11, 8) изготовлено из типично мустьерского отщепа удлиненно-подтреугольных очертаний. Суживающийся конец обломан в древности, поверхность излома патинирована. На поверхности орудия заметны следы воздействия огня. Слегка выпуклые края орудия тщательно обработаны крутой уступчатой ретушью с заломами, нанесенной со стороны спинки.

Таким образом, в итоге рассмотрения кремневого инвентаря пещерной стоянки Кумрала-када становится очевидным, что он несет на себе характерные черты мустьерской техники, проявляющиеся как в технике расщепления кремня, так и в типах представленных в нем орудий труда. Отличительной особенностью данного комплекса является некоторое переживание клектонских традиций, выражающееся в наличии большой группы массивных широких отщепов с гладкими ударными площадками. Данная особенность является датирующим признаком, ибо считается установленным, что сочетание этих изделий с более раз-

⁸⁸ М. З. Паничкина. Палеолит Армении, стр. 83, 85, 86.

⁸⁹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Грот Кник-коба, табл. XII, 1—5; А. П. Окладников. Каменный век Таджикистана, стр. 167; М. М. Гусейнов. Мустьерская стоянка в пещере Дашсалахлы, табл. 5, 1, 2; В. П. Любин. К вопросу об изучении древнего палеолита Азербайджана, рис. 1, 3; ср. также рис. 8, 2 настоящей работы.

⁹⁰ D. Garrod and D. Bate. *Ibid.*, p. 76, pl. XXXVII, 1—3.

витыми, типично мустьерскими формами весьма характерно для ранне-мустьерских памятников Кавказа и Восточного Средиземноморья⁹¹. Основываясь на этом, можно датировать пещерную стоянку в урочище Кумрала-када этим же временем.

5. Местонахождение в урочище Унцала-ава

Другая коллекция мустьерских изделий происходит из урочища Унцала-ава, расположенного на левой стороне Усишинской долины, примерно в 4 км к ЗЮЗ от сел. Усиша, в окрестностях строившегося здесь санатория. Данное урочище представляет собой участок третьей древней речной террасы, примыкающей к верховьям большого древнего оврага, устье которого соединяется с поймой Усишинской речки против сел. Усиша. Высота террасы более чем на 200 м превышает современный уровень упомянутой реки. Ее возраст соответствует периоду бакинской трансгрессии Каспия⁹², то есть — миндельскому периоду.

Комплекс найденных в урочище Унцала-ава изделий включает небольшой дисковидный нуклеус, обломок аналогичного нуклеуса и более 20 различных отщепов. Все эти находки собраны на небольшом (50×30 м) участке, непосредственно на современной поверхности террасы. И в самом урочище, и в его окрестностях отсутствуют естественные обнажения или разрезы, по которым можно было бы установить стратиграфию напластований в данном районе. Ничего не дает в этом отношении и осмотр сильно оплывших, местами задернованных краев древнего оврага. В силу изложенного, вопрос о стратиграфической принадлежности материалов данного местонахождения остается открытым.

Судя по сравнительно хорошей сохранности, эти материалы не претерпели сколько-нибудь значительного переотложения. Для их изготовления использован качественный меловой кремнь, на котором отчетливо сохранились как негативы сколов, так и следы вторичной обработки. Все они покрыты патиной, причем у одних изделий она весьма плотная, белая, глубоко проникшая в исходный материал. На других изделиях наблюдается патина в виде голубовато-белого налета с белыми пятнами. Однако по характерным морфологическим признакам они образуют единый устойчивый комплекс.

Дисковидный нуклеус (1 экз.) выделяется среди других изделий данного комплекса тщательной отделкой (рис. 12, 13). Он изготовлен из небольшого, расколотого пополам желвака кремня. Одна из его сторон, образованная гладкой отбивной поверхностью скола, подправлена по краям мелкими, но широкими и сравнительно глубокими сколами, оформившими ударную площадку. Противоположная сторона покрыта фасетками крупных сколов, уничтожившими желвачную кор-

⁹¹ М. З. Паничкина. Указ. соч., стр. 86—89.

⁹² Д. А. Ляйленберг. Основные черты рельефа Дагестана, стр. 172.

ку. Образованное таким образом ядрище асимметричностью своего поперечного сечения, а также тщательностью обработки рабочей поверхности и ударной площадки. близко напоминает односторонние дисковидные нуклеусы, предназначенные для отделения одного крупного широкого отщеп (пластины типа леваллуа). Подобные леваллуазские формы дисковидных нуклеусов, получившие в литературе название «черепаховидных» (tortoise core), более всего характерны для конца ашеля — раннего мустье⁹³.

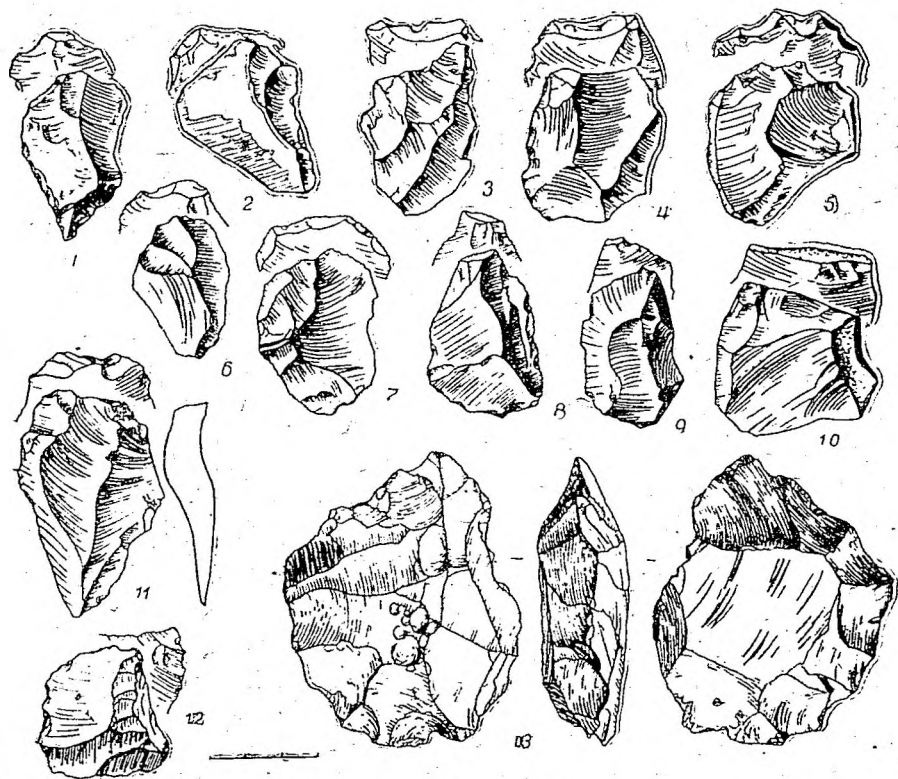

Рис. 12. Мустьерские изделия местонахождения Унцала-ава (1—11 — отщепы, 12 — скол с нуклеуса, 13 — дисковидный нуклеус).

Однако описываемый экземпляр в силу каких-то причин так и не был использован для отделения пластины типа леваллуа. Вместо этого им пользовались как ударным инструментом типа ручного рубила, на

⁹³ М. З. Паничкина. Палеолитические нуклеусы, стр. 19—20.

что указывают имеющиеся на его выступающем крае и покрытые патиной следы сработанности в виде небольших выщербинок, одна из которых напоминает даже резцовый скол. Придавая преувеличенное значение функциональному использованию данного орудия, мы рассматривали его в предварительной публикации как асимметричное ручное рубило⁹⁴. Однако отмеченные выше морфологические особенности этого изделия противоречат такому определению. Точнее будет видеть в нем односторонний дисковидный нуклеус, использовавшийся в качестве ударного орудия.

Описываемое орудие отличается хорошей сохранностью. Его края сохраняют острые грани. Четко очерчены фасетки сколов. Однако степень патинизации разных участков поверхности ядрища неодинакова. Его тыльная сторона покрыта посредине плотной белой патиной, глубоко проникшей в материал, тогда как на краях и на противоположной рабочей стороне патина имеет вид легкого голубовато-белого налета, сквозь который местами выступает естественный серый цвет кремня. Примеры неодинаковой степени патинизации нижнепалеолитических изделий дают нам другие памятники⁹⁵.

Скол с дисковидного нуклеуса. Среди других материалов данного комплекса обращает на себя внимание крупный скол от дисковидного нуклеуса, интересный тем, что на нем сохранился участок тщательно подгесанной ударной площадки (рис. 12, 12).

Отщепы. Найденные здесь отщепы (26 экз.) отличаются подтреугольными очертаниями, острыми краями, тонким сечением, относительно крупными размерами ударных площадок и бугорков (рис. 12, 1—11). У большинства отщепов, очевидно, отделенных от дисковидных нуклеусов, грани на верхних плоскостях пересекаются (рис. 12, 1—10). У некоторых, они идут в одном направлении и пересекаются около суживающихся концов отщепов (рис. 12, 11). Подобные отщепы, вероятно, скалывались с одноплощадочных или двухплощадочных нуклеусов леваллуазского типа.

Различаются и ударные площадки. У одних отщепов они широкие и либо совершенно гладкие, либо с малым числом крупных фасеток (рис. 12, 3, 4). По-видимому эти отщепы отделялись от таких нуклеусов, ударные площадки которых формировались одним или несколькими крупными поперечными сколами. Ударные площадки у другой группы отщепов (рис. 12, 2, 5, 11) несут на себе сравнительно большое число фасеток, — следы тщательной оббивки или подтесывания краев нуклеусов, подобно тому, как это наблюдается на упомянутом выше сколе с дисковидного нуклеуса (рис. 12, 12). Еще одна группа отщепов (рис. 12, 1, 6, 8, 9) имеет небольшие гладкие ударные площадки. И, наконец, встречаются и такие отщепы, ударные площадки которых сохраняют желвачную корку (рис. 12, 10).

⁹⁴ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, стр. 8.

⁹⁵ М. З. Паничкина. Палеолит Армении, стр. 49, 51.

У большинства отщепов ударные площадки образуют почти прямой угол с нижними плоскостями.

В целом, комплекс кремневых изделий местонахождения Унцалава несет на себе отчетливо выраженные черты развитой мустьерской техники. Учитывая ранний облик найденного здесь дисковидного ядрища, а также наличие отщепов с гладкими широкими ударными площадками представляется возможным отнести данный комплекс к первой половине мустьерской эпохи.

6. Местонахождение в урочище Сага-цука

Еще одно нижнепалеолитическое местонахождение обнаружено в урочище Сага-цука примерно в 3 км к ЮЗ от сел. Гинта. Данное урочище представляет собой небольшой участок третьей (200-метровой) древней речной террасы, ограниченной с СВ и ЮЗ большими древними оврагами. Поверхность урочища имеет форму седловины. Она сплошь покрыта небольшими земледельческими террасами, которые в настоящее время не обрабатываются. Исключение составляет небольшой распахиваемый участок на его северном крае.

В южной части урочища Сага-цука собрана коллекция палеолитических кремней, а в северной, на расстоянии примерно 1 км от нижнепалеолитического местонахождения, обнаружена неолитическая стоянка. Значительное расстояние, разделяющее оба этих местонахождения, а также и то, что каждое из них расположено на противоположных, возвышенных краях седловины, практически исключает возможность смешения разновременных материалов. Это тем более вероятно, что на наиболее низких участках седловины, куда они могли бы быть переотложены, находки обработанных кремней почти совершенно отсутствуют.

Палеолитические изделия собраны на небольшом участке размерами 150 X 75 м, непосредственно на современной поверхности. Их стратиграфическая принадлежность не установлена. Все они изготовлены из мелового кремня и в различной степени патинизированы⁹⁶. Большинство находок отличается хорошей сохранностью, но на отдельных экземплярах имеются следы механических повреждений.

⁹⁶ Степень патинизации мелового кремня зависит не только от длительности пребывания его на поверхности. Не меньшую роль в образовании патины играет и влажность кремня. Нам неоднократно приходилось наблюдать, как извлеченный из почвы влажный кремень, попадая под яркое солнце, в короткий промежуток времени покрывался патиной, причем процесс этот замедлялся по мере его высыхания. В этом случае степень патинизации кремня стоит в прямой зависимости от степени его увлажнения: наиболее влажный кремень быстро покрывается плотной белой патиной, маскирующей его естественный цвет; у менее влажного патина приобретает вид белых пятен, сочетающихся с легким голубовато-белым налетом; при еще меньшей степени влажности кремня он покрывается только легким налетом патины, слегка вуализующим цвет поверхностей. Необходимо подчеркнуть, что по нашим наблюдениям данная особенность присуща только тем кремням, которые извлечены из почвы, тогда как

Собранная здесь коллекция палеолитических изделий неоднородна по своему составу. Основываясь на наблюдениях над техникой расщепления и вторичной обработки кремня, можно выделить в ней два разновременных комплекса: нижнепалеолитический и верхнепалеолитический. В данном разделе рассматриваются материалы нижнепалеолитического комплекса. Он включает 36 кремневых поделок, большинство которых составляют отщепы. Кроме того, сюда входят нуклеусы, орудия в форме диска и миниатюрный бифас.

Нуклеусы. В нижнепалеолитическом комплексе из Сага-дука нуклеусы представлены двумя разновидностями: дисковидной и двуплощадочной.

Дисковидный нуклеус (1 экз.) изготовлен из расколотого пополам кремня округлой формы, уплощенного сечения, покрытого плотной желтоватой патиной (рис. 13, 7). На верхней стороне сохранился небольшой участок желвачной корки. Подтесанные края служили ударными площадками. На противоположной стороне заметны негативы двух крупных сколов, шедших в одном направлении параллельно друг другу. Края частично оббиты короткими широкими сколами. Отмеченные особенности сближают описанный экземпляр с односторонними, одноплощадочными нуклеусами подчетыреугольных очертаний, характерными для леваллуазской техники.

на столь же влажных кремнях, длительное время пребывавших в естественных водоемах, подобные явления не наблюдались. Очевидно, они имеют место лишь в тех случаях, когда кремень увлажнен почвенными водами, насыщенными гуминовыми кислотами, что, в свою очередь, зависит от конкретных условий залегания кремня. В то же время, в каждом конкретном случае эти условия изменяются в зависимости от времени года, погоды и иных причин, чем и определяется, в конечном счете, различная степень увлажненности и, соответственно патинизации кремневых изделий, образующих единый комплекс, но в разное время и при различных обстоятельствах очутившихся на дневной поверхности. Этим, по-видимому, и объясняются нередко наблюдаемые различия патинизации. Отмеченные свойства, вероятно, присущи не только меловому кремню, но, судя по наблюдениям М. З. Паничкиной над материалами некоторых нижнепалеолитических местонахождений Армении (См. М. З. Паничкина. Палеолит Армении, стр. 72), также обсидиану, и почти совершенно не свойственны, например, кремнистому известняку.

Сказанное целиком относится к тем палеолитическим и более поздним кремневым поделкам, которые сравнительно недавно оказались на современной поверхности. Что же касается тех изделий, которые пребывали на поверхности длительное время, то они, как правило, покрыты плотной матовой патиной белого, иногда желтоватого цвета. Она отличается от более поздней патины по степени проникновения в исходный материал. Поздняя патина, даже самая плотная и интенсивная, покрывает поверхность кремня тонким, почти неразличимым в изломе слоем. Древняя патина глубоко (нередко более чем на 1 мм) проникает в кремень, изменяя на кромке его структуру и физические свойства.

Встречается также и другая разновидность древней патины, при которой естественный цвет кремня сохраняется, а поверхности приобретают своеобразный блеск, как бы залощенность. Такого рода патина, получившая наименование «благородной», по-видимому, более свойственна поделкам из сухого кремня (Подробнее об этом см. С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957, стр. 15—16).

Двуплощадочные односторонние нуклеусы (2 экз.) относятся к типу продольных. Они изготовлены из уплощенных желваков кремня подпрямоугольных очертаний и предназначены для скалывания удлиненных пластин. Ударными площадками служили короткие, специально оббитые края ядрищ. Один экземпляр (рис. 13, 6) покрыт плотной, глубоко проникшей в кремь, белой патиной, другой (рис. 13, 4) — лишь легким налетом голубовато-белой патины. Данные нуклеусы относятся к другой разновидности четырехугольных ядрищ леваллуазского типа, с которых производилось параллельное скалывание пластин в противоположных направлениях.

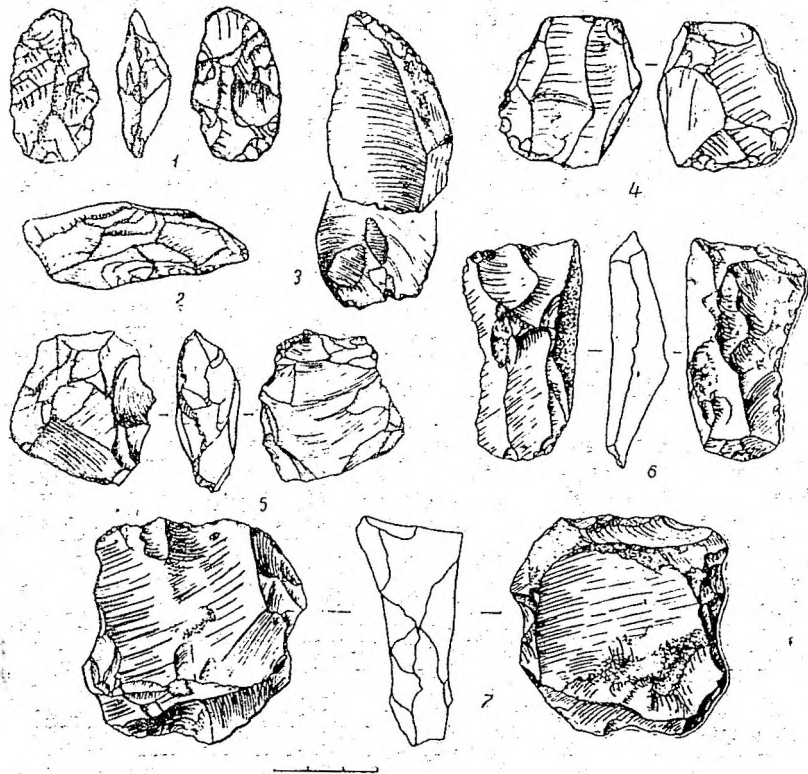

Рис. 13. Мустьерские изделия местонахождения Сага-цука (1 — миниатюрный бифас, 2 — орудие типа скребла, 3 — отщеп, 4, 6, 7 — нуклеусы, 5 — дисковидное орудие).

Находки этих ядрищ в местонахождении Сага-цука могут рассматриваться как еще одно подтверждение знакомства мустьерцев горного Дагестана со специфическими приемами леваллуазской техники.

Дисковидное орудие (1 экз.) представляет собой сработанное одно-стороннее дисковидное ядрище, края которого слегка подправлены под-теской (рис. 13, 5). Орудие покрыто легким налетом голубовато-белой патины, уничтоженной в двух местах поздними сколами.

Миниатюрный бифас (1 экз.). Несколько необычным представляется небольшое овальное орудьице, тщательно обработанное с обеих сторон крупной плоской ретушью с заломами (рис. 13, 1). Рабочий край его довольно ровный, в верхней части дополнительно приострен мелкой двусторонней ретушью. Поперечное сечение — чечевицевидное, с сильно выпуклыми сторонами. Своей формой и характером обработки оно напоминает «миниатюрные ручные рубильца» из Староселья⁹⁷. Определенное сходство с ним обнаруживают также некоторые скребла из наиболее ранних верхнепалеолитических стоянок Имеретии⁹⁸. По-видимому это орудие было предназначено подобно упомянутым рубильцам из Староселья для резания и скобления.

Отщепы (31 экз.). Как и в других памятниках наиболее значительную в количественном отношении группу находок образуют отщепы. Большинство их (рис. 14, 1—6) присущи характерные признаки развитой мустьерской техники (подтреугольные очертания, тонкость поперечного сечения, сравнительно небольшие размеры ударных бугорков и ударных площадок), что сближает их с соответствующими изделиями из памятников второй половины мустьерской эпохи. Обращает внимание типично мустьерский подтреугольный отщеп (рис. 13, 3), покрытый легкой голубовато-белой патиной. Его дугообразный край тщательно обработан мелкой ретушью, уничтожившей патины. Данное обстоятельство, очевидно, указывает на вторичное, более позднее использование этого отщепа.

В качестве скребла употреблялось, по-видимому орудие, изготовленное из крупного аморфного обломка кремня, один из краев которого обработан характерной ретушью с заломами (рис. 13, 2).

Среди этой категории поделок из Сага-цука выделяется группа отщепов (9 экз.), отличающихся более архаическим обликом, что проявляется в их крупных по сравнению с остальными отщепами размерах, массивности, крупных размерах ударных бугорков и ударных площадок (рис. 14, 7—12). Многие из них сохраняют участки желвачной корки. Архаичны и приемы вторичной обработки, включающие грубое подтесывание (рис. 14, 11) и ретушь, следующую за контурами отщепа (рис. 14, 12). Отмеченные особенности выделяют данную группу отщепов среди других изделий рассматриваемого комплекса. Некоторые из них обнаруживают типологическое сходство с ашельскими изделиями. Так, например крупный округлый отщеп с подретушированными края-

⁹⁷ А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите, стр. 78, 79, 83, 84.

⁹⁸ С. Н. Замятин. Палеолит Западного Закавказья. I. Палеолитические пещеры Имеретии. Сб. МАЭ, XVII, 1957, рис. 3, 1, 5, 6.

ми (рис. 14, 12) близко напоминает аналогичные изделия из позднеашельского комплекса 1-го Ябрудского навеса в Сирии⁹⁹. Однако, все эти находки слишком немногочисленны и недостаточно выразительны, чтобы по ним можно было сделать окончательное заключение об ашельском возрасте данной группы отщепов.

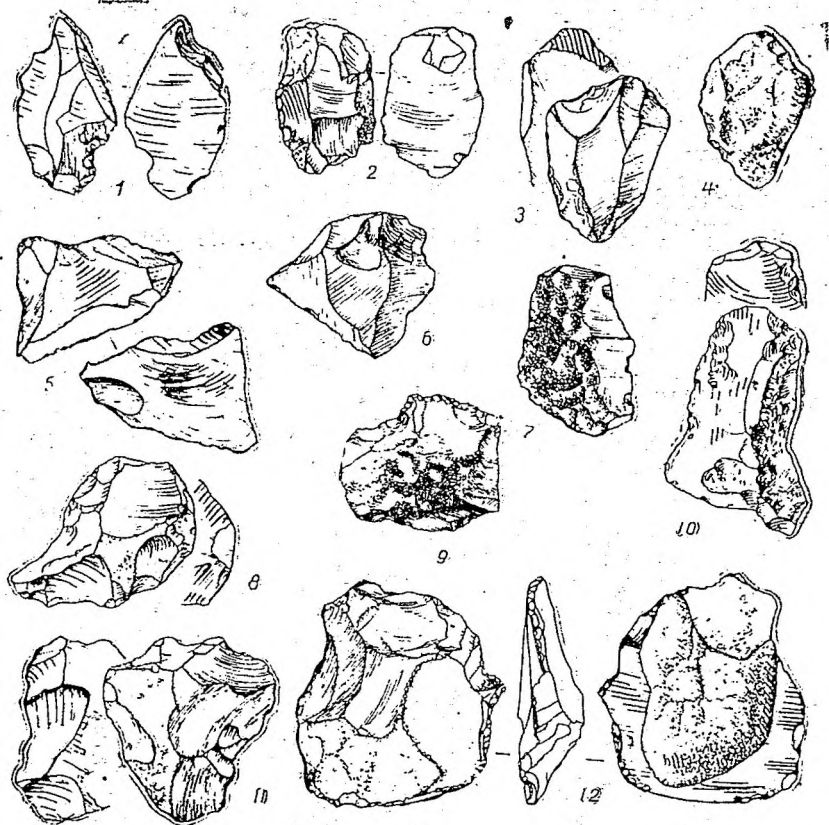

Рис. 14. Мустьерские изделия местонахождения Сага-цука (1—12 — отщепы).

Что же касается основной группы изделий рассмотренного комплекса, то, судя по характерным приемам расщепления и обработки кремня и по многочисленным формам представленных здесь нуклеусов и орудий труда, они могут быть отнесены к поздне-мустьерскому времени.

⁹⁹ A. Rust. Ibid., taf. 44, 2.

7. Местонахождение в урочище Дигала-бек

Еще одно местонахождение нижнепалеолитических изделий обнаружено в окрестностях сел. Усиша, в урочище Дигала-бек. Оно представляет собой небольшую конусовидную возвышенность, — один из отрогов водораздельного хребта, разделяющего Усишинскую и Акушинскую долины. Расположено оно на левой стороне Усишинокой долины примерно в 1,5 км к СЗ от упоминавшегося выше санатория, в окрестностях которого обнаружено нижнепалеолитическое местонахождение Унцала-ава.

Кремневые изделия собраны на восточном склоне этой возвышенности, лишенном значительной части своего почвенного покрова, уничтоженного эрозией, и представляющем собой обнажения желтых среднеюрских песчаников, из которых сложен данный район. Стратиграфическая принадлежность палеолитических находок не установлена.

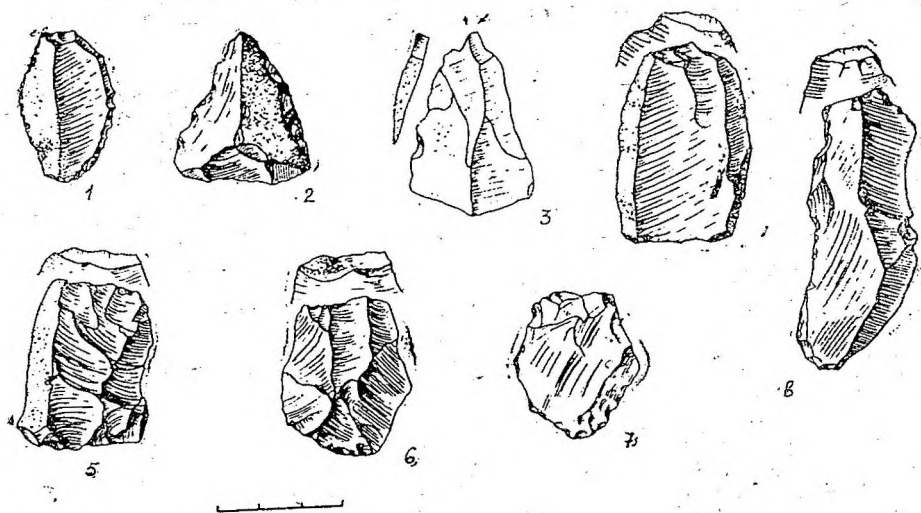

Рис. 15. Мустьерские изделия местонахождения Дигала-бек (1, 2 — скребла, 3 — резец, 4, 5, 8 — пластины, 6, 7 — отщепы).

Собранная здесь коллекция насчитывает более 20 экземпляров кремней, покрытых плотной белой и желтоватой патиной, глубоко проникшей в материал. Характер патины в сочетании со специфическими приемами обработки кремня придает им архаический облик. Большинство находок представляют собой первичные заготовки — отщепы и пластины, но наряду с ними имеются и единичные экземпляры законченных орудий — скребла и резец.

Отщепы (10 экз.) отличаются подтреугольными очертаниями, тонким поперечным сечением, непараллельным опранием верхних плоскостей (рис. 15, 2, 6, 7); по-видимому, скальвались с дисковидных нуклеусов. Подправленные на нуклеусах ударные площадки образуют почти прямой угол с нижними плоскостями отщепов. Отмеченные признаки придают этой группе находок мустьерский облик.

Пластины (8 экз.) также образуют выразительную группу находок (рис. 15, 1, 4, 5, 8). Для них характерны сравнительно правильные, удлиненные пропорции, более тонкое, чем у отщепов, поперечное сечение. Судя по ограничению верхних плоскостей, они отделялись либо с одноплощадочных (рис. 15, 1, 4, 8), либо с двуплощадочных (рис. 15, 5) ядрищ леваллуазского типа с параллельным скальванием. Ударные площадки гладкие, подправленные на нуклеусах. Они образуют почти прямой угол с нижними плоскостями пластин. У некоторых экземпляров (рис. 15, 4) ударные площадки расположены под углом к продольной оси пластины, что является характерным признаком нижнепалеолитической техники¹⁰⁰.

Скребла представлены в данной коллекции двумя экземплярами. Одно из них (рис. 15, 1) изготовлено из небольшой пластины. Крутой тщательной ретушью ее правому краю приданы изогнутые, выпуклые очертания.

Для изготовления другого экземпляра (рис. 15, 2) использован треугольный отщеп, один из краев которого тщательно обработан крутой уступчатой ретушью. Образованный таким образом рабочий край орудия отличается меньшей степенью изогнутости, чем у первого скребла.

Резец (1 экз.). Интересен резец, изготовленный на удлиненно-треугольном отщепе (рис. 15, 3). На верхнем суживающемся крае отщепа двумя резовыми сколами оформлено лезвие резца срединного типа. Как отмечалось выше, при рассмотрении инвентаря местонахождения Чумус-иниц, подобные орудия встречаются и в мустьерскую эпоху.

В целом, небольшой, но выразительный комплекс находок из местонахождения Дигала-бек несет на себе характерные признаки развитой мустьерской техники. Основываясь на этом, можно отнести его ко второй половине мустьерской эпохи.

Помимо четырех охарактеризованных местонахождений, каждое из которых дало небольшую коллекцию палеолитических изделий, в Усишинской долине обнаружены еще два местонахождения единичных палеолитических кремней, расположенные в урочищах Кабка и Баргиб-бекла-шури.

¹⁰⁰ С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии, стр. 20; М. З. Паничкина. Палеолитические нуклеусы, стр. 29.

8. Местонахождение в урочище Кабка

Урочище Кабка расположено на правой стороне Усишинской долины, примерно в 1 км к В от сел. Усиша. Оно представляет собой место контакта между третьей (200-метровой) древней речной террасой с подножием водораздельного хребта.

В разных местах урочища, на большом расстоянии друг от друга собраны 12 архаических кремневых изделий. Среди них выделяются дисковидный нуклеус и отщепы.

Дисковидный нуклеус (1 экз.) представляет собой уплощенный желвак кремня, верхняя сторона которого покрыта коркой, оббитой по краям при формировании ударной площадки (рис. 16, 4). На противоположной стороне сохранились негативы сколов, радиально направленные от краев к центру. Поверхности ядрища покрыты глянцевитой, «благородной» патиной, лишь слегка изменившей естественный цвет кремня. Грани слегка сглажены окатыванием. Описанный экземпляр относится к числу типичных мустьерских односторонних нуклеусов.

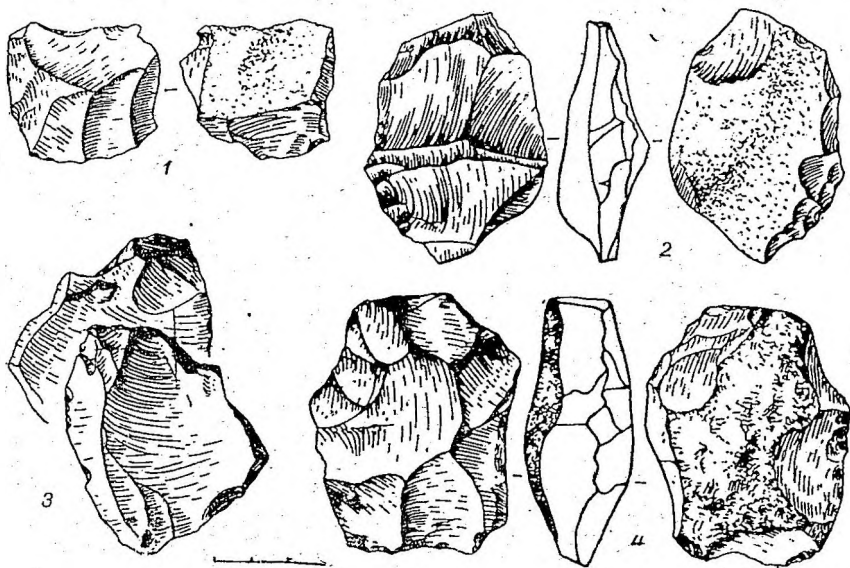

Рис. 16. Инвентарь местонахождений Баргиб-бекла-шури (1, 2) и Кабка (3, 4). (1, 2, 4 — мустьерские нуклеусы, 3 — массивный отщеп).

Отщепы (11 экз.). Собранные в данном урочище кремневые отщепы отличаются характерными признаками развитой мустьерской техники. Среди них один экземпляр отличается особенно крупной величиной, массивностью, большими размерами ударного бугорка и сильно

изогнутой ударной площадки, в целом — более архаическим обликом (рис. 16, 3). Он покрыт плотной белой патиной, местами глубоко проникшей в материал. На спинке сохранились негативы одного крупного и нескольких небольших сколов, направленных в одну сторону, что свойственно отщепам, сколотым с одноплощадных нуклеусов. Судя по очертаниям негатива крупного скола, данный отщеп мог быть отделен от треугольного нуклеуса.

Таким образом, немногочисленные находки из урочища Кабка имеют характерный мустьерский облик.

9. Местонахождение в урочище Баргиб-бекла-шури

Единичные находки мустьерских кремневых изделий обнаружены также на левой стороне Усишинской долины, в урочище Баргиб-бекла-шури, расположенном примерно в 1 км к 3 от сел. Усиша. Оно представляет собой часть уступа второй древней речной террасы, примыкающую к устью большого древнего оврага, соединяющегося против сел. Усиша с поймой Усишинской речки. Высота уступа достигает 75—80 м над современным уровнем реки. Возраст террасы определяется временем хазарской трансгрессии Каспия¹⁰¹, соответствующей рисскому оледенению. Здесь найдены два характерных мустьерских изделия: односторонний двуплощадочный дисковидный нуклеус поперечного типа (рис. 16, 2) и сработанный односторонний дисковидный нуклеус (рис. 16, 1).

В целом, материалы нижнепалеолитических местонахождений Усишинской долины дают нам первые бесспорные доказательства человеческой деятельности в данном районе с начала мустьерской эпохи. Разновременность выявленных здесь мустьерских памятников свидетельствует о сравнительно прочной заселенности этого района на всем протяжении данной эпохи и позволяет даже составить известное представление о культуре мустьерцев горного Дагестана и ее эволюции. Последняя особенно наглядно иллюстрируется изменениями первичных заготовок, происходящих из ранних памятников: от массивных коротких отщепов с широкими, гладкими ударными площадками (Кумрала-када) до типично мустьерских тонких в поперечном сечении подтреугольных отщепов и правильных пластин с небольшими ударными площадками, тщательно подправленными на нуклеусе (Унциала-ава, Сага-цука).

Учитывая, что естественно-географические условия Усишинской долины довольно типичны для большинства районов горного Дагестана, мы можем уверенно заключить, что наблюдаемая здесь картина продолжительной и сравнительно интенсивной деятельности первобытного

¹⁰¹ Д. А. Лилленберг. Основные черты рельефа Дагестана, стр. 171—172.

человека в мустьерскую эпоху была характерна в той или иной степени и для большей части его территории.

Правомерность этого заключения подтверждается открытием в 1961 г. еще одного палеолитического местонахождения в западной части Дагестана, на границе с Чечено-Ингушетией. Коллекция разнообразных и, по-видимому, разновременных кремневых изделий собрана В. И. Марковиным в районе озера Кезеной-ам, расположенного на высоте около 2000 м над уровнем моря. Среди них имеются образцы типичных мустьерских изделий: дисковидные нуклеусы (в том числе ядрище леваллуазского типа со следами отделения одного крупного отщепца), остроконечники, скребла, необработанные отщепы¹⁰².

И, наконец, небезынтересно отметить, что в самое последнее время, а именно: в 1962 г. типичный мустьерский отщеп был найден в самом центре горного Дагестана, на Верхнегунибском плато (Гунибский район), неподалеку от известного поселения бронзового века, расположенного на высоте более 2 тысяч метров над уровнем моря¹⁰³.

Таким образом, вывод о том, что на заключительном этапе нижнепалеолитической эпохи первобытный человек освоил значительную часть территории горного Дагестана, подкрепляется материалами всех известных здесь в настоящее время мустьерских памятников.

В этой связи будет уместным поставить вопрос о времени появления первобытного человека в горных районах. Как показывает разбор имеющихся материалов, наиболее древними следами человеческой деятельности здесь можно считать раннемустьерское местонахождение в урочище Кумрала-када. Однако, констатация этого факта способствует лишь частичному решению поставленного вопроса. Остается неясным, следует ли рассматривать эпоху раннего мустье как начальный период человеческой деятельности в горном Дагестане, или в известных здесь раннемустьерских памятниках надлежит видеть одно из промежуточных звеньев процесса освоения первобытным человеком этой территории начавшегося еще в предшествующую, ашельскую эпоху.

Слабая изученность нижнего палеолита Дагестана исключает возможность окончательного решения этого вопроса в настоящее время. Однако, некоторые данные позволяют считать более правомерным последнее предположение.

Как известно, заселение нижнепалеолитическими общинами высокогорных плато Малого Кавказа началось не позднее второй половины шельской эпохи¹⁰⁴. К этому же и раннеашельскому времени относится

¹⁰² Пользуюсь случаем выразить благодарность В. И. Марковину за предоставленную возможность обстоятельно ознакомиться с материалами местонахождения Кезеной-ам и за любезное разрешение ввести в научный оборот сведения об этом памятнике.

¹⁰³ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение (предварительное сообщение о раскопках 1958 г.) МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 88.

¹⁰⁴ М. З. Паничкина. Шельский комплекс древнепалеолитического местонахождения Сатани-дар, стр. 38.

их расселение по черноморскому побережью Кавказа¹⁰⁵. Вероятно, именно этим путем они проникли и в предгорья Северного Кавказа¹⁰⁶. Древнейшие следы человеческой деятельности в высокогорных районах южного склона Большого Кавказа восходят к раннему и среднему ашелю¹⁰⁷. По-видимому около того же времени, насколько об этом можно судить по ашельским находкам местонахождения Чумус-иниц, началось расселение и вдоль Каспийского побережья Кавказа. В позднем ашеле первобытный человек не только освоил горные районы Закавказья¹⁰⁸ и Центрального Кавказа¹⁰⁹, но и продвинулся далеко на север¹¹⁰.

В свете этих фактов становится очевидным, что в своем движении на север ашельцы не могли миновать горный Дагестан, расположенный в непосредственной близости от одного из главных путей их расселения. Благоприятные естественно-географические условия этого района, обилие естественных убежищ и выходов кремня, богатые охотничьи угодья, — все это, несомненно, должно было привлекать первобытного человека. Горные хребты были в то время значительно ниже современных¹¹¹ и не служили серьезным препятствием на пути передвижений человека и животных. Во всяком случае сюда смогло проникнуть даже такое крупное неповоротливое животное, каким являлся современный ашельскому человеку трогонтериев слон¹¹².

По нашему мнению приведенные данные позволяют уверенно предположить, что территория горного Дагестана была заселена в те же исторические сроки, что и другие горные районы Кавказа, то есть не позднее второй половины ашельской эпохи.

В этой связи приобретают определенный интерес находки отщепов ашельского облика в некоторых местонахождениях горного Дагестана (Сага-цука, Кабка). К сожалению, находки эти крайне немногочисленны и недостаточно выразительны, чтобы послужить надежным до-

¹⁰⁵ С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии, стр. 3.

¹⁰⁶ С. Н. Замятнин. Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани, стр. 491—492; А. А. Формозов. Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья, стр. 34.

¹⁰⁷ В. П. Любин. Высокогорная пещерная стоянка Кударо I (Юго-Осетия). ИВГО, т. 91, вып. 2, 1959, март—апрель, стр. 182, его же. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии, стр. 9.

¹⁰⁸ М. З. Паничкина. Палеолит Армении, стр. 44—45, 72—73; С. А. Сардарян. Палеолит в Армении, стр. 78—100.

¹⁰⁹ В. П. Любин. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии, стр. 17.

¹¹⁰ С. Н. Замятнин. Заметки о палеолите Донбасса и Приазовья, стр. 252; Г. И. Горецкий. Следы палеолита и мезолита в нижнем Подонье. СА, XVI, 1952, стр. 302—310; М. З. Паничкина. Разведки палеолита на средней Волге, стр. 256; ее же. О работах по изучению палеолита Волги. КС ИИМК, L, 1953, стр. 15—19.

¹¹¹ Л. А. Варданыц. Постплистоценовая история кавказско-черноморско-каспийской области, стр. 47; Н. А. Гвоздецкий. Физическая география Кавказа. Изд. МГУ, 1954, стр. 60—63.

¹¹² Подробнее о находке костных остатков трогонтериева слона в высокогорном Гунибском районе см. II главу настоящей работы.

казательством высказанного предположения. Однако не следует недооценивать и тем более замалчивать их, ибо не исключено, что подобно мустьерскому отщепу, найденному М. З. Паничкиной у совхоза Геджух, они послужат первым толчком к разворачиванию поисков следов ашельской культуры в горном Дагестане, которые по нашему глубокому убеждению со временем увенчаются положительными результатами.

Таким образом, суммируя изложенное, можно заключить, что расселение первобытного человека на территории горного Дагестана вероятно началось не позднее второй половины ашеля, тогда как древнейшие достоверно установленные здесь следы человеческой деятельности относятся к эпохе раннего мустье.

* *
*

В заключение остановимся на некоторых общих вопросах, связанных с изучением нижнепалеолитической культуры Дагестана.

Сравнивая между собой местонахождения его приморских и горных районов, можно выявить как общие для них черты, так и некоторые различия.

Их сближают, прежде всего сходные условия расположения, а именно: связь с древними морскими и речными террасами. Эта особенность, присущая также и многим другим местонахождениям Кавказа, обычно рассматривается как геологическое подтверждение их нижнепалеолитического возраста¹¹³.

Однако это вполне справедливое заключение никак не объясняет причин тяготения открытых нижнепалеолитических стоянок к древним террасам. В самом деле, ведь нельзя же считать случайным, что многие из известных в настоящее время кавказских местонахождений открытого типа, являющихся по-существу остатками разрушенных нижнепалеолитических стойбищ, располагались по морскому побережью и берегам рек. Более вероятно видеть в этом проявление определенной закономерности, очевидно, обусловленной потребностями хозяйства обитателей открытых стоянок. В том, что это было действительно так,

---

¹¹³ С. Н. Замятин. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения, стр. 208—210; его же. Палеолит Абхазии, стр. 7—8; его же. Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани, стр. 488; В. И. Громов. Геологический возраст палеолита на территории СССР. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2, М.—Л., 1950, стр. 93; М. З. Паничкина. Палеолит Армении, стр. 69—70; ее же. Аширабадское мустьерское местонахождение в Армении, стр. 79; А. А. Формозов. Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья, стр. 32—33, 38; В. П. Любин. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии, стр. 17—21; А. Д. Колбутов. Основные этапы развития долины современной реки Большой Лиахви в свете новых данных о геолого-геоморфологических условиях залегания палеолита Юго-Осетии, стр. 79—87.

нас убеждает сравнение их расположения с расположением пещерных стоянок.

На примере мустьерских памятников Средней Азии и Крыма мы знаем, какими практическими соображениями руководствовались в этом обитатели пещерных стоянок. Такие стоянки располагались обычно поблизости от воды и охотничьих угодий, в надежно укрытых, трудно доступных и легко защитимых местах¹¹⁴. Благодаря такому расположению они приближались к местам охоты и в то же время не могли отпугивать животных. С другой стороны, этим обеспечивалась безопасность их обитателей в случае нападений со стороны враждебных соседей или хищных зверей.

Сравнивая расположение этих памятников и открытых стойбищ на древних террасах, нельзя не признать, что последние не удовлетворяют той сумме требований, которые предъявлялись к пещерным стоянкам. Несовпадение это касается в основном лишь тех условий, которые обеспечивали скрытое, замаскированное положение стойбищ и связанную с этим безопасность их обитателей. Причины игнорирования этих факторов обитателями открытых стоянок остаются неясными.

Общим в расположении открытых и пещерных стоянок является их тяготение к пересеченной местности, изобилующей ущельями, оврагами, обрывами. Данное условие совершенно необходимо для успешного ведения охоты с помощью загонных засад, которая по справедливому мнению многих исследователей служила основой хозяйства нижнепалеолитических общин¹¹⁵. Стало быть, приуроченность открытых стойбищ к морскому побережью и берегам рек можно рассматривать как характерную особенность первобытного охотничьего уклада жизни. Она обусловлена практическим опытом многих поколений палеолитических охотников, стремившихся максимально приблизить свои стоянки к охотничьим угодьям. Практический смысл этого состоял, по-видимому, в том, чтобы облегчить возможность большинству членов общины принимать участие в загоне, ибо многочисленность загонщиков являлась одним из немаловажных факторов успешного проведения загонной охоты¹¹⁶.

¹¹⁴ А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-таш, стр. 14—15, 71—75; С. Н. Бибиков. К вопросу о датировке и реконструкции палеолитических убежищ Крыма, стр. 85; А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите, стр. 17—19.

¹¹⁵ С. П. Толстов. К вопросу о периодизации истории первобытного общества. СЭ, 1946, № 1, стр. 29; М. З. Паничкина. К вопросу о назначении шельских орудий. КС ИИМК, XLVI, 1952, стр. 28—30; А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке, стр. 26, 32—33; С. Н. Замятин. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. В сб. «Проблема истории первобытного общества». Тр. ИЭ, новая серия, т. LIV, М.—Л., 1960, стр. 93—102.

¹¹⁶ С. Н. Замятин. Указ. соч., стр. 106—107.

Итак, сходные черты в расположении палеолитических местонахождений приморского и горного Дагестана определялись одинаковой основной хозяйственной деятельностью древнейших насельников края. Однако конкретные формы ведения охоты в разных районах, несомненно, различались между собой в зависимости от природного окружения, в котором протекала производственная деятельность первобытного человека. Это подтверждается огромным археологическим материалом, свидетельствующим об известной специализации хозяйства в охоте на определенные виды животных, существовавшей у нижнепалеолитических общин на различных территориях¹¹⁷. Очевидно, не представлял исключения в этом отношении и Дагестан. И хотя мы не располагаем в данное время необходимыми фаунистическими материалами, можно уверенно утверждать, что формы ведения охотничьего хозяйства у древнейших обитателей горного Дагестана несомненно отличались от тех, что были свойственны палеолитическим охотникам, населявшим морское побережье.

В этом отношении было бы особенно интересным установить причины тяготения последних к самой кромке морского берега. В литературе уже высказывалась мысль о том, что в хозяйственной деятельности палеолитических насельников морского побережья определенное значение приобретало собирание выбрасываемых на берег обитателей моря¹¹⁸. Думается, что наряду с такого рода собирательством у этих общин могли выработаться специализированные формы охоты на некоторых морских зверей. Ими могли быть, например, тюлени, обитавшие в Каспийском море еще в третичном периоде¹¹⁹. Как известно, лежбища тюленей располагаются обычно по кромке морского берега.

Разумётся, данное предположение нуждается в доказательствах и, в первую очередь, в подтверждении остеологическими материалами. Однако оно вполне вероятно, особенно если учесть, что сухопутные животные, которые могли бы служить объектами охоты для обитателей этих стоянок, обычно избегают открытого, почти лишенного растительности морского побережья. Во всяком случае, установленные на примере абхазских и дагестанских памятников факты тяготения нижнепалеолитических стоянок к морскому побережью, можно объяснить не только значительной ролью собирательства в хозяйстве населявших эти районы палеолитических общин, но с той же степенью вероятности можно расценивать их, как свидетельства известной специализации самого хозяйства в охоте на какие-то (пока еще достоверно неизвестные нам) виды животных, обитавших на берегу моря.

Различия в формах ведения охотничьего хозяйства не нашли своего отражения в каменном инвентаре местонахождений приморских и

¹¹⁷ А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите, стр. 54—55.

¹¹⁸ М. З. Паничкина. К вопросу о назначении шельских орудий, стр. 28.

¹¹⁹ Г. Н. Логанов. Тюлени и моржи. КОГИЗ, 1939, стр. 61.

горных районов Дагестана. И это не удивительно, если иметь в виду, что орудия труда в эпоху нижнего палеолита не были охотничьим оружием, а предназначались для изготовления деревянных орудий и для разделывания туш убитых животных, обработки их шкур и тому подобных операций. Поэтому в одновременных памятниках из этих районов представлены однотипные формы орудий и заготовок для них. Они различаются в основном по материалу, шедшему на их изготовление: в приморских районах для этой цели употреблялся кремнистый известняк, а в горах — более качественный меловой кремнь. Характерно, что в обоих случаях использовались местные сырьевые материалы.

Данный факт служит еще одним подтверждением того, что для изготовления орудий нижнепалеолитический человек всегда пользовался местными материалами, которые далеко не всегда отличались высоким качеством¹²⁰. Именно поэтому даже на Кавказе, чрезвычайно богатом месторождениями мелового кремня и обсидиана, для этой цели нередко употреблялся кремнистый известняк, доломит, андезит, базальт, кварцит и др. Известны даже случаи использования такой мало пригодной для изготовления орудий пород, как сланец¹²¹. Естественно, что в каждом отдельном случае имело место стремление найти наиболее качественные виды сырья¹²², ибо от этого в значительной степени зависела длительность и эффективность практического использования изготовленных из них орудий.

Становится очевидным, что нижнепалеолитический человек не предъявлял особенно высоких требований к качеству исходного материала. Однако он приобрел достаточные навыки в обработке разнообразных пород камня, благодаря чему различия в сырьевом материале не отражались сколько-нибудь существенно ни на качестве обработки, ни, в конечном счете, на типологии изделий¹²³. В дагестанских местонахождениях особенно наглядная картина рисуется при рассмотрении такой массовой категории находок, как отщепы.

Так, клетонские отщепы из ашельского комплекса местонахождения Чумус-иниц своим грубым обликом, крупными размерами, массивностью и рядом других архаических признаков резко отличаются от небольших, тонко профилированных, довольно изящных отщепов из мустьерских комплексов того же и Геджухского местонахождений, хотя все они изготовлены из одного и того же кремнистого известняка. В то же время последние по качеству обработки и совершенству облика не уступают кремневым отщепам из близких по времени местонахождений горного Дагестана (Унцала-ава, Сага-цука) и значительно превосходят

¹²⁰ С. А. Семенов. Первобытная техника, стр. 44—61.

¹²¹ В. П. Любин. Высокогорная пещерная стоянка Кударо I, стр. 182.

¹²² В. П. Любин. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии, стр. 34.

¹²³ С. Н. Замятин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Тр. ИЭ, новая серия, т. XVI, М., 1951, стр. 96.

в этом отношении короткие, массивные отщепы с «клектонской традицией» из раннемустьерского местонахождения Кумрала-када, для изготовления которых использовался качественный меловой кремль. Стало быть, сходство и различия этой категории изделий из хронологически и территориально различных нижнепалеолитических местонахождений Дагестана определялись не столько качеством исходного материала, сколько теми существенными изменениями, которые претерпела в продолжение разделяющего эти памятники промежутка времени техника раскалывания и обработки камня.

Выше, при рассмотрении конкретное материала, уже давалась характеристика основных приемов раскалывания и вторичной обработки, применявшихся древнейшими насельниками Дагестана на различных этапах развития нижнепалеолитической кремневой индустрии. Суммируем эти наблюдения.

Ранний этап развития культуры в приморском Дагестане, представленный материалами ашельского комплекса местонахождения Чумусиниц, характеризуется наличием клектонских отщепов и орудий из них, а также грубых рубящих орудий типа «choppers». Вторичная обработка этих изделий заключалась в нанесении грубой ретуши, следующей за краями отщепов, и в подтесывании краев, причем нередко оба приема сочетались между собой.

По составу инвентаря данный комплекс отличается от той группы нижнепалеолитических памятников Кавказа, в инвентаре которых большое место занимают двусторонне обработанные ручные рубила (Сатани-дар, Арзни, Лаше-Балта, Кударо I). Те же особенности ставят его в один ряд с другой группой стоянок, характеризуемой «клектонским» обликом инвентаря и употреблением грубых рубящих орудий взамен ручных рубил (Яштух, Кюрдере, Фортельянка).

Как известно, подобные различия в нижнепалеолитической технике наблюдаются и далеко за пределами Кавказа, в разных областях Европы, Африки и Азии. Представители буржуазной науки рассматривают их даже как проявление этнических различий между двумя изначально существовавшими группами человечества: «людьми рубила» и «людьми отщепа». Антиисторический и по- существу расистский смысл этих реакционных построений был убедительно раскрыт советскими исследователями палеолита С. Н. Замятиным и М. З. Паничкиной, показавшими на большом фактическом материале, что непреходимой грани между этими культурами никогда не существовало¹²⁴. В свете этих исследований стало очевидным, что различия в инвентаре нижнепалеолитических памятников сводятся не к какому-то исключительному господству техники «двусторонней оббивки» или «клектонской» техники, ибо нижнепалеолитическое население древ-

¹²⁴ М. З. Паничкина. Палеолит Армении, стр. 38—42; С. Н. Замятин. Указ. соч., стр. 105—116.

нейшей эйкумены было в большей или в меньшей степени знакомо с особенностями каждой из них, а лишь к преобладанию тех или иных технических приемов и навыков в изготовлении каменных орудий у различных палеолитических общин.

Объясняя причины существования различий в инвентаре одновременных памятников Абхазии и Армении, М. З. Паничкина высказала мысль о том, что в основе их лежат различия в хозяйственной деятельности палеолитических общин, обусловленные различным географическим положением этих областей ²²⁵.

Мнение о том, что «клектонский» облик инвентаря абхазских стоянок был до некоторой степени обусловлен специфическими особенностями хозяйственной деятельности древнейших насельников морского побережья, казалось бы, подтверждается и дагестанскими материалами, где приморские стоянки также дали «клектонский» инвентарь. Однако подобное заключение противоречило бы известным фактам нахождения памятников с аналогичным инвентарем не только на морском побережье, но и в горных районах, где они нередко располагались в одинаковых условиях с памятниками, в инвентаре которых встречается много ручных рубил ¹²⁶.

Другое объяснение причин, вызвавших различия в нижнепалеолитической технике принадлежит А. А. Формозову. По мысли этого исследователя, они обусловлены существованием глубоко традиционных для каждой палеолитической общины технических приемов изготовления каменных орудий ¹²⁷.

Наиболее близкой к действительности нам представляется точка зрения П. Аутлева, по мнению которого различия в инвентаре нижнепалеолитических памятников определялись совокупностью указанных причин, каждая из которых охватывает различные сферы деятельности первобытного человека, а именно: производство средств производства и производство средств существования ¹²⁸. И в самом деле, на облике материальной культуры различных нижнепалеолитических общин должна была сказаться неизбежная в тех условиях специализация их охотничьего хозяйства, приспособившегося к конкретным условиям природного окружения, а также их территориальная и, следовательно, культурная разобщенность. По-видимому, отмечаемое археологами своеобразие каменного инвентаря у различных групп нижнепалеолитиче-

¹²⁵ М. З. Паничкина. К вопросу о назначении шельских орудий, стр. 28.

¹²⁶ А. А. Формозов. Проблема локальных различий в древнем палеолите СССР, стр. 35; его же. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, стр. 28.

¹²⁷ А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, стр. 28—30.

¹²⁸ Данное положение высказано П. Аутлевым в его докладе, прочитанном в апреле 1961 г. на заседании секции каменного века пленума Института археологии в г. Москве.

ского населения является отражением реально существовавших этнографических (в широком смысле слова) различий между ними, охватывавших также и разные сферы их производственной деятельности. Существование этих различий (разумеется, в рамках единого процесса культурно-исторического развития) было обусловлено как большой зависимостью хозяйства нижнепалеолитического населения от конкретных условий естественно-географической среды, так и обособленностью отдельных общин друг от друга.

Возвращаясь к характеристике техники обработки камня в нижнепалеолитических памятниках Дагестана, отметим, что материалы мустьерских местонахождений позволяют составить более определенное, по сравнению с предшествующей эпохой, представление о последовательных этапах ее эволюции на протяжении эпохи мустье. Основанием для этого служат наблюдения над изменениями в облике первичных заготовок — отщепов, тогда как проследить хотя бы в самых общих чертах эволюцию форм законченных орудий не удастся, вследствие недостаточности имеющихся материалов.

О культуре раннего этапа мустьерской эпохи дают представление материалы пещерной стоянки в урочище Кумрала-када. Она характеризуется некоторым переживанием ашельских традиций, проявляющимся в употреблении коротких массивных отщепов с широкими гладкими ударными площадками. Этим пережиточно «клектонским» формам заготовок сопутствуют типично мустьерские отщепы. Отмеченные особенности данной категории поделок свойственны также и другим раннемустьерским памятникам Кавказа (Арзни), что послужило основанием М. З. Паничкиной рассматривать их как специфические, датирующие признаки инвентаря раннего этапа, подчеркивающие к тому же преемственную связь позднеашельской и раннемустьерской техники и культуры¹²⁹.

Из орудий труда в Кумрала-када представлены остроконечники и скребла.

Последующие этапы развития мустьерской культуры Дагестана характеризуются исчезновением «пережиточно клектонских» отщепов, дальнейшим совершенствованием техники раскалывания и вторичной обработки. Это нашло свое выражение в многообразии применявшихся типов нуклеусов (дисковидных, в том числе «черепаховидных», а также дву- и одноплощадочных ядрищ четырехугольных и треугольных очертаний) и в довольно развитом облике скалывавшихся с них отщепов, отличавшихся правильностью очертаний и тонким профилем. В этот период получает широкое распространение прием тщательного подтесывания ударных площадок на нуклеусе.

Типичен набор орудий труда, включающий диски, остроконечники и скребла. Наблюдается также дифференцированность некоторых ти-

¹²⁹ М. З. Паничкина. Палеолит Армении, стр. 83, 85, 86.

пов орудий, появляются и новые типы: резцы, выемчатые скобели, свидетельствующие о постепенном вызревании новых элементов культуры, широко распространившихся уже в последующую верхнепалеолитическую эпоху. Единичны находки двусторонне-обработанных форм. Все эти особенности находят себе параллели в кругу кавказских и крымских памятников, относящихся ко второй половине мустьерской эпохи.

Характерной особенностью мустьерской техники данной области на разных этапах ее развития является широкое использование отщепов для изготовления орудий при почти полном отсутствии двусторонних форм. Последние представлены единичной находкой в горном Дагестане (местонахождение Сага-цука). Данная особенность, как убедительно показала М. З. Паничкина на материалах стоянок Армении и Черноморского побережья Кавказа, является отличительной чертой кавказского мустье, сближающей его с мустьерскими культурами Восточного Средиземноморья¹³⁰. Правомерность этого вывода подтвердилась и материалами новых мустьерских памятников, выявленных за последние годы в других областях Кавказа¹³¹.

Следовательно, отмеченная нами особенность инвентаря мустьерских памятников Дагестана не является узко-локальным явлением, а представляет собой проявление одной из характерных черт, свойственных мустьерской культуре Кавказа в целом.

Другая особенность материалов из мустьерских местонахождений Дагестана состоит в том, что в технике раскалывания и вторичной обработки отчетливо прослеживаются леваллуазские черты. Это проявляется в первую очередь в применении специфических форм нуклеусов, — треугольных, четырехугольных и «черепашковидных», предназначенных для скалывания не только правильных отщепов, но также и пластин. Весьма показательны, что черты леваллуазской техники наблюдаются на всех этапах развития мустьерской культуры и в равной степени присущи инвентарю местонахождений приморского и горного Дагестана. Отмеченные факты документируют широкое, повсеместное знакомство дагестанских мустьерцев с этими своеобразными техническими приемами.

Вопрос о распространении леваллуазской техники в нижнепалеолитических памятниках Кавказа представляет немаловажный интерес. Как известно, элементы этой техники были выявлены М. З. Паничкиной в позднешельских и мустьерских комплексах Армении совсем недавно¹³². Исследованиями последующих лет черты леваллуазской техники

¹³⁰ М. З. Паничкина. Палеолит Армении, стр. 86, 88; ее же. Аширабадское мустьерское местонахождение в Армении, стр. 85.

¹³¹ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 39.

¹³² М. З. Паничкина. Палеолит Армении, стр. 66—67; ее же. Аширабадское мустьерское местонахождение в Армении, стр. 80, 82.

обнаружены также в Южной и Северной Осетии¹³³, Имеретии¹³⁴, Абхазии¹³⁵, Дагестане, что доказывает ее широкое, не будет преувеличением сказать, повсеместное распространение в различных областях Кавказа. На территории нашей страны она известна и за его пределами. Выше уже упоминалось о распространении леваллуазских приемов в мустьерских памятниках Средней Азии¹³⁶. В последнее время следы леваллуазской техники прослежены и на юге Украины¹³⁷. В результате всех этих исследований становится все более очевидным, что ареал распространения леваллуазских традиций в нижнепалеолитических культурах охватывает почти всю территорию юга нашей страны.

Определены и хронологические рамки бытования леваллуазской техники на Кавказе. Основываясь на большом фактическом и сравнительном материале, советские исследователи установили, что она появляется здесь в среднем ашеле и существует, развиваясь, вплоть до конца мустьерской эпохи, то есть в пределах того же хронологического диапазона, которым ограничивается время ее бытования и в других областях¹³⁸.

Широкие территориальные рамки и значительный хронологический диапазон существования элементов леваллуазской техники очевидно свидетельствуют о том, что мы имеем здесь дело с одной из широко распространенных и весьма устойчивых традиций, в какой-то мере определивших своеобразный облик нижнепалеолитических культур юга нашей страны. Не исключено, что упомянутая выше особенность кавказского мустье, выражающаяся в преимущественном использовании отщепов для изготовления орудий, и находящая себе параллели в других памятниках юга, также представляет собой одно из характерных проявлений леваллуазской техники. Во всяком случае, широкое распространение леваллуазских черт в нижнепалеолитических памятниках юга нашей страны служит еще одним аргументом в поддержку неоднократно высказывавшегося мнения о значительном сходстве и даже единстве путей развития представленных здесь культур с культурами

¹³³ В. П. Любин и А. А. Формозов. Изучение нижнего палеолита в СССР за последние десять лет, стр. 7; В. П. Любин. Нижнепалеолитические находки на Тереке, стр. 340—341; его же. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии, стр. 55—56, 74—75.

¹³⁴ Доклад Д. М. Тушабрамишвили на заседании секции палеолита пленума ИИМК АН СССР, состоявшемся в апреле 1959 г. в г. Москве.

¹³⁵ В. П. Любин. Нижнепалеолитические находки на Тереке, стр. 340.

¹³⁶ А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-таш, стр. 43, 63; его же. Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в СССР за 40 лет, стр. 16, 18.

¹³⁷ С. Н. Бябиков. Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита, стр. 23.

¹³⁸ В. П. Любин. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии, стр. 57—63, 74—76; М. З. Паничкина. Палеолитические нуклеусы, стр. 31—33.

Восточного Средиземноморья¹³⁹. Основываясь на этом можно высказать предположение о том, что истоки культурной близости племен, населявших данные области в последующую верхнепалеолитическую эпоху, следует искать в нижнем палеолите.

Таким образом, зафиксированные в материалах дагестанских местонахождений мустьерской эпохи черты леваллуазской техники не являются чем-то случайным, а представляют собой специфическую особенность нижнепалеолитических культур Кавказа, наблюдаемую и в ряде сопредельных областей.

Оценивая все имеющиеся материалы нижнепалеолитических местонахождений Дагестана в целом, следует признать, что в них нашли свое отражение основные закономерности процесса культурно-исторического развития, наблюдаемые также в ряде соседних областей юга нашей страны. По-видимому это было обусловлено одинаковым уровнем социальной организации, сходством хозяйственной деятельности и, вероятно, одинаковым физическим обликом людей, населявших эту огромную территорию.

Рассмотренные материалы, наряду с выявляемыми следами нижнепалеолитической культуры в Азербайджане¹⁴⁰, позволяют заключить, что появление первобытного человека на Восточном и Северо-Восточном Кавказе и широкое расселение его на данной территории произошло в те же исторические сроки, что и в центральных и западных областях Кавказа. На основе этих материалов устанавливается, что сфера деятельности нижнепалеолитического человека в равной степени распространялась на приморские, предгорные и горные районы охватывая, таким образом, значительную часть территории Дагестана, естественно-географические условия которой благоприятствовали этому.

Дагестанские находки служат новым звеном в общей системе кавказских памятников, связывающей нижнепалеолитические культуры Восточного Средиземноморья, этой важнейшей с точки зрения антропогенеза области древнейшей эйкумены¹⁴¹, с Юго-Восточной Европой. Важная роль Кавказа на древнейших путях расселения человечества

---

¹³⁹ М. З. Паничкина. Палеолит Армении, стр. 67; В. П. Любин. Каменный век Юго-Осетии, стр. 21; С. Н. Бибииков. Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита, стр. 24.

¹⁴⁰ С. Н. Замятнин. Разведка по каменному веку в Азербайджане осенью 1953 г. Тр. ИИАН Аз. ССР, т. XIII, Баку, 1958, стр. 5—17; М. М. Гусейнов. О первых находках материалов каменного века в долине Шорсу. ДАН Аз. ССР, № 1, Баку, 1955, стр. 55—69; его же. Пещера каменного века на Айведдаге, ДАН Аз. ССР, т. XV, № 11, Баку, 1959, стр. 1071—1076; его же. Мустьерская стоянка в пещере Дашсалахлы, стр. 17—32; В. П. Любин. К вопросу об изучении древнего палеолита Азербайджана, стр. 99—105.

¹⁴¹ Г. Ф. Дебец, Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров. Проблемы заселения Европы по антропологическим данным. Тр. ИЭ, новая серия, т. XVI, М., 1951, стр. 415.

уже отмечалась в литературе¹⁴². Концентрация известных до сих пор на Большом Кавказе памятников в Абхазии, Южной и Северной Осетии позволяла видеть в них доказательства прохождения этих путей по Черноморскому побережью Кавказа и через его горные перевалы¹⁴³. Выявление нижнепалеолитических памятников в Дагестане доказывает существование еще одного пути расселения первобытных людей, огибавшего Большой Кавказ с востока и проходившего по Каспийскому побережью Кавказа.

Выявление нижнепалеолитических памятников в Дагестане представляет исключительно важный интерес и в плане изучения конкретной истории этого края. Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что начальный этап исторического процесса на данной территории, связанный с первым появлением здесь человека и сложением примитивных форм первобытного общества, восходит к глубокой древности. Немаловажный интерес представляет и то обстоятельство, что имеющиеся данные документируют одновременность (в пределах конца нижнепалеолитической эпохи) заселения приморских и горных районов Дагестана. Этим самым кладется конец хождению распространенных, но бездоказательных «теорий» о весьма позднем появлении человека на территории Дагестана и особенно в его горных районах.

О дальнейшем развитии культур каменного века на интересующей нас территории дают представление материалы верхнепалеолитических и мезолитических памятников, рассмотрению которых и посвящена следующая глава настоящей работы.

¹⁴² Г. Ф. Дебен. Основные итоги палеоантропологических исследований в СССР, М., 1956, стр. 1; В. П. Любин. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии, стр. 77—78.

¹⁴³ В. П. Любин. Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества. СА, XXVII, 1957, стр. 75, рис. 1; его же. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии, стр. 77—78.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ

На территории Дагестана в данное время известно 5 разновременных памятников эпохи верхнего палеолита и мезолита. Наибольший интерес среди них представляет многослойная Чохская стоянка (Гунибский район), материалы которой характеризуют несколько последовательных этапов развития культуры населения горного Дагестана в верхнем палеолите и мезолите. Две других стоянки: в урочище Козьманохо близ сел. Ругуджа (Гунибский район) и на хуторе Тарлан-как близ сел. Мекеги (Левашинский район), относятся к мезолиту. Небольшая коллекция верхнепалеолитических изделий происходит из местонахождения Сага-цука близ сел. Гинта (Акушинский район). В приморском Дагестане известна пока единственная находка чаши из кости мамонта, обнаруженная около ст. Белиджи (Дербентский район) и относимая к концу верхнепалеолитической эпохи.

Как явствует из данного перечня, число известных в Дагестане памятников верхнего палеолита и мезолита весьма невелико. При этом коллекции добытых материалов не одинаковы в количественном отношении и далеко не равноценны по своему значению.

Прежде чем приступить к анализу этих материалов, следует вкратце остановиться на причинах, побудивших нас охарактеризовать в одной главе две различные по своему содержанию эпохи каменного века: верхний палеолит и мезолит. Необходимость этого продиктована тем, что основным источником наших знаний о каждой из указанных эпох являются материалы одного и того же археологического памятника — многослойной Чохской стоянки. В этих материалах наиболее полно, по сравнению с другими памятниками, отражен процесс развития культуры на данной территории в продолжение значительного хронологического отрезка, охватывающего как отдельные периоды верхнего палеолита и мезолита, так и переходный период между ними. Материалы других памятников не вносят ничего принципиально нового в понимание этого процесса, а лишь подтверждают или уточняют его отдельные детали.

В этих условиях рассмотрение верхнепалеолитических и мезолитических материалов Чохской стоянки по-отдельности, в разных главах работы, неизбежно и притом отрицательно сказалось бы на понимании и раскрытии основных закономерностей развития представленной в них культуры. Кроме того, это усложнило бы и самый порядок изложения материала.

Руководствуясь этими соображениями, мы решили не расчленять искусственно материалы Чохской стоянки и, следовательно, объединить в одной главе вопросы, связанные с изучением верхнепалеолитической и мезолитической культуры Дагестана. При этом мы отчетливо сознаем, что каждая из этих эпох является совершенно самостоятельным периодом первобытно-общинного строя, насыщенным своеобразным конкретно-историческим содержанием. В процессе изложения делается попытка раскрыть на основе имеющихся материалов содержание каждой из этих эпох.

Следует отметить также, что вследствие разнородности имеющихся материалов, они располагаются не по территориальному и хронологическому принципу, как это делается в предшествующей и последующей главах данной работы, а по степени их значимости. Основное внимание, вполне естественно, уделено Чохской стоянке, занимающей центральное место в данной главе. Далее рассматриваются материалы двух мезолитических стоянок, образующие стратифицированные археологические комплексы. И лишь после них описываются находки, стратиграфическая принадлежность которых не установлена.

Таким образом, несколько необычная структура данной главы целиком зависит от специфических особенностей имеющихся материалов, к рассмотрению которых мы обращаемся.

1. МНОГОСЛОЙНАЯ СТОЯНКА У СЕЛ. ЧОХ

Чохская стоянка, впервые документировавшая заселенность горных районов Северо-Восточного Кавказа в верхнем палеолите и мезолите, является самым ярким и выразительным памятником каменного века среди известных на данной территории.

Она находится в высокогорном Гунибском районе, примерно в 2 км к северу от сел. Чох, — одного из крупнейших селений горного Дагестана, по имени которого получила свое наименование.

Гунибский район занимает центральную часть горного Дагестана. Его естественно-географические условия с глубокой древности благоприятствовали человеческой деятельности, следы которой зафиксированы здесь в многочисленных и разновременных археологических памятниках, начиная с эпохи верхнего палеолита и вплоть до средневековья. Помимо Чохской стоянки здесь известно еще 4 памятника каменного века; одна мезолитическая и 3 поздненеолитических стоянки, поселения и могильники эпохи бронзы, раннего железа и средневековой эпохи¹.

¹ Подробнее об этих памятниках см.: В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, т. II, Махачкала, 1961; Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. КС ИИМК, 71, 1958; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. МАД, т. II, Махачкала, 1961; П. М. Дебиров. Резные камни в народно-декоративном искусстве аварцев. Ученые записки Института ИЯЛ, т. VI, Махачкала, 1959; М. И. Пикуль. Хабадинский могильник. МАД, т. II, Махачкала, 1961.

В геоморфологическом отношении Гунибский район приурочен к границе между известняковым и центральным сланцевым Дагестаном. Характерной особенностью этой пограничной полосы является наличие обособленных «столовых» гор и небольших известняковых плато с синклинальным строением, оканчивающихся со всех сторон обрывами, от подножия которых начинаются более пологие склоны из сланцев. К числу таких плато, представляющих своеобразные естественные крепости, относятся Гунибское, Кегерское (Турчидагское), Тлилимезр (Чемодан-гора) и др.²

Как показывают археологические материалы, первобытный человек селился и на известняковых плато (Чохская стоянка), и в долинах рек (Ругуджинские стоянки).

а) Местоположение и стратиграфия

Кегерское или Турчидагское плато, на котором расположена Чохская стоянка, представляет собой огромную (до 15 км в меридиональном направлении и 8—10 км — в широтном) платформу, более чем на 500 м поднятую над окружающей местностью. Высота его в среднем варьирует в пределах 1700—1900 м над уровнем моря, а в отдельных местах, как например, на горе Турчидаг, она значительно превышает 2000-метровую отметку.

Вершина плато сложена плотными, стойкими к разрушению известняками, обрывающимися наружу в виде высоких, отвесных уступов. Она представляет собой довольно ровную, слегка наклоненную к северу поверхность, местами расчлененную глубокими оврагами. Вдоль западного и восточного краев плато протекают небольшие стремительные горные потоки, каньонообразные русла которых глубоко прорезали известняки. Они сливаются друг с другом около сел. Салта и впадают затем в реку Кара-Койсу севернее Гуниба. Ниже известняков располагаются толщи рыхлых пород: мергелей, песчаников и сланцев, слагающие пологие участки склонов и структурные денудационные террасы окружающих плато горных долин³. Благодаря такому строению описываемое плато представляет собой геоморфологически обособленный, а потому труднодоступный и почти совершенно изолированный район.

Поверхность плато покрыта плодородными горно-луговыми и черноземовидными почвами, изобилующими богатой субальпийской растительностью⁴. Северные экспозиции склонов были заняты лесами, остатки которых в виде небольших сосновых и березовых зарослей местами встречаются здесь и поныне.

² И. Щукин. Очерки геоморфологии Кавказа, ч. I. Большой Кавказ. Труды НИИ географии ИМГУ, М., 1926, стр. 152—153.

³ Там же.

⁴ А. С. Солдатов. Почвы горных пастбищ Гунибского и Лакского районов Дагестанской АССР. Тр. Отдела почвоведения Дагфилиала АН СССР, т. III, Махачкала, 1956, стр. 35—77.

Богатые естественные угодья привлекали стада животных. Выше мы познакомились с видами животных, представленными в материалах Чохской стоянки. Напомним, что среди них встречаются как обитатели лесов (олень, рысь), так и открытых горных пастбищ (горные бараны и козлы): Вряд ли может вызвать сомнение, что многие из них обитали в древности на Турчидагском плато.

В целом, естественно-географические условия данного района были благоприятными для человеческой деятельности. Об этом убедительнее всего свидетельствует факт длительного пребывания здесь первобытного человека, устанавливаемый материалами Чохской стоянки.

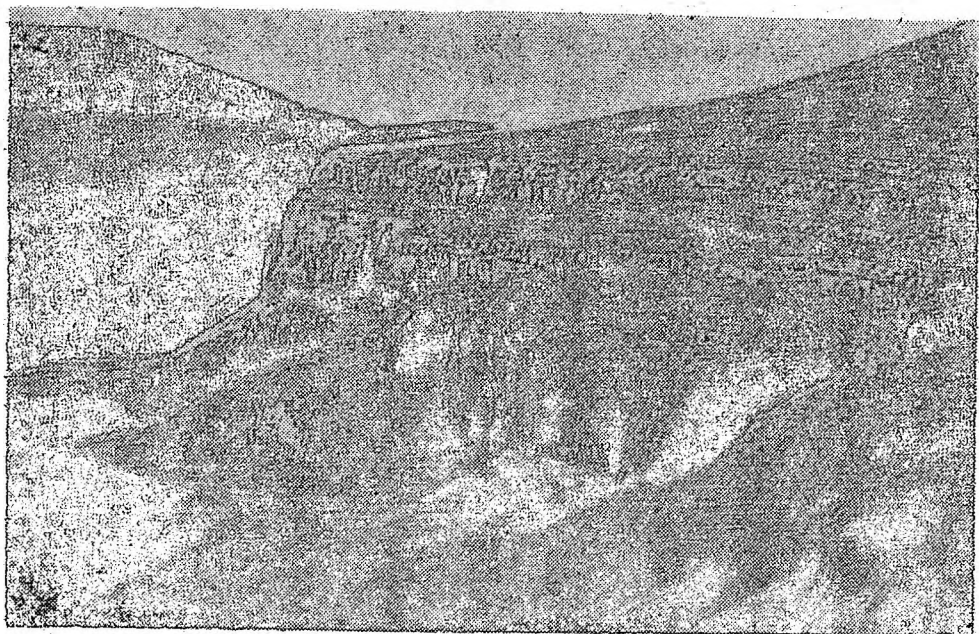

Рис. 17. Чохская стоянка, вид с юга.

Расположение этого памятника на местности весьма характерно. Стоянка находится в узком каньонообразном ущелье, представляющем собой древнее речное русло (рис. 17). По дну его и в настоящее время протекает небольшой поток, известный у жителей сел. Чох под названием «Маарда-глар».

Ущелье глубоко (от 5—10 м в верховьях до 70—100 и более метров в низовьях) врежется в известняки. Его края почти на всем протяжении круты и обрывисты, лишь в некоторых местах, где поток делает резкие изгибы, ущелье расширяется, а края становятся более пологими.

Место для стоянки было выбрано в одном из наиболее значительных расширений ущелья, где поток резко меняет свое направление, делая почти 90-градусный поворот (рис. 18). Оно представляет собой небольшую, довольно глубокую (до 40—50 м от современной поверхности плато) котловину с крутыми, обрывистыми краями, которые местами как бы оглажены делювиальными и колювиальными отложениями. Котловина надежно защищена от холодных северных ветров, преобладающих в данном районе⁵, и постоянно обогреваема солнечными лучами.

Стоянка расположена на небольшой террасе у северного края котловины, представляющего собой высокий (до 15 м) известняковый карниз, обращенный вертикальным обрезом на ЮЮВ. Поверхность террасы возвышается над современным уровнем потока на 12—15 м, вследствие чего она совершенно не подвержена размыву.

Таким образом, по условиям расположения на местности Чохская стоянка представляет собой стоябище открытого типа⁶. Однако, особенности выбранного для поселения места были таковы, что оно представляет собой одновременно и превосходное убежище, отлично замаскированное на местности, расположенное в непосредственной близости от воды и охотничьих угодий.

Сравнивая расположение Чохской стоянки с другими верхнепалеолитическими и мезолитическими памятниками Кавказа (Имеретинские пещеры⁷ и Бармаксызская стоянка⁸ — в Грузии, грот Сосруко⁹ — в Кабардино-Балкарии), Крыма¹⁰, Украины¹¹ и Центральной России¹², нетрудно убедиться, что во всем им присущ ряд общих черт. Выбирая места для стоянок, человек эпохи верхнего палеолита и мезолита стремился обеспечить себя надежным убежищем от непогоды, расположенным поблизости от воды и охотничьих угодий и хорошо замаскированным на местности, чтобы не привлекать внимания враждебных групп людей и не опугивать животных. Этим же условиям отвечают и места

⁵ Н. А. Коростелев. Климат Дагестана, М.—Л., 1931, стр. 22.

⁶ В сообщении П. П. Ефименко о раскопках Чохской стоянки в 1955 г. ошибочно указывалось, что она расположена в гроте. См. СА, 1957, № 1, стр. 294.

⁷ С. Н. Замятин. Палеолит Западного Закавказья. I. Палеолитические пещеры Имеретии. Сб. МАЭ, XVII, 1957, стр. 467, 481, 488—489.

⁸ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 122, таб. СХХVI.

⁹ С. Н. Замятин и П. Г. Акритас. Исследования по каменному веку в Кабарде в 1954—1955 г. (Предварительный отчет). Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института, т. XI, Нальчик, 1957, стр. 421.

¹⁰ С. Н. Бибииков. Предварительный отчет о работе Крымской археологической экспедиции 1935 г. СА, I, 1936, стр. 195, 199, рис. 2.

¹¹ П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953, стр. 141.

¹² А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенко-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, № 59, 1957, стр. 19.

расположения некоторых мустьерских памятников¹³. Стало быть, в выборе места для стоянок отражен практический опыт первобытного человека, обусловленный спецификой его охотничьего хозяйства и быта. Разумеется, в каждом отдельном случае выбор места для стоянки определяется конкретными условиями окружающей местности и в первую очередь — ее рельефом. В этом отношении Чохская стоянка дает нам яркий пример расположения первобытного охотничьего поселения в условиях горного ландшафта.

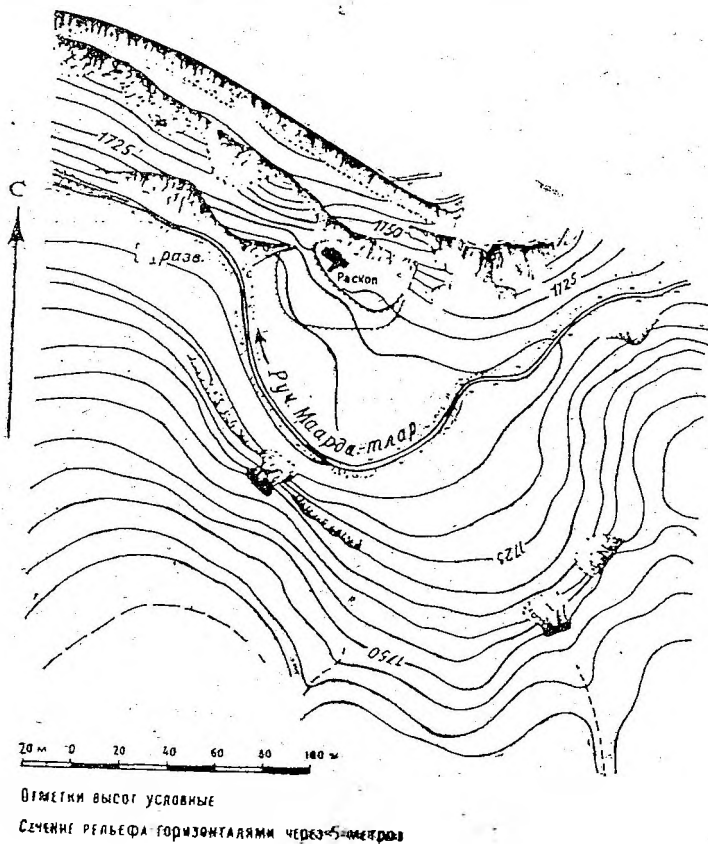

Рис. 18. План Чохской стоянки.

Геологические данные о возрасте Чохской стоянки весьма ограничены. Ущелье, в котором находится стоянка, по своему облику, значи-

¹³ С. Н. Бибииков. О датировке и реконструкции палеолитических убежищ Крыма. БКИЧП, № 21, 1957, стр. 85.

тельной глубине и степени разработанности ничем не отличается от древних каньонобразных русел других рек известнякового Дагестана, образующих сплошную систему небольших поперечных долин, являющихся важным элементом его гидрографической сети. По данным геологии, формирование этой системы произошло в конце плицена — начале плейстоцена¹⁴. Нет никаких оснований полагать, что образование описываемого ущелья могло произойти в иные геологические сроки.

Занятое стоянкой место по геологическому строению представляет собой аккумулятивную террасу, образованную в жестком известняковом русле потока аллювиальными, делювиальными и коллювиальными отложениями. Основную роль в ее формировании сыграли делювиальные отложения, переотложенные с поверхности плато.

Благодаря некоторому выступанию известнякового карниза, у подножия которого располагалась Чохская стоянка, потоки делювиальных отложений огибали ее с восточной и западной стороны. Перемещавшиеся по ним продукты денудации аккумуляровались на дне ущелья и частично задерживались на его склонах. Следствием этого явилось образование самой террасы и двух сравнительно крупных конусов выноса, расположенных по ее краям, по обе стороны от упомянутой скалы и документирующих функционирование делювиальных потоков (рис. 17).

Вопрос о геологическом возрасте данной террасы изучен недостаточно. Определенное значение для его решения могут иметь наблюдения над стратиграфией слагающих террасу делювиальных отложений. В естественных обнажениях террасы отчетливо прослеживаются две свиты делювия, различающиеся по своей структуре и простиранию и частично перекрывающие друг друга. Одна из них образована плотным желтоватым суглинком с обильными включениями различных по величине обломков известняка. Своим происхождением она обязана деятельности обоих делювиальных потоков, особенно — западного. Частично перекрывающая его другая свита делювиальных отложений состоит из более рыхлого темноцветного суглинка, также обильно насыщенного коллювием — продуктами разрушения вышележащих известняков. Эта более поздняя по времени образования толща переместилась на данный участок, главным образом, по восточному делювиальному потоку. Следует отметить, что нижний плащ делювия отличается значительной мощностью (до 5—6 м), тогда как толщина верхнего плаща менее значительна.

Приведенные наблюдения касаются последовательности накопления слагающих террасу делювиальных отложений, тогда как определение их геологического возраста требует специального изучения. Однако, и в настоящее время не будет преувеличением сказать, что образование описываемой террасы относится к довольно глубокой геологической древности. Судя по более или менее однородной консистенции

¹⁴ Подробнее об этом см. во II главе настоящей работы.

каждого из охарактеризованных слоев делювия, по насыщенности их угловатыми, невыветрившимися обломками известняка и известняковым щебнем, накопление каждого из этих отложений произошло за геологически короткий срок. Не вызывает сомнения, что интенсивное накопление делювия является следствием усиления и активизации процессов денудации окружающих пород. Последнее, как правило, бывает вызвано значительными изменениями климатических условий, особенно, температурного режима¹⁵. Основываясь на этом мы можем уверенно полагать, что образование данной террасы произошло в период, характеризующийся значительными и, по-видимому, резкими изменениями климата горного Дагестана.

Специальных исследований отложений террасы с целью определения их геологического возраста не производилось. Посетивший в 1957 году наши раскопки научный сотрудник Института географии АН СССР, геоморфолог Д. А. Лилиенберг ознакомился со стратиграфией верхних слоев Чохской стоянки и описываемой террасы в целом. По его предварительному заключению, образование верхних напластований террасы, содержащих следы человеческой деятельности, произошло в конце вюрмской эпохи и в раннем голоцене. Это заключение согласуется с археологическими данными: материалы соответствующих слоев стоянки относятся к концу верхнепалеолитической и к мезолитической эпохам. Следовательно, нижележащие толщи отложений, слагающих данную террасу, образовались в предшествующее время, как можно предполагать, в продолжение эпохи вюрмского оледенения. Уточнение этого вопроса требует участия в исследованиях Чохской стоянки геологов-четвертичников.

Небезынтересно отметить, что процесс интенсивного разрушения слагающих плато пород и накопления делювиальных отложений в описываемом ущелье прекратился очень давно; тогда же перестали функционировать и оба упоминавшихся делювиальных потока. Свидетельством этого является тот факт, что поверхности террасы и расположенных по ее обеим сторонам конусов выноса покрыты довольно мощным (0,2—0,4 м. местами — до 0,5 м) почвенным слоем. Не вызывает сомнений, что формирование столь значительного по своей мощности почвенного слоя на сравнительно крутых склонах заняло продолжительный промежуток времени. Основываясь на этом, можно заключить, что климатические условия горного Дагестана на протяжении голоцена оставались более или менее стабильными.

Таковы, вкратце, геологические данные об условиях расположения Чохской стоянки. В свете изложенного становится очевидной необходимость ее комплексного изучения в дальнейшем. Специальные исследования делювиальных напластований описанной террасы, часть которых маркирована археологическими материалами и поэтому, может быть,

¹⁵ В. А. Обручев. Основы геологии. М., 1956, стр. 74—91.

довольно точно датирована, несомненно, окажутся плодотворными не только для археологии, но также для геологии и геоморфологии. В результате проведения комплексных работ станет возможным детальное изучение геологической истории данного микрорайона в позднем плейстоцене — раннем голоцене, что, несомненно, поможет осветить ряд вопросов четвертичной геологии горного Дагестана, в том числе вопрос о его последнем плейстоценовом оледенении.

Приступая к описанию стратиграфии Чохской стоянки, необходимо отметить, что на занятом ею участке наряду с изделиями каменного века встречаются также следы деятельности человека в последующие исторические эпохи. Особенно интересны находки фрагментов архаической керамики. Она изготовлена вручную из грубого теста с примесями. Наружные поверхности ее, как правило, обмазаны жидкой глиной, в редких случаях — заглажены или залощены. Внутренние поверхности — заглажены. Цвет наружных поверхностей светлый, чаще всего, желтовато-бурый, внутренних — темносерый и черный. Фрагменты керамики встречаются на поверхности террасы, в гумусном слое, а иногда, по многочисленным норкам грызунов, они проникают и в верхние культурные слои, относящиеся к каменному веку. По своему облику и технике изготовления описанные фрагменты аналогичны керамике, найденной в могильнике эпохи бронзы, расположенном здесь же на плато, в 0,6—0,7 км к ЗЮЗ от стоянки, в урочище Нохола-ад¹⁶. Вероятнее всего, появление этой керамики на стоянке следует связывать с деятельностью людей, оставивших данный могильник.

Помимо описанной здесь встречаются также обломки современной керамики и современные же строительные остатки. На месте стоянки сравнительно недавно был устроен загон для скота, от которого сохранилась невысокая стенка, сложенная насухо из обломков известняка разной величины. Она опоясывает данный участок по склону несколько выше основания террасы. Затем верхнюю часть террасы стали использовать под посевы и с этой целью ее выровняли и окружили невысокой опорной стеной, сложенной аналогичным способом. Возделывание этой террасы под посевы продолжалось вплоть до начала раскопок стоянки.

Совершенно очевидно, что результаты подобной деятельности отрицательно сказались на сохранности культурных напластований стоянки, особенно, ее верхних горизонтов. Все это затрудняло изучение стратиграфии памятника.

Современное состояние изученности Чохской стоянки не дает возможности определить более или менее точно ее границы. Однако можно, не впадая в большую ошибку, предположить, что занятый ее участок в основном совпадает с площадью сооруженной здесь земледельческой террасы или несколько превышает ее, достигая 800—1000 кв. м.

¹⁶ Р. М. Мудчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г., стр. 43—47.

Наше знакомство со стратиграфией памятника целиком основывается на результатах раскопок, захвативших исключительно северо-западный участок стоянки, когда как последовательность напластований на ее участках остается невыясненной. Размеры раскопанного участка достигают в настоящее время 90 кв. м (рис. 19).

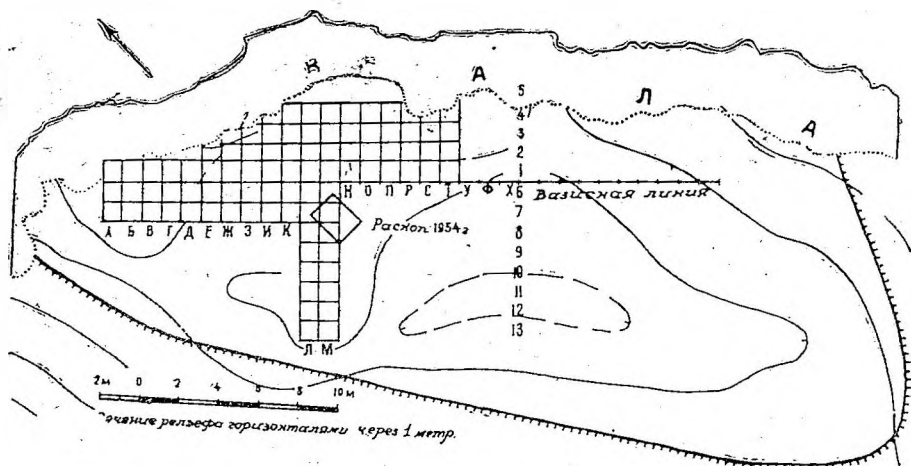

Рис. 19. План раскопа Чохской стоянки.

Раскопки стоянки производились в следующей последовательности. Небольшой разведочный раскоп 1954 г. размерами $2 \times 1,5$ м прорезал лишь верхние, мезолитические слои в квадратах М7, М8, Н7 и Н8, не затронув, однако, нижележащих верхнепалеолитических слоев.

Начиная с 1955 года исследования памятника приняли планомерный характер. Площадь стоянки была разбита на метровые квадраты, обозначенные по базисной линии, идущей в направлении СЗ—ЮВ, буквами алфавита. Ряды квадратов, расположенные к северу от базисной линии до известкового карниза, обозначены цифрами от 1 до 5, к югу — от 6 и далее.

В 1955 году на различных участках стоянки исследовано 18 квадратов. Основной раскоп площадью 16 кв. м захватил 1—4 ряды квадратов на участке Л—О, где в процессе сооружения упомянутой выше земельной террасы был снят почвенный слой, благодаря чему культурные напластования оказались расположенными близко к современной поверхности. Помимо этого были раскопаны квадраты А6 и А7 на западной границе стоянки. Незначительные размеры вскрытой площади и, как выяснилось позднее, сильная нарушенность верхних слоев с культурными остатками мезолитической эпохи не дали возможности составить отчетливое представление о стратиграфии памятника в целом. Однако, они позволили уже тогда достаточно полно охарактеризовать

нижележащую толщу напластований верхнепалеолитической эпохи и выделить в ней 3 горизонта¹⁷, соответствующих не менее чем трем последовательным периодам обитания стоянки, что полностью подтвердилось исследованиями последующих лет.

Раскопки 1956 года ставили задачей продолжить изучение стратиграфии культурных напластований стоянки. С этой целью были вскрыты 6—13 ряды квадратов на участке Л—М. Образованная таким образом траншея размерами 8×2 м смыкалась с раскопом 1955 г. и прорезала толщу культурных напластований стоянки к югу от базисной линии, в направлении к реке. В ее разрезах прослежено некоторое падение культурных слоев террасы, установлено наличие мощного плаща делювиальных отложений, перекрывающих эти слои на некотором расстоянии от основания скалы.

Результаты наблюдений над стратиграфией исследованного в 1955—56 гг. участка нашли свое отражение в предварительном сообщении о раскопках Чохской стоянки¹⁸.

Исключительно важное значение для изучения стратиграфии Чохской стоянки имели раскопки 1957 г., охватившие значительную площадь: ряды квадратов 1—4 и 6—7 на участке А—К и 1—4 — на участке П—Т. Относительно большие размеры исследованной площади и, особенно, хорошая сохранность верхних слоев на участке А—Ж позволили впервые составить достаточно полное представление о последовательности и характере культурных напластований интересующего нас памятника. Новые наблюдения помогли устранить отдельные неясности в понимании стратиграфии ранее исследованных участков.

В настоящее время стратиграфия геологических отложений Чохской стоянки рисуется следующим образом:

1. Почвенный слой, — мягкий гумусированный суглинок комковатой структуры — 0,2—0,5 м.

2. Слой делювиально-коллювиальных отложений, — довольно рыхлый темноцветный суглинок, обильно насыщенный угловатой известняковой щебенкой, а по мере удаления от скалы еще и крупными обломками известняка — 0,15—1,4 м.

3. Слой делювиальных отложений, — плотный светло-желтый суглинок, насыщенный незначительным количеством щебенки, почти совершенно отсутствующей вблизи скалы — 0,8—1,2 м.

Нижележащие слои прослежены в шурфах в квадратах Л1, Л2, М9, 36, 37:

4. Слой делювиальных отложений, — плотный светло-желтый суглинок, обильно насыщенный угловатой известняковой щебенкой с незначительным количеством обломков известняка — 0,3—0,35 м.

¹⁷ В. Г. Котович. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане. Ученые записки Института ИЯЛ, Махачкала, т. III, 1957, стр. 139.

¹⁸ Там же, стр. 138—139.

5. Слой делювиально-коллювиальных отложений, — плотный светло-желтый суглинок, обильно насыщенный крупными обломками известняка и известковой щебенкой — 0,25—0,35 м.

Нижележащие слои прослежены только в шурфе в квадратах 36 и 37:

6. Слой делювиальных отложений, — плотный светло-желтый суглинок, обильно насыщенный угловатой щебенкой с незначительным количеством обломков известняка — 0,05—0,25 м.

7. Слой делювиально-коллювиальных отложений, — плотный светло-желтый суглинок, обильно насыщенный крупными обломками известняка и известковой щебенкой — 0,25—0,35 м.

8. Слой делювиальных отложений, — плотный светло-желтый суглинок, насыщенный небольшим количеством угловатой известняковой щебенки — 0,25—0,3 м.

9. Слой делювиально-коллювиальных отложений, — плотный светло-желтый суглинок, обильно насыщенный крупными обломками известняка и известняковой щебенки — прослежен на глубину 0,2—0,3 м.

Таковы вкратце данные о характере напластований на исследованных участках стоянки. Рассматривая особенности каждого из охарактеризованных слоев и сравнивая их между собой, нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что большинство из них (3—9) представляют собой довольно близкие по консистенции отложения, основу которых составляет плотный светло-желтый влажный суглинок (несколько сереющий по мере высыхания), в большей или меньшей степени насыщенный обломочными породами. Однородность этих отложений может рассматриваться как свидетельство их образования в продолжение одного геологического периода. Они являются частью напластований, слагающего террасу нижнего делювиального плаща, и почти ничем не отличаются от его нижележащих слоев, прослеживаемых в естественных обнажениях. В то же время по своей консистенции и цветности они резко отличаются от вышележащего второго слоя, образование которого, очевидно, происходило в иных условиях и, вероятно, в другом геологическом периоде.

Исходя из этого, мы можем с достаточным основанием утверждать, что разрезанная раскопом толща напластований Чохской стоянки относится к трем последовательным геологическим периодам. С наиболее поздним может быть связан верхний почвенный слой, к следующему относится второй слой и, наконец, наиболее древнему и, по-видимому, наиболее продолжительному периоду соответствуют 3—9 слои, равно, как и нижележащие напластования террасы. Определению возраста этих слоев и, стало быть, соответствующих геологических периодов в немалой степени способствуют археологические материалы.

Культурные остатки встречены в 1, 2, 3 и 8 слоях. В первом, гумусном слое они представлены фрагментами керамики, а также некоторым количеством кремневых изделий, происходящих из слоев, относящихся к каменному веку и разрушенных при сооружении террасы.

Никаких культурных напластований в этом слое на раскопанных участках не обнаружено.

В верхних участках второго слоя встречаются многочисленные культурные остатки тарденуазского возраста¹⁹. Следует отметить, что соответствующие культурные слои были впервые четко прослежены лишь в 1957 г. на участке Г—И. На других участках они были либо полностью уничтожены, либо значительно повреждены в процессе сооружения земледельческой террасы. Особенно сильно пострадали примыкавшие к основанию скалы 2—4 ряды квадратов на участке жилой площадки К—Т, где концентрировались кострища, благодаря которым именно в этих местах стратиграфия культурных напластований стоянки могла быть прослежена особенно четко. Поэтому работами 1955—56 гг. тарденуазские слои не были выделены, хотя уже тогда было отмечено существование слоя темноцветного суглинка, перекрывающего нижележащие слои с культурными остатками верхнепалеолитической эпохи²⁰. Тогда же было отмечено наличие культурных остатков в верхних горизонтальных слоях темноцветного суглинка. Однако, мы не придали этому серьезного значения, считая, что они попали сюда из разрушенных при строительстве земледельческой террасы участков культурного слоя.

Раскопки 1957 года устранили многие неясности в прежних наблюдениях. Стало очевидным, что наличие культурных остатков в верхних горизонтах второго слоя не является следствием указанных причин. В 1—3 и 6 рядах квадратов на участке Г—И обнаружены две прослойки с разнообразными культурными остатками тарденуазского возраста и остатками кострищ, относящиеся к описываемому слою (рис. 20, 21).

Одна из них представляет собой довольно тонкий (мощностью 0,05—0,1 м, местами до 0,25 м) слой темноцветного рыхлого суглинка с незначительным содержанием известняковой щебенки. В ней встречаются в большом количестве кремь и расколотые кости животных, а также древесные угольки и комочки минеральной краски — охры. Она отделена от нижележащей прослойки тонким (0,04—0,1 м) слоем мелкой известняковой дресвы желтого цвета, стерильной в археологическом отношении.

Вторая прослойка с культурными остатками по своему характеру и консистенции аналогична первой. Она залегает непосредственно на светложелтом суглинке, — верхнем горизонте геологического слоя, от которого она резко отличается по цветности и более рыхлой структуре. Толщина этой прослойки варьирует в пределах 0,05—0,12 м, достигая местами 0,2 м.

¹⁹ Здесь и в дальнейшем изложении термины «тарденуазский», «азильский», «мадленский» и другие употребляются нами для определения хронологической, а отнюдь не культурной принадлежности соответствующих комплексов.

²⁰ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 138.

Не вызывает сомнения, что описанные прослойки отвечают двум последовательным периодам обитания стоянки, отделенным некоторым промежутком времени, в продолжение которого образовался разделяющий их наплыв известняковой дресвы. Хронологический разрыв между этими периодами не мог быть особенно большим, о чем свидетельствует сходный характер этих прослоек, а также однотипность представленного в них кремневого инвентаря.

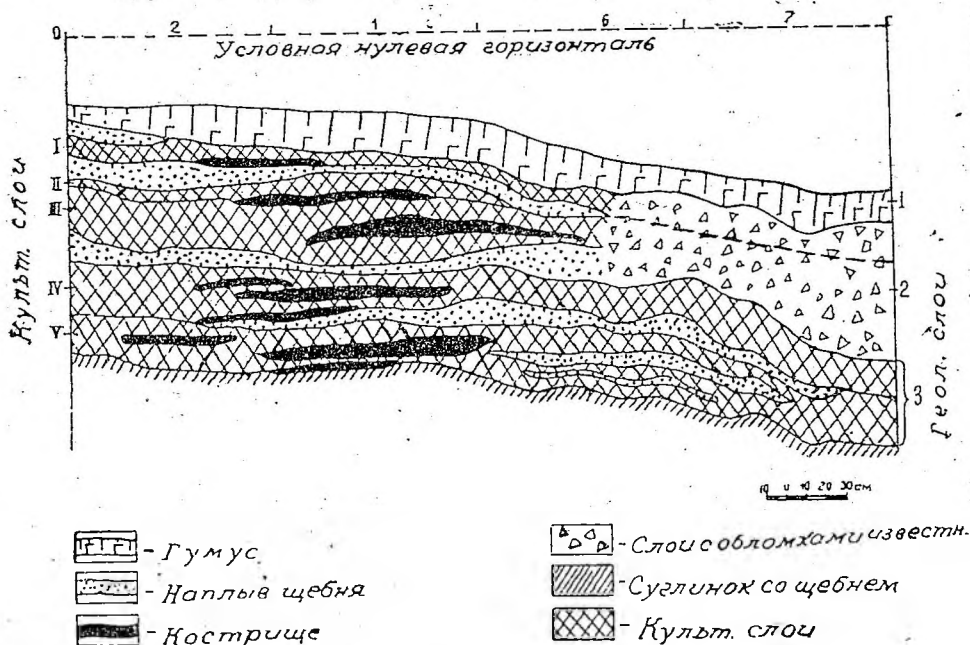

Рис. 20. Разрез по западной стенке квадратов Д.

Ниже по склону, к югу от базисной линии обе прослойки сливаются, образуя единую толщу мощностью до 0,5 м. Она представляет собой насыщенный культурными остатками верхний горизонт второго геологического слоя, границы которого четко не прослеживаются. Нижний горизонт этого слоя, обильно насыщенный обломками известняка, отделяет тарденуазские отложения от верхнепалеолитических.

Мощность тарденуазских отложений на участке Г—И, как мы видели, весьма незначительна. Далее к северо-востоку на участке жилой площадки, охватывающем отрезок базисной линии от К до Т, тарденуазские слои уничтожены вместе с почвенным слоем при сооружении

террасы (рис. 22). Судя по сохранившемуся в неповрежденном состоянии небольшому участку культурных отложений в квадратах 1Л—10 и 6Л—6М (рис. 22), их мощность возрастает в направлении к северо-восточному краю площадки. Основываясь на этом, а также учитывая полное отсутствие тарденуазских отложений на западном крае стоянки (в квадратах А—Б), можно предполагать, что центр стойбища в тарденуазскую эпоху располагался на северо-восточном крае террасы, а исследованные участки являются его периферией.

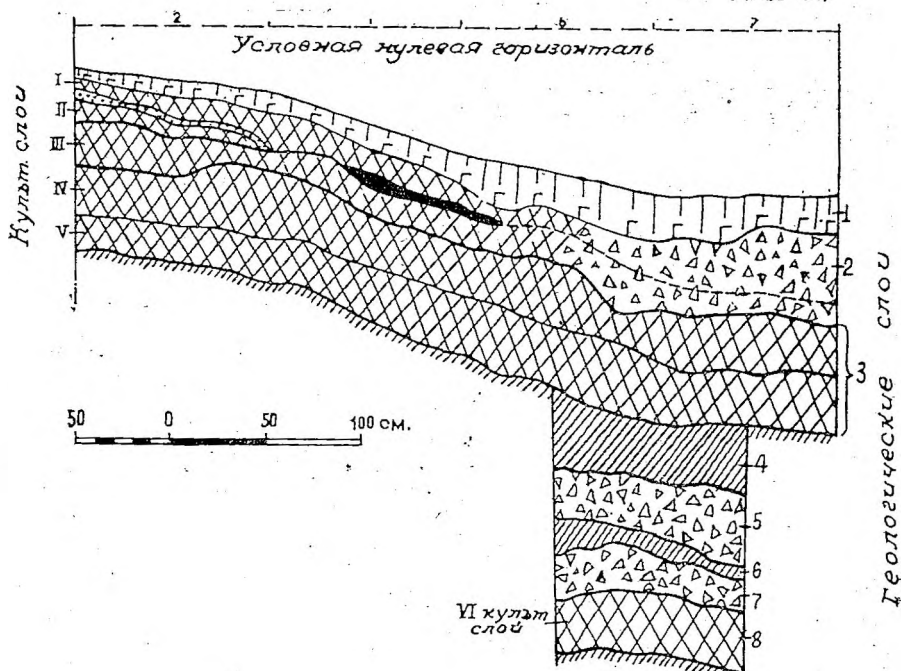

Рис. 21. Разрез по западной стенке квадратов И.

Третий геологический слой представляет собой мощную (0,8—1,2 м) толщу светло-желтого, сереющего по мере высыхания суглинка, обильно насыщенного кремневыми изделиями, костями животных, древесными угольками. На жилой площадке (в пределах 1—4 и 6 рядов квадратов) концентрируются многочисленные остатки кострищ. В пределах жилой площадки почти не встречается известняковой щебенки, появляющейся, однако, ниже по склону, в 7—13 рядах квадратов. В процессе раскопок 1955—56 гг. эта толща была охарактеризована как основной культурный слой стоянки, почти совершенно не потревоженный при сооружении террасы. Наблюдения над взаимным расположением кострищ на исследованных в 1955—56 гг. участках позволили вы-

сказать предположение о возможности расчленения всей толщи культурных напластований этого слоя не менее чем на 3 горизонта, соответствующих трем последовательным периодам обитания стоянки²¹.

Новые стратиграфические наблюдения, полученные в 1957 году подтвердили это предположение. Особенно четко стратиграфия культурных прослоек читается в западной части стоянки, в квадратах А—Е.

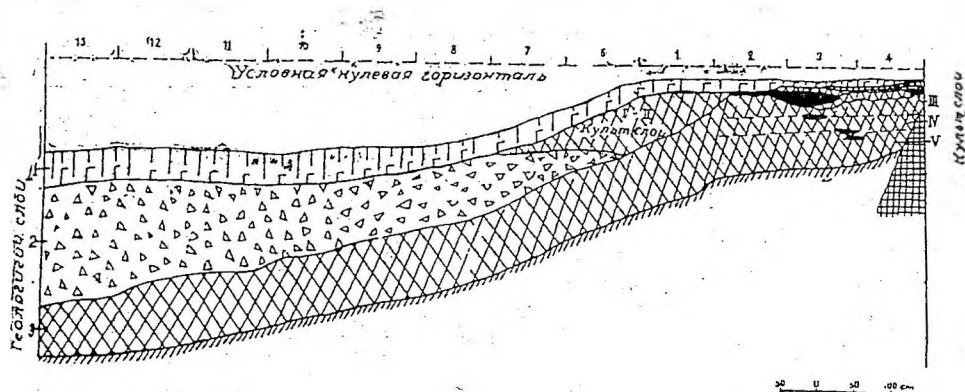

Рис. 22. Разрез по западной стенке квадратов Л.

Здесь прослежено 3 таких прослойки, разделенных тонкими (0,03—0,12 м) наплавами мелкой дресвы, лишенными культурных остатков и, очевидно, образовавшимися в периоды более или менее продолжительного отсутствия людей на стоянке (рис. 20). В центральной части исследованного участка маркирующее значение для расчленения однородной толщи суглинка имеют наблюдения над изменением цветности суглинка. Установлено, что верхние горизонты каждой из трех прослоек имеют более интенсивную окраску, образовавшуюся за счет скопления золы, мельчайших древесных угольков и комочков охры. Весьма характерно, что эти темные от золы и угольков или красноватые от охры горизонты по уровню своего простираения в основном соответствуют прослойкам известняковой дресвы. На основе этого стало возможным выделение в однородной толще напластований на жилой площадке тех же трех прослоек или горизонтов, соответствующих трем периодам обитания стоянки (рис. 21, 22).

Верхний горизонт представляет собой прослойку плотного желтоватого суглинка, несколько меняющего свой оттенок в местах, обильно насыщенных распустившимися комочками охры, или в местах соприкосновения с остатками кострищ. Он содержит разнообразные культур-

²¹ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 138—139.

ные остатки: кремневые поделки, обломки костей животных, древесные угольки. Характерной особенностью этого слоя на западном участке стоянки (в квадратах В—Е) является насыщенность его комочками минеральной краски — охры, отличающейся богатым разнообразием оттенков цвета: желтого, светло-оранжевого, карминно-красного, темно-бордового и коричневого (рис. 23). Отдельные комочки охры отличаются сравнительно крупными размерами (до 2,5 см). Наряду с ними в большом количестве здесь встречаются обломки оболочек железистых конкреций — сферосидеритов, причём, некоторые из них несут на себе следы пребывания в огне. Они являются, по-видимому, сырьем для изготовления охры красного, бордового и коричневого цвета.

Здесь же производились и операции, связанные с размельчением обожженного сырья в порошок и получением таким образом мелкотертой краски. Растирание обожженных оболочек сферосидеритов и иного сырья производилось на специальных терках. Они представляют собой удлиненные песчаниковые гальки, нередко расколотые вдоль длинной оси (рис. 35, 6, 7). В углублениях поверхности раскалывания обычно имеются следы втертой туда минеральной краски, не оставляющие сомнений в назначении этих орудий и знакомящие нас со способом приготовления тертых красок.

На этом же участке найден пест для растирания краски, изготовленный из небольшого обломка сланцевой плитки. Его широкие стороны и боковые края от длительного употребления имеют вид неправильных граней различной величины и формы. На каждой из них отчетливо видны параллельно направленные неглубокие бороздки, — следы линейного движения песта в работе (рис. 35, 1).

Как известно, изготовление минеральных красок широко практиковалось в верхнем палеолите и мезолите. В инвентаре некоторых памятников этого времени встречаются краскотерки и песты²². Однако на Кавказе, насколько об этом можно судить по опубликованным данным, они до сих пор не были известны.

В заключение характеристики описываемого горизонта следует отметить, что в южном направлении он не прослеживается далее 6 рядов квадратов, где он обрывается и как бы упирается в толщу делювиально-коллювиальных отложений второго слоя (рис. 20—22). Создается впечатление, что он в значительной мере разрушен и смыт мощным потоком переотложенных сверху обломочных материалов. Разрушения избежали только прилегающие к основанию скалы и защищенные ею участки культурного слоя.

Средний горизонт культурных напластований в толще отложений третьего геологического слоя по своей структуре, консистенции и сте-

²² А. Н. Рогачев. Александровское поселение древнекаменного века у сел. Костенки на Дону. МИА, № 45, 1955, стр. 72; 75; С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957, стр. 164—170; А. П. Черныш. Поздний палеолит среднего Приднестровья. Тр. КИЧП, XV, М., 1959, стр. 173.

пени насыщенности культурными остатками ничем существенным не отличается от вышеописанного верхнего горизонта. Мощность его варьирует в среднем в пределах 0,2—0,3 м, достигая местами 0,4 м. В слое обнаружено много остатков кострищ, нередко переслаивающих друг друга. Как и в других горизонтах, они концентрируются на узкой площадке шириною 2—4 м, примыкавшей к основанию скалы (1—3 и 6 ряды квадратов).

Весьма показательно, что и в этом горизонте почти на том же участке (в квадратах В—Е); культурный слой также изобилует разнообразными находками, связанными с изготовлением минеральной краски. Здесь найдены в большом количестве нераспустившиеся комочки (нередко — крупные) охры различных оттенков цвета, куски оболочек сферосидеритов, терки для измельчения краски. В одном из расчищенных на этом участке кострищ, расположенном в 1—2 рядах квадратов Г—Е, обнаружены участки красновато-коричневой охристой массы, образованной распавшимися в процессе прокаливания обломками оболочек сферосидеритов, и более 10 сохранившихся таких обломков, сильно прокаленных и приобретших вследствие этого рыхлую структуру. При незначительном воздействии они распадаются на небольшие комочки, которые легко поддаются растиранию. Очевидно, здесь мы имеем дело со специальным очагом, предназначенным для обжига сырья, из которого изготовлялась минеральная краска. Подобного рода кострища специального производственного назначения обнаружены и в других палеолитических памятниках на территории нашей страны²³. А в целом описанный комплекс находок, быть может, представляет собой остатки специализированной «мастерской» для изготовления охры, чрезвычайно широко употреблявшейся обитателями Чохской стоянки.

Нижний горизонт культурных напластований в третьем геологическом слое отличается теми же особенностями, что и оба вышележащих горизонта. Он представляет собой толщу плотного светло-желтого суглинка, содержащего многочисленные и разнообразные культурные остатки и почти лишенного известняковой щебенки. Мощность его достигает 0,2—0,35 м. В отличие от вышележащих горизонтов в нем часто встречаются мелкие и крупные (до 5 см) комочки минеральной краски золотисто-желтого, «охристого» цвета, тогда как в верхних преобладает краска более ярких и темных тонов: красная, бордовая и коричневая (рис. 23).

В заключение характеристики среднего и нижнего горизонтов отметим, что, как установлено в 7—13 рядах квадратов в Л—М, они сливаются и образуют однородную толщу, не поддающуюся стратиграфическому расчленению. Следуя за естественным уклоном террасы, она круто понижается в направлении от скалы к реке (рис. 22). Она обра-

²³ П. П. Ефименко. Костенки. I. М.—Л., 1958, стр. 140—141.

зована все тем же плотным светло-желтым суглинком, почти столь же значительно насыщенным кремневыми поделками и обломками костей животных. Часто встречаются в ней и отдельные древесные угольки. Однако в отличие от прилегающих к скале участков жилой площадки, *здесь совершенно отсутствуют остатки кострищ*, редко встречаются комочки минеральной краски и в то же время увеличивается количество щебенки. Отмеченные признаки, очевидно, указывают на то, что эти участки находились уже за пределами жилых площадок и являлись периферией культурного слоя.

В целом, третий геологический слой, как явствует из приведенных стратиграфических наблюдений, образован тремя горизонтами культурных напластований, соответствующими трем последовательным периодам обитания Чохской стоянки. Правомерность основанного на стратиграфических наблюдениях расчленения толщи культурных напластований подтверждается некоторыми изменениями кремневого инвентаря, о чем подробнее говорится ниже. Следует, однако, отметить, что хронологический разрыв между временем образования отдельных прослоек не был значительным.

Об этом свидетельствует прежде всего однородность слагающей их толщи суглинка, вероятно, образовавшейся, как это уже отмечалось выше, в короткий геологический период. Невелики и различия в кремневом инвентаре, происходящем из различных прослоек и характеризующем отдельные фазы развития культуры на заключительном этапе верхнего палеолита, относящемся по периодизации С. Н. Замятина ко второй половине мадлена и раннему азилю²⁴.

Нижний горизонт описанного слоя подстилается несколькими слоями плотного светло-желтого суглинка, аналогичного по своей структуре вышележащим отложениям, но отличающегося от них по консистенции. В них совершенно отсутствуют культурные остатки и значительно возрастает содержание известняковой щебенки и крупных обломков известняка. Эти слои, описанные выше под номерами 4—7, различаются между собой по количественному содержанию обломочного материала: в 4 и 6 слоях обломков известняка встречается сравнительно немного, тогда как в 5 и 7 слоях количество его значительно возрастает.

Следует отметить, что в каждом сезоне предпринимались попытки изучения этих слоев, подстилающих культурные напластования. С этой целью закладывались разведочные шурфы на каждом из исследованных участков. В 1955 г. такой шурф размерами 1 кв. м был заложен в квадратах Л1 и Л2. Он прорезал 4 и 5 слои и уперся в крупный обломок скалы, который был ошибочно принят за скальное основание террасы. В 1956 г. аналогичный шурф был заложен в квадрате М9. Он прорезал те же 4 и 5 слои и был остановлен после выявления

²⁴ С. Н. Замятин. Новые данные по палеолиту Закавказья. СЭ, 1935, № 2, стр. 118.

крупных обломков известняка. Результаты разведочного углубления на различных участках стоянки дали согласные показания о казалось бы полном отсутствии нижележащих культурных напластований.

Тем большей неожиданностью явились результаты предпринятой в 1957 году разведочной шурфовки в квадратах 36 и 37. Шурф 1957 г. полностью прорезал более чем метровую толщу лишенных культурных остатков напластований 4—7 слоев и обнаружил под ними восьмой слой, содержащий культурные остатки. Он образован все тем же плотным светло-желтым суглинком, содержащим, однако, некоторое количество известняковой щебенки и даже обломки известняка. Мощность его достигает 0,25—0,3 м. Содержание культурных остатков здесь значительно меньше, чем в вышележащих горизонтах. В нем найдено около 40 кремней, несколько обломков костей животных, отличающихся чрезвычайно плохой сохранностью, и мелкие древесные угольки. Судя по характеру найденных здесь изделий, этот слой может быть отнесен к начальному этапу верхнего палеолита, хронологически соответствующему по периодизации С. Н. Замятнина европейскому ориньяку²⁵.

В связи с тем, что разведочная шурфовка на данном участке была произведена в самом конце сезона, в период свертывания раскопочных работ, мы не имели возможности расширить шурф и исследовать выявленный в нем культурный слой на более значительной площади. Тем не менее, самый факт выявления этого слоя имеет немаловажное значение. Стала совершенно очевидной необходимость дальнейшего исследования Чохской стоянки с целью изучения, как вновь выявленного культурного слоя, так и исследования характера залегающих ниже напластований, ибо нет никаких гарантий того, что в нижележащих горизонтах не могут быть обнаружены еще более древние культурные остатки. Геологический возраст террасы, на которой располагается Чохская стоянка, не исключает возможности существования здесь еще более древнего палеолитического поселения. Во всяком случае, в настоящее время нельзя считать изучение этого интересного памятника окончательно завершенным.

Состояние изученности Чохской стоянки позволяет уже сейчас с необходимой полнотой осветить последовательные этапы развития культуры, в первую очередь — кремневой индустрии в различные периоды верхнего палеолита и мезолита. В то же время необходимо отметить, что мы не располагаем еще достаточным количеством материалов и наблюдений, чтобы охарактеризовать хозяйство, быт и общественное устройство обитателей стоянки на разных этапах ее существования.

Становится очевидной необходимость проведения дополнительных, более широких по своим масштабам исследований памятника, имеющих целью более полное, всестороннее его изучение. От новых исследований

²⁵ С. Н. Замятин. Указ. соч., стр. 118.

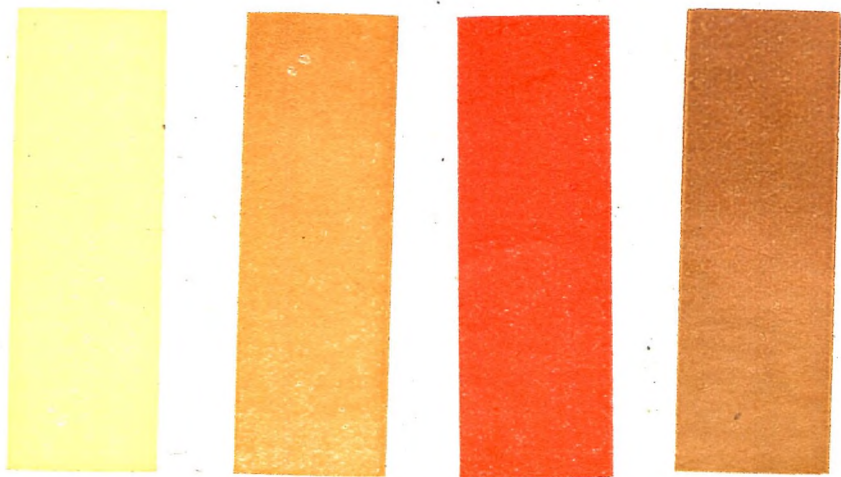

Рис. 23. Образцы минеральных красок из культурных слоев Чохской стоянки.

мы вправе ожидать не только получение дополнительных данных о культуре древнейших обитателей стоянки, но также и ответов на поставленные выше вопросы. Результатом этого может явиться монографическое исследование, специально посвященное Чохской стоянке, — одному из наиболее ярких и интересных памятников каменного века на восточной половине Кавказа.

Отмечая незавершенность исследования Чохской стоянки, мы не должны на этом основании недооценивать результаты уже проделанной работы.

В итоге изучения Чохской стоянки в 1955—57 гг. здесь выявлено 6 культурных прослоек или слоев, фиксирующих пребывание и деятельность первобытного человека в мезолите, на позднем и раннем этапах верхнего палеолита. Во 2-м геологическом слое залегают I и II культурные слои, характеризующие две близкие фазы развития культуры в позднем мезолите (гарденуазе). В 3-м слое выделены III, IV и V культурные слои, соответствующие трем последовательным фазам развития культуры на заключительном этапе верхнего палеолита. И, наконец, в 8-м геологическом слое обнаружен VI культурный слой, предварительно относимый к раннему этапу верхнего палеолита.

Таким образом, в результате проведенных работ Чохская стоянка предстает перед нами как многослойный памятник, материалы которого характеризуют последовательные фазы развития культуры в продолжение значительного исторического периода. Подобного рода многослойные памятники, в сравнительно большом количестве известные, например, в Крыму²⁶, пока еще немногочисленны на Кавказе²⁷. Тем большее значение приобретает выявление нового многослойного памятника, материалы которого не только заполняют существенный пробел в наших знаниях о верхнем палеолите и мезолите Дагестана и Северо-Восточного Кавказа в целом, но и дают возможность наметить стратиграфически обоснованную периодизацию этих культур для данной области.

б) Кремневый инвентарь

Одна из характерных особенностей культурных напластований Чохской стоянки состоит в интенсивной насыщенности их разнообразными кремневыми изделиями. Эта особенность в равной мере присуща пяти верхним культурным слоям стоянки и не характерна лишь для нижележащего VI слоя. Кремневые поделки каждого из культурных слоев отражают все стадии обработки кремня, а также содержат некоторое количество законченных орудий. Процент законченных орудий в общем

²⁶ Стоянки Сюрень I, Буран-кая, Шан-коба, Фатьма-коба, Замиль-коба, Таш-аир и многие другие многослойные памятники.

²⁷ Стоянка Сакажиа в Закавказье, Ахштырская пещера и некоторые другие памятники на Черноморском побережье Кавказа, грот Сосруко в Кабардино-Балкарии.

количестве кремня невелик. Большинство кремней представляют собой заготовки и, главным образом, отходы производства. Все это позволяет утверждать, что стоянка являлась одновременно и кремневой мастерской.

Прежде чем приступить к описанию кремневого инвентаря, остановимся вкратце на характеристике употреблявшихся обитателями стоянки материалов. Для изготовления орудий использовался кремень трех сортов.

Наиболее употребительным являлся мутно-серый полупрозрачный кремень нижнемелового возраста, отличающийся хорошим качеством. Выходы этого кремня отсутствуют в окрестностях стоянки. Ближайшие его местонахождения нам известны в окрестностях современных селений Кулпа и Цудахар Левашинского района. Часто встречаются они в Акушинском районе и, в частности, в Усишинской долине.

Часть орудий изготовлена из черного кремня сравнительно худшего качества, встречающегося в виде небольших галек в окрестностях стоянки. Наряду с ним использовался желтовато-серый метаморфический кремень, разновидность окремненного известняка, многочисленные выходы которого в виде крупных желваков и плитчатостей встречаются в слагающих плато верхнемеловых известняках.

Преобладающее большинство кремневых изделий из всех слоев Чохской стоянки покрыто налетом патины в виде слабой голубовато-белой вуали, местами несколько уплотняющейся и приобретающей вид округлых пятен. Исключение составляют кремневые поделки из VI слоя, покрытые более плотной голубовато-белой патиной, местами полностью маскирующей естественный цвет материала.

Ниже дается специальное описание кремневого инвентаря Чохской стоянки, добытого в процессе раскопок 1955—1957 гг. Характеристика инвентаря начинается с VI слоя.

VI КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Наиболее древний слой Чохской стоянки, обнаруженный пока только в разведочном шурфе, дал небольшое количество кремней. Большинство из 40 найденных здесь кремневых изделий представляют собой пластины (рис. 24, 1—3) и отщепы (рис. 24, 4—5) без вторичной обработки. Законченные изделия представлены орудием типа скребла, скребками, орудием с подтесанным концом и нуклевидным обломком.

Скребло (рис. 24, 6), изготовлено из массивного отщепа, изогнутый край которого обработан с нижней плоскости грубой крупной ретушью с заломами. Форма данного орудия и приемы вторичной обработки типичны для мустьерской техники. находка этого орудия в данном комплексе кажется несколько необычной. Однако, близкие формы ору-

дий, выполненные в той же технике, известны в памятниках раннего этапа верхнего палеолита Закавказья²⁸.

Скребки. Типичны для верхнепалеолитических комплексов и скребки, представленные в VI слое двумя экземплярами. Один из них (рис. 24, 7) представляет собой концевой скребок, изготовленный из небольшой пластинки. На противоположном конце орудия имеется резцовый скол. Для изготовления другого (рис. 24, 9) использован небольшой отщеп. Своеобразие этого экземпляра состоит в том, что ударная площадка отщепа, составляющая почти $\frac{1}{3}$ его очертаний, сильно изогнута и тщательно подтесана на нуклеус. Таким образом, и в этом случае мы наблюдаем весьма характерный прием обработки ударной площадки, типичный для техники позднего мустье²⁹.

Другие орудия менее характерны. Это острие (рис. 24, 8), представляющее собой слегка подправленный ретушью суживающийся конец пластины, обломок пластины с подтесанным с двух сторон концом (рис. 24, 11), по-видимому, представляющий собой незаконченный экземпляр орудия типа стамески и, наконец, крупный нуклеидный обломок с несколькими резцовыми сколами (рис. 24, 10). Все эти типы изделий характерны для верхнепалеолитических комплексов. Они встречаются, в частности, и в вышележащих слоях Чохской стоянки.

Таким образом, в приемах расщепления и обработки кремня, как и в формах законченных орудий из VI слоя, преобладают характерные черты верхнепалеолитической техники. Наряду с ними наблюдаются некоторые архаические приемы, по-видимому, пережиточно сохранившиеся от предшествующей эпохи.

Переживание мустьерских форм и технических приемов, наблюдаемое на двух из шести найденных в данном слое орудий, вряд ли является простой случайностью. Как известно, сочетание верхнепалеолитических технических приемов с мустьерскими является особенностью техники наиболее древней группы верхнепалеолитических памятников Закавказья³⁰ и Крыма³¹. Основываясь на этом, можно предположительно датировать VI слой Чохской стоянки ранним этапом верхнего палеолита. Уточнение предлагаемой датировки станет возможным после исследования данного слоя на большей площади.

²⁸ С. Н. Замятин. Палеолит Западного Закавказья, рис. 3, 10, 13; рис. 5, 6.

²⁹ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 217.

³⁰ С. Н. Замятин. Новые данные по палеолиту Закавказья, стр. 116; его же. Палеолит Западного Закавказья, стр. 448—462.

³¹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита. Труды II Международной конференции АИЧПЕ, V, М.—Л.—Новосибирск, 1934, стр. 148, 150; Е. А. Векилова. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий. МИА, № 59, стр. 258—272, 313, 314.

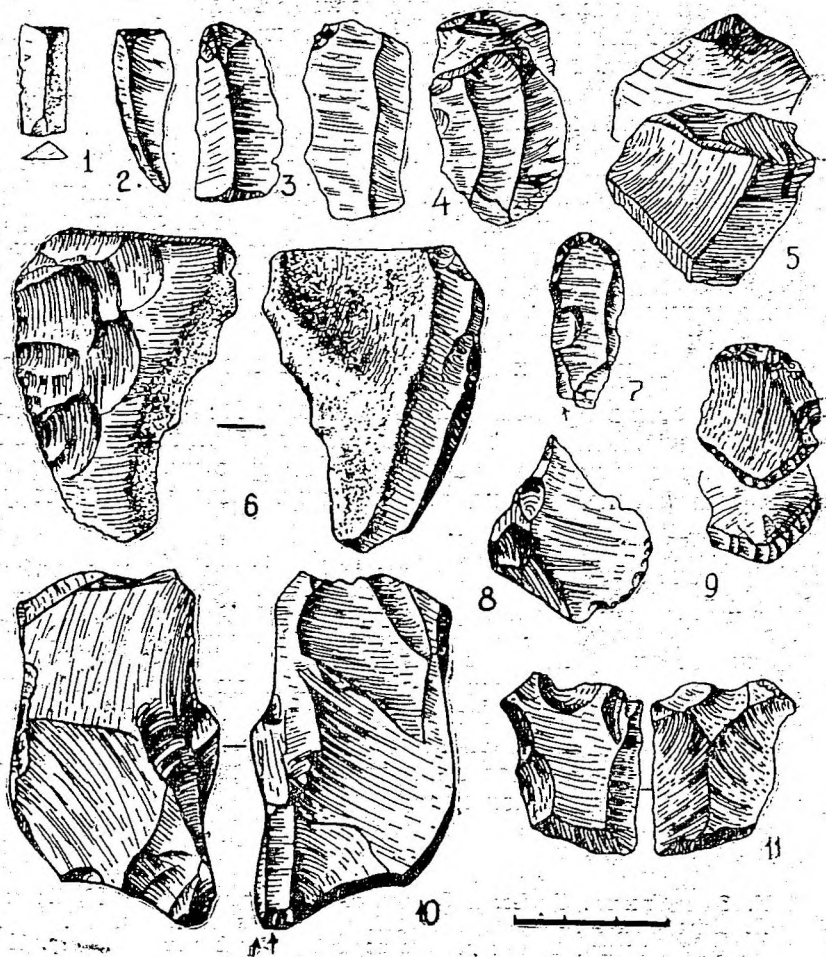

Рис. 24. Инвентарь VI культурного слоя Чохской стоянки (1—3 — пластины, 4, 5 — отщепы, 6 — скребло, 7, 9 — скребки, 8 — острие, 10 — нуклевидный обломок, 11 — пластина с подтесанным концом).

V КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

V культурный слой характеризуется значительной насыщенностью разнообразными культурными остатками, в том числе многочисленными поделками. Насыщенность ими отдельных участков исследованной площади примерно одинакова.

Среди кремневых поделок V слоя преобладают отходы производства: бесформенные обломки и осколки кремня, краевые отщепы и пластины, сохраняющие участки желвачной корки.

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что обработка кремня и изготовление орудий производились здесь же на стоянке. Преобладающее большинство орудий из V слоя изготовлено из удлиненных пластин. Помимо этого, в качестве заготовок использовались отщепы, микропластины, сработанные нуклеусы и нуклевидные обломки.

В кремневом инвентаре V слоя представлены следующие основные категории изделий (табл. 1).

Таблица 1.

Кремневый инвентарь V слоя

Наименование изделий	Количество
Нуклеусы призматические и пирамидальные	42
Нуклеусы дисковидные	7
Нуклевидные изделия	32
Нуклевидные скобели	16
Орудия с зубчатым краем	54
Рубящие орудия	58
Орудия типа стамесок	34
Резцы	
Орудия с резцовым сколом	49
На углу сломанной пластинки	27
боковые	4
серединные	5
Скребки	
концевые	52
на отщепах	71
иных типов	22
Орудия с боковой выемкой	17
Простые острия	73
Орудия с притупленным краем	
острия типа шательперрон	11

острия типа граветт	5
острия со скошенным краем	16
острия типа клинка перочинного ножа	2
Пластинки с притупленным продольным краем	12
Микропластинки	434
Микролиты	
удлиненные асимметричные треугольники	14
Сегменты	2
сечения пластин	35
Микроострия	13
Микрорезцы	20
Заготовки	
пластины	486
отщепы	374
Отходы производства	около 8000
Терки для растирания краски	3

Нуклеусы (42 экз.). Большинство нуклеусов из V слоя имеют неправильно призматическую, пирамидальную или (реже) кубовидную форму (рис. 25, 1, 2, 9). Все они отличаются сравнительно небольшими размерами, — высота их редко превышает 40—45 мм. Нет сомнения, что в древности употреблялись и более крупные нуклеусы, от которых отделялись длинные (до 50—60 мм длиной) ножевидные пластины. Однако, ни в одном из слоев стоянки такие нуклеусы пока не обнаружены, хотя встречены отделенные от них сколы «оживления» ударных площадок (рис. 25, 3, 4). Ударные площадки у преобладающего большинства экземпляров ровные, что весьма характерно для этого рода изделий из кавказских верхнепалеолитических памятников³². Скошенные площадки встречаются реже.

Встречаются и своеобразные формы ядрищ, вытянутые по сагитальной линии. Отделение пластин производилось с узкой фронтальной стороны, а иногда и с боковых сторон. Противоположная фронтальной стороне нуклеуса несколькими сколами оформлялась в виде небольшого выступа, очевидно, предназначенного для удобства удержания его в момент отделения пластин (рис. 25, 2). Эта разновидность ядрищ напоминает клиновидные нуклеусы из верхнепалеолитических памятников Европейской части СССР и Сибири³³.

Обращает внимание нуклеус неправильно кубовидной формы с тремя ударными площадками, расположенными в различных плоскостях (рис. 25, 9). Отделение пластин производилось с него в различных направлениях. Подобного рода ядрища в других верхнепалеолити-

³² С. Н. З а м я т н и н. Изучение палеолитического периода на Кавказе за 1936—1948 гг. «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. II, М.—Л., 1950, стр. 134, рис. 15, 15; его же. Палеолит Западного Закавказья, рис. 20, 17, 18; М. З. П а н и ч к и н а. Палеолит Армении, Л., 1950, рис. 27, 25.

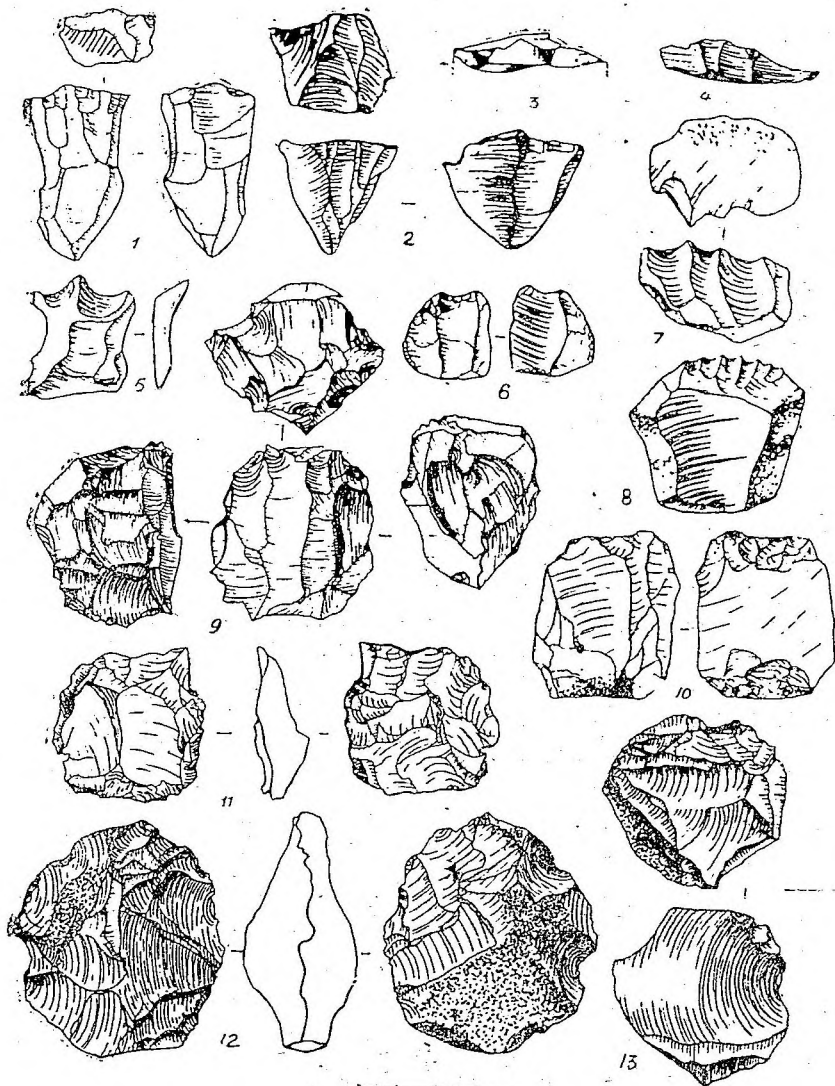

Рис. 25. Инвентарь V культурного слоя. Чохской стоянки (1, 2, 9 — нуклеусы, 3, 4 — «сколы оживления» нуклеусов, 5, 7, 8 — орудия с зубчатым краем, 6, 10 — орудия типа стамесок, 11—13 — дисковидные нуклеусы).

ческих комплексах Кавказа нам не известны. Они обнаруживают некоторое сходство с трехплощадочным нуклеусом из верхнепалеолитического слоя пещеры Мухарет-аль-Вал, относимого Д. Гаррод к среднему ориньяку³⁴.

Многие нуклеусы несут на себе следы вторичного использования. Чаще всего они употреблялись в качестве грубых скобелей. С этой целью округлый конец ударной площадки подвергался специальной обработке (рис. 26, 14).

Дисковидные нуклеусы (7 экз.). Наряду с описанными формами нуклеусов применялись также дисковидные (рис. 25, 11—13). Они представляют собой уплощенные желваки кремня диаметром 40—50 мм. Встречаются как односторонние, так и двусторонние разновидности дисковидных ядрищ. Скалывание производилось с них не только радиально, как это свойственно для мустьерской техники, а также в одном или двух параллельных направлениях. От этих ядрищ отделялись удлиненные пластины и отщепы.

Дисковидные нуклеусы относительно редко встречаются в верхнепалеолитических памятниках юга нашей страны. На Кавказе они в единичных экземплярах известны из пещеры Гварджилас-кльде³⁵, в Крыму они найдены в пещере Сюрень I³⁶. Встречаются они и в памятниках средней полосы³⁷.

Нуклевидные изделия. Большое место в инвентаре V слоя занимают нуклевидные изделия (32 экз.). Они представляют собой обломки ядрищ различной формы, неудавшиеся нуклеусы и просто нуклевидные куски со следами бессистемного скалывания. Нередко отдельные грани этих кремней подправлялись ретушью, после чего они использовались в качестве грубых скобящих орудий.

Нуклевидные скобели (16 экз.). Большой интерес представляют нуклевидные скобели (называемые также нуклевидными скребками или скребками высокой формы), — своеобразные изделия, определяющие «ориньякоподобный» характер верхнепалеолитических культур юга нашей страны. Для их изготовления использованы сработанные нуклеусы и нуклевидные куски кремня, отличающиеся массивностью и сравни-

³³ М. З. Паничкина. О двух типах верхнепалеолитических нуклеусов, стр. 57—62.

³⁴ D. Garrod and D. Bate. The stone age of mount Carmel. Oxford, 1937, р. XVIII, 13.

³⁵ С. Н. Замятин. Палеолит Западного Закавказья, I, рис. 25, 16, 17.

³⁶ Е. А. Векилова. Указ. соч., стр. 260, 272.

³⁷ См. напр. А. Н. Рогачев. Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у сел. Авдеево на р. Сейм в 1949 г. МИА, № 39, 1953, рис. 23, 4; его же. Многослойные стоянки Костенко-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине, рис. 31, 7; 37, 12; П. П. Ефименко и П. И. Борисковский. Тельманское палеолитическое поселение (раскопки 1937 г.). МИА, № 59, 1957, рис. 18, 1, 9; П. П. Ефименко. Костенки I, рис. 96, 3, 6; А. П. Черныш. Поздний палеолит среднего Приднестровья, фиг. 10, 1, 9; 34, 23, 24.

тельно крупными размерами. Полукруглые рабочие края обработаны крупной лямеллярной ретушью, сочетающейся с крутой мелкой ретушью (рис. 26, 13, 14). Отдельные экземпляры имеют два рабочих края.

Орудия с зубчатым краем представлены в данном слое 54 экземплярами. Они встречаются в вышележащих слоях, образуя своеобразную категорию инвентаря Чохской стоянки, не представленную в других кавказских памятниках.

Для изготовления этих орудий употреблялись сработанные нуклеусы и нуклевидные обломки (рис. 25, 7, 8), реже — массивные отщепы с широкими ударными площадками (рис. 25, 5). Обработке подвергался массивный край заготовки, образованный ударной площадкой и одной из сторон (у отщепов — спинкой). На этом крае последовательно наносилось несколько сравнительно глубоких выемок, разделенных необработанными участками. Последние имеют вид выступающих вперед коротких острых зубцов. Обработанный таким образом участок служил рабочим краем орудия, о чем свидетельствуют следы употребления в виде более или менее отчетливо выраженной залощенности на острых концах зубцов.

Дугообразный или прямой (в зависимости от характера заготовки) рабочий край орудий этого типа обычно имеет три таких зубца (рис. 25, 5, 7). Однако встречаются экземпляры с большим числом зубцов, причем у некоторых оно доходит до семи (рис. 25, 8).

Функциональное назначение орудий с зубчатым рабочим краем остается во многом неясным. Судя по массивности рабочего края, они предназначались для работы по относительно твердому материалу (дерево, кость). Не исключено, что они представляют собой усложненную разновидность скобелей, использовавшихся не только для скобления, но и для резания, и; быть может, даже для пиления. Однако, это предположение — весьма гипотетично. Достоверное решение вопроса об их назначении станет возможным после проведения специального изучения следов работы на орудиях этого типа.

Рубящие орудия (58 экз.). Столь же своеобразную категорию изделий образуют рубящие орудия, представленные в инвентаре всех слоев Чохской стоянки. Это относительно крупные, массивные диски округлой или овальной формы, имеющие уплощенное, реже — чечевицеобразное поперечное сечение.

Для их изготовления использовались сработанные дисковидные нуклеусы (рис. 25, 12), реже — крупные отщепы. Края заготовок по всей окружности или на отдельных участках тщательно подтесывались с обеих сторон путем отделения крупных плоских чешуек, а иногда — дополнительно подправлялись мелкой ретушью. Образованное таким способом орудие с клиновидно приостренным массивным рабочим краем, очевидно, использовалось в качестве ударного, рубящего инструмента для работы по дереву или кости.

Подобные орудия не характерны для верхнепалеолитических комплексов Кавказа. Только в инвентаре стоянки Гварджилас-кльде имеется

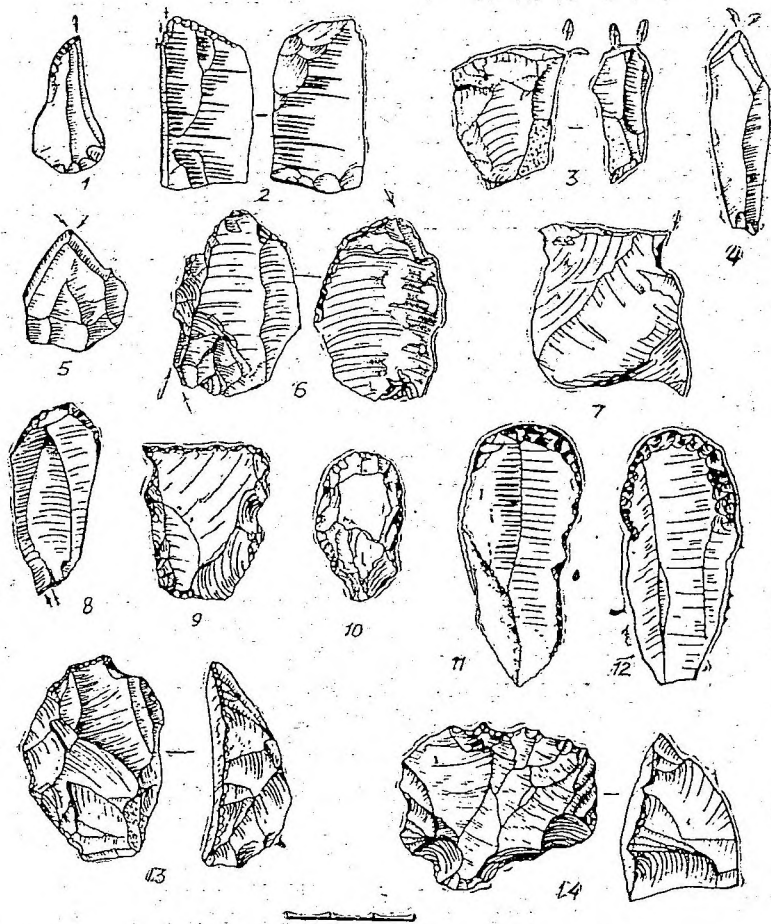

Рис. 26. Инвентарь V культурного слоя Чохской стоянки (1—7—резцы, 8— скребок-резец, 9—12 — скребки, 13—14 — скребели).

2 экземпляра таких орудий, которые, по мнению, С. Н. Замятина, могли использоваться в качестве грубых топориков³⁸.

Орудия типа стамесок (34 экз.) изготовлялись как на коротких, сравнительно небольших и тонких отщепах (рис. 25, 6), так и на удлиненных пластинах (рис. 25, 16). Короткие края заготовок обрабатывались тщательным подтесыванием, определявшим крупные плоские чешуйки. Подтесывание обычно производилось с обеих сторон, реже — только со стороны брюшка. Орудия типа стамесок, близкие *pièce écaillée* европейских палеолитических стоянок, являются характерной принадлежностью инвентаря верхнепалеолитических комплексов Кавказа³⁹.

Резцы. Резцы из Чохской стоянки не образуют устойчивых серий. В V слое среди них преобладают атипичные отщепы и пластинки, иногда — нуклеидные обломки, несущие на себе резцовые сколы (49 экз.). Значительную группу образуют однофасеточные резцы на углу сломанной пластинки и простые угловые резцы (27 экз.). Нередко встречаются боковые резцы с двумя и более сколами (рис. 26, 2, 3, 6, 8). Угловые резцы в большинстве своем изготовлены на массивных отщепах, пластинах и их сечениях, реже, — на более миниатюрных пластинах. Весьма своеобразными представляются резцы на углу ударной площадки пластины. Единичны находки срединных резцов (5 экз.). Последние изготовлялись либо из массивных пластин и их сечений (рис. 26, 4), либо из сработанных нуклеусов или нуклеидных кусков (рис. 26, 5). В V слое найдены 4 экземпляра боковых резцов с подретушированным концом (рис. 26, 1, 2).

Единичны находки полиэдрических резцов, изготовленных как из пластин, так и из нуклеидных обломков.

В целом эта категория изделий представлена здесь количественно немногочисленными и значительно менее выразительными сериями, по сравнению с другими верхнепалеолитическими памятниками Кавказа.

Скребки. В противоположность резцам скребки довольно многочисленны. Они могут быть подразделены по форме на несколько типов. Особенно многочисленны серии образуют концевые и укороченные типы скребков.

Концевые скребки (52 экз.) изготовлены на пластинах. Дугообразный рабочий край обработан крутой ретушью, иногда заходящей и на боковые края орудий (рис. 26, 11, 12). Среди скребков этого типа особый интерес представляют несколько экземпляров, сработанных до такой степени, что рабочий край лишился острой режущей грани и заполнирован до зеркального блеска. По-видимому, они предназначены для

³⁸ С. Н. Замятин. Указ. соч., стр. 496, — рис. 25, 16, 17.

³⁹ С. Н. Замятин. Изучение палеолитического периода на Кавказе, стр. 134, рис. 4, 10, 13, 14; его же. Пещерные навесы в Мгвимеви близ Чиатуры (Грузия), СА III, 1937, стр. 64; его же. Палеолит Западного Закавказья, рис. 11, 15, 16, 4—8; 25, 1—2; М. З. Паничкина. Палеолит Армении, рис. 27, 12, 18.

выполнения каких-то особых, необычных для основной массы этих орудий, операций. Возможно, что они служили заглаживателями швов на меховой одежде.

Единичны находки «ложкообразных» скребков (рис. 26, 12), аналогичных найденным в Мгвимеви ⁴⁰.

В еще большем количестве встречаются скребки укороченных форм (71 экз.), изготовленные на коротких отщепках, сохраняющих ударную площадку (рис. 26, 10). Наряду с ними встречаются двойные скребки, изготовленные из коротких сечений ножевидных пластин.

Помимо описанных типов в V слое встречаются другие разновидности скребков (22 экз.). Среди них отметим экземпляры, комбинированные с резцами (рис. 26, 8), с суживающимся и прямым (рис. 26, 9) лезвием. Последние близко напоминают аналогичные формы из пещеры Бене-кльде ⁴¹. Интересны асимметричные скребки с выступом у рабочего края, подобные орудиям из нижних горизонтов Шан-кобы ⁴².

Описанная категория орудий из V слоя характеризуется таким образом, сочетанием удлиненных и укороченных типов скребков, это весьма свойственно инвентарю памятников среднего этапа верхнего палеолита Кавказа ⁴³.

Орудия с боковой выемкой (17 экз.). Эти орудия изготовлялись на пластинах и отщепках случайной формы. Они характеризуются наличием одной или двух тщательно подретушированных неглубоких выемок, расположенных на продольных краях заготовок. Использовались в качестве выемчатых скребков.

Простые острия (73 экз.). Большую группу изделий образуют простые острия, представляющие собой ножевидные пластины или отщепы с суживающимся концом, обычно слегка подправленным ретушью (рис. 27, 11).

Орудия с притупленным краем. Немаловажный интерес представляет количественно значительная группа орудий с притупленным краем, дающая большое число вариаций. Здесь найдены острия типа шательперрон, острия типа граветт, острия со скошенным краем, острия типа клинка перочинного ножа и, наконец, пластинки с притупленным краем.

Острия типа шательперрон (11 экз.). Характерной особенностью этих орудий является наличие изогнутого края, тщательно обработанного крутой затупливающей ретушью (рис. 27, 13). Противоположный, режущий край чаще всего не обработан, однако, у некоторых экзем-

⁴⁰ С. Н. Замятнин. Пещерные навесы в Мгвимеви, стр. 65, рис. 5, 28; Н. Киладзе. Палеолитические находки в Мгвимеви. ВГМГ, XII—В, Тбилиси, 1944, рис. 2, 6—8.

⁴¹ С. Н. Замятнин. Палеолит Западного Закавказья, стр. 482, рис. 20, 9.

⁴² С. Н. Бибииков. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции в 1935 г., рис. 6 д.

⁴³ С. Н. Замятнин. Пещерные навесы Мгвимеви, стр. 64—67; его же. Палеолит Западного Закавказья, стр. 472, 479, 482.

пьяров он подправлен заостряющей ретушью, нанесенной со стороны брюшка.

Интересно отметить, что у одного из орудий этого типа на изогнутом крае оставлен небольшой выступ (рис. 27, 10). Подобное же орудие с выступом на изогнутом крае найдено в местонахождении Сага-цука (Акушинский район)⁴⁴.

Орудия с изогнутым краем, близко напоминающие острия типа шательперрон, также известны в инвентаре некоторых кавказских стоянок, относящихся к среднему этапу верхнего палеолита⁴⁵. Однако встречаются они там довольно редко. Гораздо большее распространение здесь получили орудия с прямым затупленным краем, близко напоминающие острия типа граветт. Однако в Чохской стоянке явно преобладают орудия с изогнутым краем.

Острия типа граветт (5 экз.). Изготавливались из ножевидных пластин, у которых один край тщательно выравнивался крутой затупливающей ретушью (рис. 27, 15). Противоположный край орудия не обработан.

Близки к остриям граветт миниатюрные острия «atypische Kerbspitze», имеющие небольшой выступ на притупленном крае (рис. 27, 6, 7, 9). Подобные орудья, известные на Кавказе по находкам в пещере Девис-хвтели, предназначались для выполнения тонкой резьбы⁴⁶.

Острия со скошенным краем (16 экз.). Этот тип орудия представлен в V слое двумя разновидностями, изготовленными из пластин с почти параллельным оградением. У большинства орудий этого типа края оставлены необработанными, лишь конец косо срезан крутой затупливающей ретушью (рис. 27, 14). Этот тип острия со скошенным краем считается характерным для инвентаря верхнепалеолитических памятников Закавказья⁴⁷. Единичны находки острий, у которых затупливающей ретушью обработан не только скошенный конец, но и прилегающий к нему край орудия (рис. 27, 12). Эта разновидность острий со скошенным краем нередко встречается в верхнепалеолитических стоянках Восточной Европы⁴⁸.

Острия типа клинка перочинного ножа (2 экз.). Небольшие орудья из ножевидных пластин, один край которых полностью ретуширован, а другой слегка подправлен в основании. Острия типа клинка перочинного ножа широко известны на территории нашей страны

⁴⁴ См. рис. 39, 1 в наст. работе

⁴⁵ Г. К. Ниорадзе. Палеолит Грузии. Тр. II Международной конференции АИЧПЕ. М.—Л.—Новосибирск, 1934, стр. 223, табл. II, 20; С. Н. Замятин. Палеолит Западного Закавказья, рис. 21, 13—15.

⁴⁶ Г. К. Ниорадзе. Указ. соч., 223—224, таб. II, 25, 26; С. Н. Замятин. Указ. соч., стр. 484—485.

⁴⁷ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 601.

⁴⁸ П. П. Ефименко и П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Боршево. II, МИА, № 39, 1953, стр. 91.

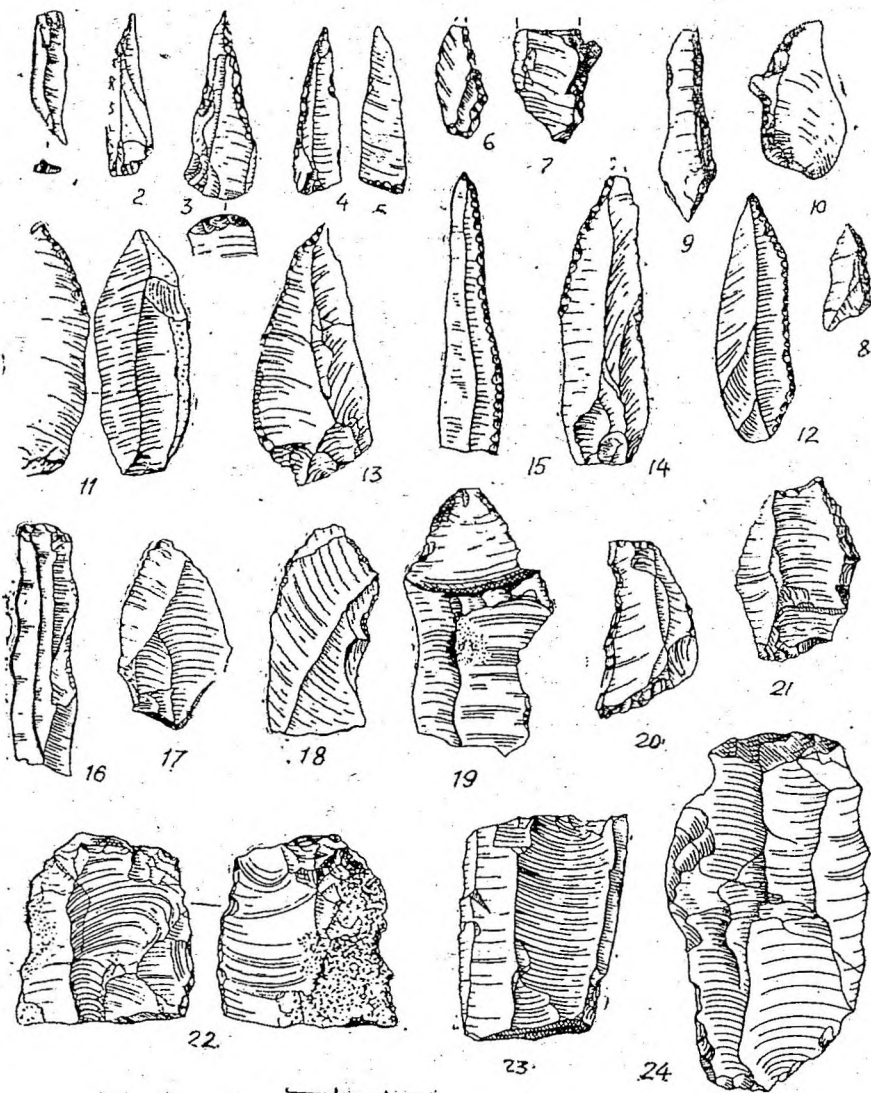

Рис. 27. Инвентарь V культурного слоя Чохской стоянки (1 — микропластинка, 2—4 — микроострия, 6, 7, 9, 10, 12—15, 20 — орудия с притупленным краем, 8 — сечение пластины, 11 — простое острие, 16, 18, 19, 22—24 — пластины, 17, 21 — отщепы)

в памятниках конца верхнего палеолита — начала мезолита⁴⁹. В Закавказье они найдены в пещере Гварджилас-кде⁵⁰.

Пластинки с притупленным краем. Встречены в V слое и ножевидные пластинки с притупленным продольным краем. На многих экземплярах ретуширован также и поперечный конец (рис. 27, 20). Этот тип орудия также весьма характерен для верхнепалеолитических памятников Закавказья⁵¹.

Микропластинки (434 экз.). Значительную серию находок составляют микропластинки, отличающиеся непараллельным ограничением и обычно суживающиеся к концу. Они имеют отчетливо выраженное ребро на спинке и изогнутое продольное сечение (рис. 27, 1). Микропластинки с параллельным ограничением, трапециевидного сечения чрезвычайно редки. В целом, эта категория находок скорее является отходами производства при изготовлении нуклеидных орудий, чем специальными заготовками для орудий.

Микролиты. В V горизонте наряду с подправленными сечениями пластин появляются единичные геометрические микролиты, имеющие форму треугольников и сегментов.

Асимметричные треугольники (14 экз.). Выработанную устойчивую форму имеют микролиты в виде удлиненного асимметричного треугольника (типа рис. 30, 3, 10). Они изготовлялись из сечений пластин, рассеченные края которых обрабатывались крутой затупливающей ретушью. Реже для этой цели использовались микропластинки с суживающимся концом.

Эта форма микролита, весьма характерна для кавказских памятников, относящихся к заключительному этапу верхнего палеолита (пещера Гварджилас-кде, Бармаксызская и Зуртакетская стоянки)⁵².

Сегменты (2 экз.). Найденные в V слое микролиты в форме сегмента изготовлены из сечений пластин. Изогнутые края орудий сохраняют естественную заостренность пластины, тогда как рассеченная по хорде прямая грань орудия образовалась крутой затупливающей ретушью⁵³.

---

⁴⁹ П. И. Борисковский. Палеолит Украины, МИА, № 40, 1953, стр. 108, 122; 128; П. П. Ефименко и П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Боршево II, стр. 91; П. И. Борисковский. Палеолитические местонахождения в Туркмении. КС ИИМК, XVIII, 1947, стр. 7.

⁵⁰ С. Н. Замятин. Указ. соч., стр. 492.

⁵¹ С. Н. Замятин. Указ. соч., стр. 472.

⁵² С. Н. Замятин. Указ. соч., рис. 23, 26—28; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, рис. 121; Л. И. Маруашвили. Зуртакетская палеолитическая стоянка в южной Грузии и ее геологическое значение. «Природа», 1946, № 12; Д. М. Гушабрамишвили. Палеолитические остатки в пещере «Гварджилас-кде» (Западная Грузия). Автореферат диссертации, Тбилиси, 1955, стр. 13—14; А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, рис. 14.

⁵³ В. Г. Котович. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане, рис. 5, 23.

Сечения пластин (35 экз.). Интересны находки сечений пластин, у которых один из рассеченных краев обработан затупливающей ретушью. Образованные таким образом орудья не имеют устойчивой формы, а дают различные вариации, близкие к треугольной (рис. 27, 8).

Микроострия (13 экз.). Характерную группу микролитических изделий образуют микроострия. Большая часть орудий этого типа изготовлена из сечений пластин. Для этой цели использовались заготовки, несколько напоминающие по форме вытянутый равнобедренный треугольник. Рассеченная грань обрабатывалась крутой затупливающей ретушью, а основание — нередко приострялось. Образованное таким образом орудие имеет чрезвычайно острое вытянутое жальце (рис. 27, 3). В некоторых случаях острие подправлялось с необработанной стороны миниатюрным резцовым сколом.

Некоторые микроострия изготовлялись на микропластинках путем скашивания крутой затупливающей ретушью одного края (рис. 27, 2, 4). Они как бы повторяют в миниатюре вышеописанные острия со скошенным краем. Жальце у микроострий этого типа также очень острое и сильно вытянутое.

Подобного рода микроострия образуют весьма характерные серии орудий в ряде верхнепалеолитических памятников Закавказья⁵⁴. За пределами Кавказа они не встречаются.

Микрорезцы (20 экз.). Они являются отходами производства, получаемыми при изготовлении геометрических микролитов⁵⁵. Каждый из них представляет собой обломок пластинки, на конце которой со стороны спинки крутой затупливающей ретушью сделана небольшая выемка. Со стороны брюшка имеется плоский резцовый скол, направленный под углом к его длинной оси (см. рис. 32, 15).

Заготовки. В заключение обзора кремневого инвентаря V слоя Чохской стоянки остановимся на характеристике заготовок, шедших на изготовление орудий.

Пластинки (486 экз.). Основным типом заготовок являлись ножевидные пластины, отделенные от призматических или пирамидальных нуклеусов. Среди пластин из V слоя преобладают крупные экземпляры, ширина которых варьирует в пределах 15—20 см; иногда встречаются и еще более широкие пластины. Они имеют двух или трехгранное сечение, изогнутый профиль (рис. 27, 16, 18, 19, 22—24). Некоторые экземпляры сохраняют черты мустьерской техники, что проявляется в наличии крупного ударного бугорка и довольно широкой ударной площадки (рис. 27, 22—24).

Многие пластины несут на себе следы употребления в виде залощенности, выщербинок и изъязнений на продольных краях, у отдельных экземпляров края подретушированы (рис. 27, 20).

⁵⁴ Г. К. Ниорадзе. Указ. соч., табл. III, 64—66; С. Н. Замятин. Указ. соч., рис. 12, 10—12. рис 20, 15.

⁵⁵ С. Н. Замятин. Указ. соч., стр. 492.

Единичны находки микропластинок невыработанной формы, изогнутого профиля (рис. 27, 1).

Отщепы (374 экз.). Другой разновидностью заготовок являются отщепы представленные в несколько меньшем количестве, чем ножевидные пластины (рис. 27, 17, 21). Среди них также попадаются экземпляры, использовавшиеся в работе без специальной подправки.

IV КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Подобно другим культурным напластованиям Чохской стоянки, IV слой равномерно насыщен большим количеством разнообразных кремневых изделий, огромное большинство которых составляют отходы производства. Помимо этого, в данном слое обнаружено немало законченных орудий и их обломков, различного типа заготовок для них и нуклеусов. Распределение этих кремневых изделий дается в таблице II.

Таблица II.

Кремневый инвентарь IV слоя

Наименование изделий	Количество
Нуклеусы призматические и пирамидальные	47
Нуклеусы дисковидные	8
Нуклевидные изделия	24
Нуклевидные скобели	9
Орудия с зубчатым краем	45
Рубящие орудия	31
Орудия типа стамесок	49
Резцы	
орудия с резцовым сколом	41
на углу сломанной пластинки	21
боковые	2
срединные	2
Скрепки	
концевые	38
на отщепах	133
иных типов	19
Орудия с боковой выемкой	27
Простые острия	54
Орудия с притупленным краем	
острия типа шательперрон	13

острия типа граветт	5
острия со скошенным краем	13
острия типа клинка перочинного ножа	3
пластинки с притупленным продольным краем	18
Микропластинки	637
Микролиты	
удлиненные асимметричные треугольники	27
сегменты	9
равнобедренные треугольники	21
трапеции	11
сечения пластин	28
Микроострия	27
Микрорезцы	24
Заготовки	
пластины	547
отщепы	413
Отходы производства	более 12500
Терки для краски	8

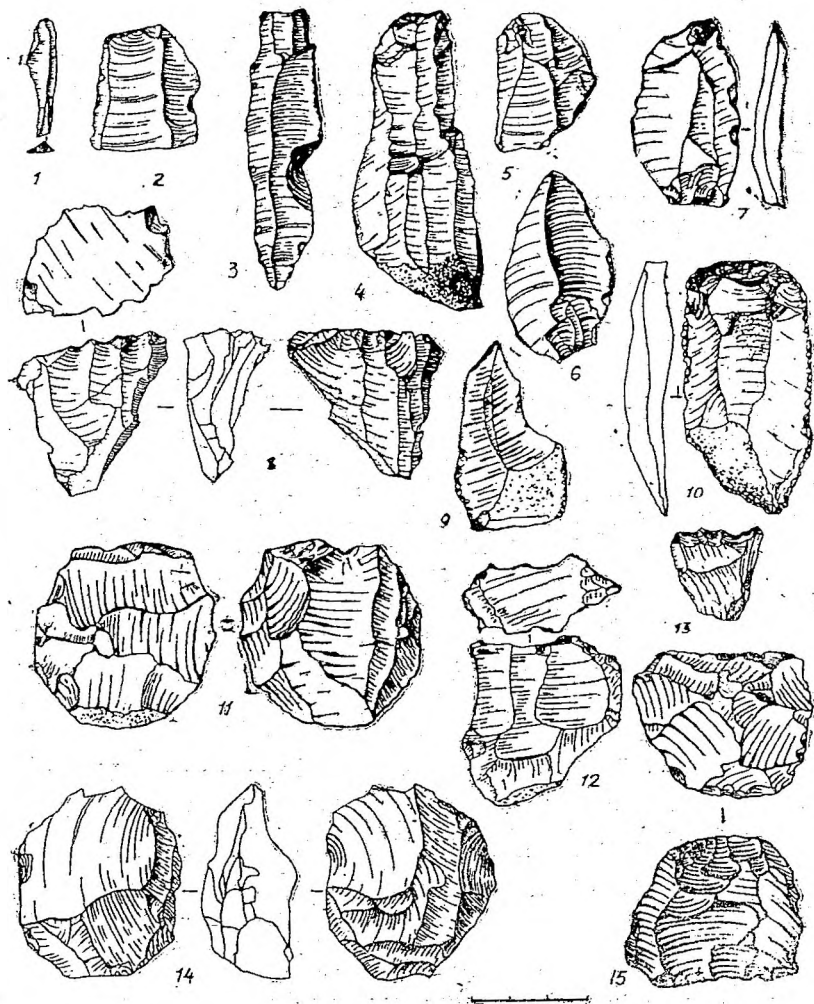
Нуклеусы (47 экз.). В IV слое представлены в основном те же разновидности нуклеусов, что и в V-слое. Здесь по-прежнему широко встречаются ядрища неправильной призматической и пирамидальной формы (рис. 28, 8). Редко попадаются экземпляры клиновидных и кубовидных нуклеусов (рис. 28, 12). Для преобладающего большинства описываемых изделий характерны ровные ударные площадки, тогда как скошенные встречаются реже.

Дисковидные нуклеусы. Эта разновидность ядрищ, справедливо рассматриваемая специалистами как пережиток мустьерских технических традиций, в довольно большом количестве (8 экз.) встречена в IV слое (рис. 28, 11, 14, 15). Столь длительное бытование дисковидной формы ядрищ является, по-видимому, своеобразием верхнепалеолитической культуры Северо-Восточного Кавказа. По крайней мере в других кавказских памятниках этой эпохи дисковидные ядрища почти совершенно не представлены. Как уже отмечалось, исключение составляет пещера Гварджилас-кде, где найдено 2 дисковидных нуклеуса, использовавшихся в качестве грубых топориков⁵⁶. В верхнем палеолите Крыма они встречаются в сравнительно небольшом количестве на ранних этапах (нижний и средний слои пещеры Сюрень I)⁵⁷.

⁵⁶ С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 496.

⁵⁷ Е. А. Векилов а. Указ. соч., стр. 260, 272.

В свете этих данных мы можем с достаточным основанием рассматривать пережиточное бытование дисковидных ядрищ в слоях Чохской стоянки, относящихся к позднему этапу верхнего палеолита, как элемент своеобразия культуры этой области Кавказа.

Фиг. 28. Инвентарь IV культурного слоя Чохской стоянки (1 — микропластина, 2—4 — пластины, 5, 7 — отщепы, 9 — простое острие, 8, 12 — нуклеусы, 13 — орудие с зубчатым краем, 11, 15 — рубящие орудия, 14 — дисковидное ядрище).

Нуклевидные изделия (24 экз.). Подобно аналогичным находкам из V слоя отличаются неустойчивой формой, массивностью. Количество их несколько сокращается, что является одной из характерных особенностей развития культуры на заключительном этапе верхнего палеолита.

Нуклевидные скобели (9 экз.). В IV слое значительно уменьшается количество нуклевидных скобелей. Они представлены здесь преимущественно экземплярами с одним рабочим краем (рис. 29, 12, 13).

Орудия с зубчатым краем (45 экз.). По-прежнему в большом количестве встречаются орудия с зубчатым краем. Для их изготовления использовались, как это отмечалось выше, нуклевидные заготовки и отщепы с широкой ударной площадкой. В IV слое сокращается количество орудий этого типа, изготовленных из нуклевидных заготовок, за счет преимущественного использования для этих целей пластин и отщепов (рис. 28, 13).

Рубящие орудия (31 экз.). Изготовленные из сработанных дисковидных нуклеусов и массивных крупных отщепов эти орудия являются характерной принадлежностью инвентаря IV слоя (рис. 28, 11, 15). В столь значительном количестве эти орудия не встречаются в других верхнепалеолитических памятниках Кавказа и Крыма. Это позволяет рассматривать их, наряду с дисковидными нуклеусами и орудиями с зубчатым краем, как специфический для Северо-Восточного Кавказа тип кремневых изделий. По своей форме, приемам обработки и, очевидно, назначению они могут быть сближены с рубящими орудиями из верхнепалеолитических памятников Центральной России, например, из стоянки Костенки I, где они представлены в значительном количестве⁵⁸.

Орудия типа стамесок представлены в IV слое в большом количестве (49 экз.). Для их изготовления использовались как короткие отщепы, так и удлиненные пластины. В описываемом слое количество последних несколько возрастает.

Интересна находка орудия этого типа ромбовидной формы, у которого обработаны не короткие (как это бывает обычно), а длинные края (рис. 30, 19).

Резцы из IV слоя невыразительны. Среди них, как и в V слое, преобладают отщепы, пластины и нуклевидные куски случайных очертаний с одним-двумя разцовыми склами (41 экз.). Большую серию (21 экз.) образуют простые угловые резцы и резцы на углу сломанной пластинки (рис. 29, 1, 3—7). Выработанные формы резцов немногочисленны. Это 2 экземпляра боковых резцов с поперечно-ретушированным краем (рис. 29, 2) и столько же резцов срединного типа.

Скребки. В IV слое встречены те же типы скребков, что и в V слое. Однако количественное соотношение их значительно изменяется. Немного сокращается количество концевых скребков, которых найдено

⁵⁸ П. П. Ефименко. — Костенки I; стр. 280—283.

здесь 38 экземпляров. Преобладающее распространение получают укороченные формы описываемых орудий, изготовленные на коротких и сравнительно широких отщепах, сохраняющих ударный бугорок и ударную площадку (рис. 29, 8—10). Несколько шире практикуется изготовление двусторонних скребков из сечений пластин. Среди последних встречаются экземпляры, с тщательно обработанными рабочими краями и боковыми лезвиями. Однако у многих двойных скребков обработке подвергались только рассеченные грани заготовок, на которых грубо формировался округлый или прямой край орудия.

Единичными экземплярами представлены в IV слое скребки с прямым, суживающимся и вогнутым лезвием, комбинированные с резами. Представляет интерес своеобразное орудие, в котором скребок скомбинирован с тщательно отделанным на противоположном конце острием. Боковые края орудия также подретушированы (рис. 29, 11).

Орудия с боковой выемкой (27 экз.) изготовлены на пластинах и отщепах случайных очертаний. Устойчивые формы отсутствуют. На продольных краях заготовок тщательно оформлялись одна — две неглубоких выемки, расположенные на одной стороне орудия или по обеим его сторонам.

Простые острия в виде отщепов и пластин с подретушированным суживающимся краем найдены в IV слое в значительном количестве (40 экз.). Следует отметить, что наряду с ними для этой цели употреблялись и необработанные пластины и отщепы, имевшие естественно заостренные вытянутые концы, на которых обычно бывают заметны следы работы в виде слабой залощенности (рис. 28, 9).

Орудия с притупленным краем представлены в IV слое теми же разновидностями, что и в V слое. Здесь найдены острия типа шательперрон и граветт, со скошенным краем и типа клинка перочинного ножа, много пластинок с притупленным продольным краем.

Среди довольно многочисленных в этом слое острий типа шательперрон (13 экз.) обращает внимание один экземпляр, отличающийся чрезвычайно крупными размерами и тщательной отделкой. Со стороны изогнутого края и ударной площадки он обработан крутой затупливающей ретушью. Ударный бугорок уничтожен сильным ударом, оставившим крупную глубокую фасетку. Столь же тщательно обработано лезвие орудия, приостренное мелкой ретушью, нанесенной со стороны брюшка. В этом же слое найден обломок другого столь же крупного острия типа шательперрон (рис. 30, 21, 22).

Как уже отмечалось, острия типа шательперрон не получили широкого распространения в инвентаре кавказских верхнепалеолитических стоянок. Чаше чем на Кавказе встречаются они в верхнепалеолитических памятниках Крыма и Юго-Восточной Европы. Однако и здесь, насколько можно судить по опубликованным материалам, до сих пор не было известно подобных орудий, отличающихся столь же крупными размерами и тщательностью отделки.

Характерную группу орудий с притупленным краем составляют **острия типа граветт**, представленные здесь, в небольшом количестве (5 экз.). Некоторые из них имеют форму вытянутого удлиненно-асимметричного треугольника, короткие грани которого обработаны крутой затупливающей ретушью, а длинная — либо сохраняет естественную приростенность пластины, либо дополнительно подправлена мелкой заостряющей ретушью, нанесенной со стороны брюшка (рис. 30, 13). Эта разновидность острий с ровным притупленным краем напоми-

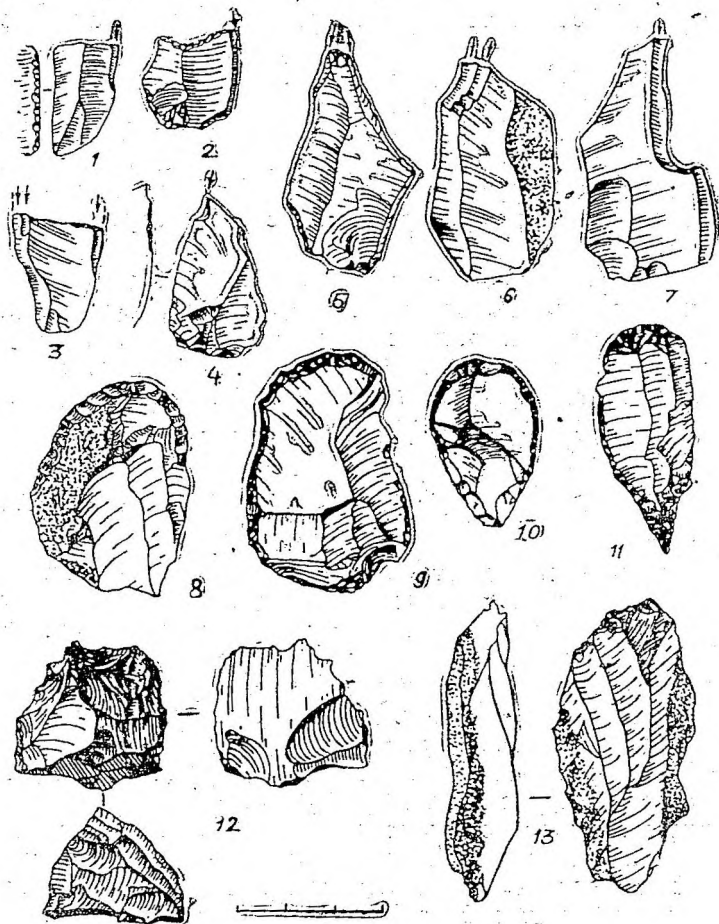

Рис. 29. Инвентарь IV культурного слоя Чохской стоянки (1—7—резцы, 8—10—скребки, 11 — скребок — проколка, 12, 13 — скобели).

нает своей формой и приемами отделки микролитические вкладыши в виде удлиненного асимметричного треугольника. Сравнивая их, нетрудно убедиться, что последние являются более мелкой, но довольно точной копией первых. Очевидно, форма этих микролитов повторяет привычную форму ранее употреблявшихся острий.

Среди острий типа гравет из IV слоя имеется один весьма крупный экземпляр, отличающийся тщательной обработкой одного края крутой затупливающей ретушью. Небольшой участок приостряющей ретуши имеется в основании противоположного края (рис. 30, 17). Прием легкой подправки основания режущего края характерен для острий типа клинка перочинного ножа⁵⁹. Как видно он применялся для оформления и других разновидностей орудий с притупленным краем.

Острия со скошенным краем представлены 13 экземплярами. У большинства из них затупливающей ретушью подправлен только скошенный конец, тогда как верхний край пластинки не обработан (рис. 30, 18). Лишь у одного орудия полностью ретуширован и верхний край и скошенный конец (рис. 30, 10).

Острия типа клинка перочинного ножа (3 экз.), равно как и пластинки с притупленным краем (18 экз.) представлены в IV слое типичными образцами (рис. 30, 13—15).

Микропластинки из IV слоя образуют значительную серию находок (637 экз.). Небезынтересно отметить, что среди основной массы этих изделий, по-прежнему отличающихся неправильностью формы (рис. 28, 1), возрастает количество экземпляров правильных очертаний, параллельно огранных, уплощенно-трапецевидного сечения. Некоторые из них подправлены мелкой приостряющей ретушью, тщательно нанесенной со стороны брюшка.

Микролиты IV слоя значительно возрастают в количественном отношении, появляются и новые формы микролитов.

Асимметричные треугольники (27 экз.) — основная форма микролитических изделий Чохской стоянки. Большинство их изготовлено из сечений пластин. Короткие грани этих орудий обработаны крутой затупливающей ретушью (рис. 30, 24). Наряду с ними встречаются экземпляры, изготовленные из микропластин. У этих микролитов, как правило, бывает обработан ретушью лишь острый конец и самая короткая грань орудьяца.

Сегменты с затупленным изогнутым краем представляют собой новую разновидность микролитов. В IV слое их найдено 9 экземпляров. Они также изготовлены из сечений пластин, обработанных по рассеченной изогнутой стороне крутой затупливающей ретушью. Ровный край микролита сохраняет естественную заостренность пластинки (рис. 30, 11, 12). Встречаются также экземпляры, у которых обработаны лишь боковые края дуги, а ее верхняя часть не имеет ретуши. У отдельных

⁵⁹ С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 492.

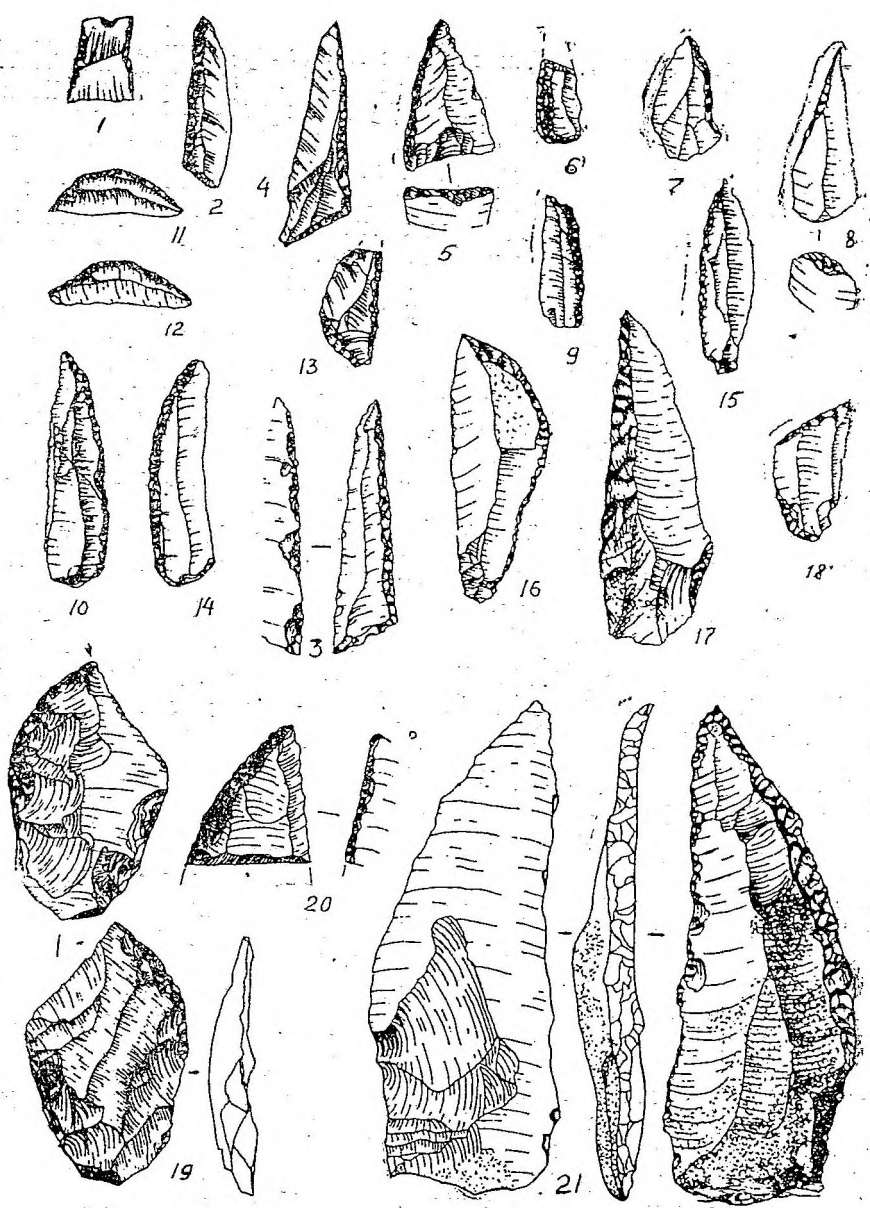

Рис. 30. Инвентарь IV культурного слоя Чохской стоянки (1, 2, 4—6, 11, 12—геометрические микролиты, 3, 10, 13—18, 20, 21—орудия с притупленным краем, 19—орудие типа стамески).

экземпляров наблюдается на одном из концов миниатюрный резцовый скол.

Сегментовидные микролиты, появляющиеся на Кавказе и в Крыму на заключительном этапе верхнего палеолита⁶⁰, получают особенно широкое распространение в раннем мезолите⁶¹.

Равнобедренные треугольники (21 экз.). Новой разновидностью микролитических изделий, появившихся в IV слое, являются микролиты в форме равнобедренного треугольника (рис. 30, 5). Они изготовлены из небольших сечений - ножевидных пластин. Одна длинная сторона орудья сохраняет естественную приостренность пластины, тогда как другая, — рассеченная, тщательно обработана затупливающей ретушью. Более узкое основание, также образованное рассеченной гранью, обработано либо затупливающей, либо приостряющей ретушью. Этот тип микролита, по-видимому, представляет собой дальнейшее развитие описанных выше микроострий. Назначение этих микролитов могло быть уже иным. В частности, экземпляры с приостренным основанием, могли употребляться в качестве наконечников стрел.

Трапеции (11 экз.). Эта форма микролитов также впервые появляется в IV слое Чохской стоянки. Для их изготовления использовались короткие сечения пластин. При этом, основания трапеций сохраняли естественную заостренность краев пластины, а рассеченные грани обрабатывались крутой затупливающей ретушью, придававшей им слегка вогнутые очертания (рис. 30, 1).

Как известно, микролиты в форме трапеций совершенно не свойственны поздним верхнепалеолитическим комплексам Кавказа. Отсутствуют они и в мезолитических слоях грота Сосруко. В Крыму эта форма микролитов появляется в конце верхнего палеолита и бытует на всем протяжении мезолитической эпохи⁶². Известны находки трапециевидных орудий и в инвентаре верхнепалеолитических стоянок Русской равнины⁶³. Стало быть, трапециевидная форма орудий является сама по себе весьма древней.

Однако, в отличие от других, встречающихся в Чохской стоянке микролитов в форме асимметричного и равнобедренного треугольников,

⁶⁰ С. Н. Замятин. Указ. соч., рис. 23, 14, 16, 20; Е. А. Векилова. Указ. соч., рис. 24, 1, 2, 3, 7, 8; О. Н. Бадер. Некоторые памятники палеолита и мезолита восточной части горного Крыма. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, рис. 3, 6, 7.

⁶¹ С. Н. Замятин и П. Г. Аркритас. Раскопки грота Сосруко в 1955 г. Ученые записки Каб. — Балк. НИИ, т. XIII, Нальчик, 1957, рис. 10, 1—6; С. Н. Бибилов. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции в 1935 г., рис. 5; Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Замиль — коба № 1, Тр. ГИМ, вып. VIII, М., 1938, табл. III, 1—8.

⁶² Е. А. Векилова. Указ. соч., стр. 281; С. Н. Бибилов. Указ. соч., рис. 5; Д. А. Крайнов. Указ. соч., табл. III, 14; А. А. Формозов. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. СА, XXI, 1954, стр. 40.

⁶³ А. Н. Рогачев. О нижнем слое культурных остатков Тельманской стоянки в Костенках. КС ИМЖ, XXXVI, 1951, рис. 7, 10.

типологически связанных с более древними формами орудий, эволюционную связь трапециевидных вкладышей пока нельзя считать установленной. А в самом факте наличия трапеций в кремневом инвентаре Чохской стоянки, вероятно, следует усматривать еще один элемент своеобразия представленной здесь культуры.

Большую серию находок (28 экз.) образуют сечения пластин и микропластинок, у которых рассеченный край затуплен крутой ретушью. Формы их близки к треугольным (рис. 30, 7).

Микроострия представлены в IV слое 27 экземплярами, изготовленными как из сечений пластин, так и из микропластин (рис. 30, 8).

Микрорезцы. В IV слое обнаружено 24 экземпляра этих изделий, являющихся, как отмечалось, отходами при производстве микролитов.

Заготовки. В качестве заготовок употреблялись пластины (547 экз.) и отщепы (413 экз.), характеризующиеся теми же особенностями, что и заготовки из V слоя (рис. 28, 2—7, 10). Следует отметить, что в IV слое сокращается число пластин шириной 20—25 мм и почти совершенно исчезают массивные, крупные (шириной 25—30 мм и более) пластины, встречавшиеся в V слое и имевшие весьма архаический облик.

III КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

По степени насыщенности разнообразными культурными остатками и равномерности их распределения III культурный слой ничем существенным не отличается от V и IV слоев Чохской стоянки.

Коллекция кремневых изделий III слоя состоит из многочисленных орудий труда и их обломков, различных заготовок, нуклеусов и огромного количества отходов и отбросов производства. В целом комплекс найденных здесь кремневых поделок характеризует различные стадии производственного процесса, связанного с первичной обработкой кремня и изготовлением орудий труда. Следовательно, и в период образования III слоя все эти процессы по-прежнему производились непосредственно на стоянке, которая, как и в предшествующие периоды, являлась не только убежищем для ее обитателей, но также и своеобразной кремневой мастерской.

Кремневые изделия III слоя распределяются следующим образом по различным категориям (табл. III).

Таблица III.

Кремневый инвентарь III слоя

Наименование изделий	Количество
Нуклеусы призматические и пирамидальные	29
Нуклевидные изделия	9
Нуклевидные скобели	3
Орудия с зубчатым краем	23
Рубящие орудия	15

Орудия типа стамесок	18
Резцы:	
Орудия с резцовым сколом	23
на углу сломанной пластинки	11
срединные	2
Скребки:	
концевые	9
на отщепах	32
иных типов	2
Орудия с боковой выемкой	21
Простые острия	40
Орудия с притупленным краем:	
острия типа шательперрон	5
острия типа граветт	1
острия со скошенным краем	3
острия типа клинка перочинного ножа	2
пластинки с притупленным продольным краем	14
Микропластинки	229
Микролиты	
удлиненные асимметричные треугольники	26
сегменты	8
равнобедренные треугольники	20
трапеции	22
Микроострия	4
Микрорезцы	12
Заготовки	
пластины	147
отщепы	120
Отходы производства	более 3000
Терки для краски	7
Пест для растирания краски	1

Нуклеусы (29 экз.). В III слое представлены несколько разновидностей нуклеусов. Это, прежде всего, ядрища неправильно призматической и пирамидальной формы, знакомые по находкам в нижележащих слоях. Однако в III слое совершенно отсутствуют кубовидные нуклеусы, единичны экземпляры клиновидной формы.

Появляются новые типы небольших нуклеусов, предназначенных для скальвания правильных микропластин. Они имеют еще неправильную форму, весьма отдаленно напоминающую призму или пирамиду (рис. 31, 2, 4, 5, 7). Отделение пластин производилось с одной или трех сторон этих ядрищ, однако, встречаются экземпляры со следами скальвания пластин по всей окружности.

Появление этих нуклеусов, очевидно, знаменует собой значительный шаг в развитии микролитической индустрии, обеспечивший массовое производство и использование микропластин правильной формы.

Нуклевидные изделия (9 экз.). Развитие микролитической техники, очевидно, повлекло за собой сокращение производства и использования массивных нуклевидных орудий, в значительной мере определявших своеобразие облика кремневого инвентаря V и IV слоев. В III слое количество нуклевидных изделий резко сокращается.

с зубчатым краем, найденных в III слое, изготовлено из пластин и отщепов, тогда как в V и IV слоях основным видом заготовок для них служили нуклевидные формы.

Рубящие орудия (15 экз.). Несколько сокращается по сравнению с предыдущими слоями количество рубящих орудий. Для их изготовления по-прежнему использовались сработанные дисковидные нуклеусы и массивные крупные отщепы (рис. 31, 3, 6, 8).

Орудия типа стамесок не претерпевают в III слое сколько-нибудь заметных изменений. Всего здесь найдено 18 орудий этого типа, изготовленных как на отщепах, так и на пластинах.

Резцы по-прежнему мало выразительны. В III слое найдено 23 отщепа и пластины случайной формы с резцовыми сколами, 11 резцов на углу сломанной пластинки (рис. 32, 16) и 2 экземпляра резцов среднего типа.

Скребки претерпевают в этот период некоторую эволюцию. Среди наиболее распространенных в III слое коротких скребков (32 экз.), изготовленных на отщепах, встречаются и такие экземпляры, которые отличаются небольшими размерами и округлой формой (рис. 32, 20, 21). Кроме того, в этом слое встречено 9 концевых скребков и 2 асимметричных.

Орудия с боковой выемкой (21 экз.) характеризуются теми же особенностями, что и орудия этого типа из V и IV слоев.

Простые острия (40 экз.). То же самое следует сказать и об остриях, изготовленных на суживающихся концах пластин и отщепов. Найденные в III слое простые острия ничем не отличаются от ранее описанных орудий этого типа (рис. 32, 22).

Орудия с притупленным краем также значительно сокращаются в количественном отношении, хотя номенклатура не изменилась. Здесь найдены 5 экземпляров острий типа шательперрон (рис. 32, 17), 2 острия типа граветт, три острия со скошенным краем, 2 острия типа клинка перочинного ножа и 14 пластиночек с притупленным краем. Весьма характерно, что среди последних имеется 5 экземпляров, изготовленных из микропластинок правильной формы с параллельным ограничением (рис. 32, 5).

Микропластинки (229 экз.) в III слое резко возрастает число микропластинок правильной формы с параллельным ограничением краев (рис. 32, 1—5). Многие из них приострены мелкой ретушью, однако, в большинстве случаев они употреблялись без дополнительной подправки.

Микролиты. В III слое представлены те же формы микролитов, среди которых преобладают асимметричные треугольники (26 экз.). В большом числе встречены также микролиты в форме равнобедренного треугольника (20 экз.) и трапеции (22 экз.); немногочисленны находки сегментов (8 экз.).

Касаясь формы микролитов из III слоя, можно отметить некоторое уменьшение размеров асимметричных треугольников (рис. 32, 13, 14).

Нуклеидные скобели (3 экз.). Аналогичная тенденция наблюдается и на примере этого типа нуклеидных орудий, представленных в III слое лишь тремя уплощенными образцами, каждый из которых имеет один рабочий край.

Орудия с зубчатым краем (23 экз.). Менее заметно этот процесс отразился на данной категории орудий, среди которых 11 экземпляров изготовлено из нуклеидных заготовок. И все же большинство орудий

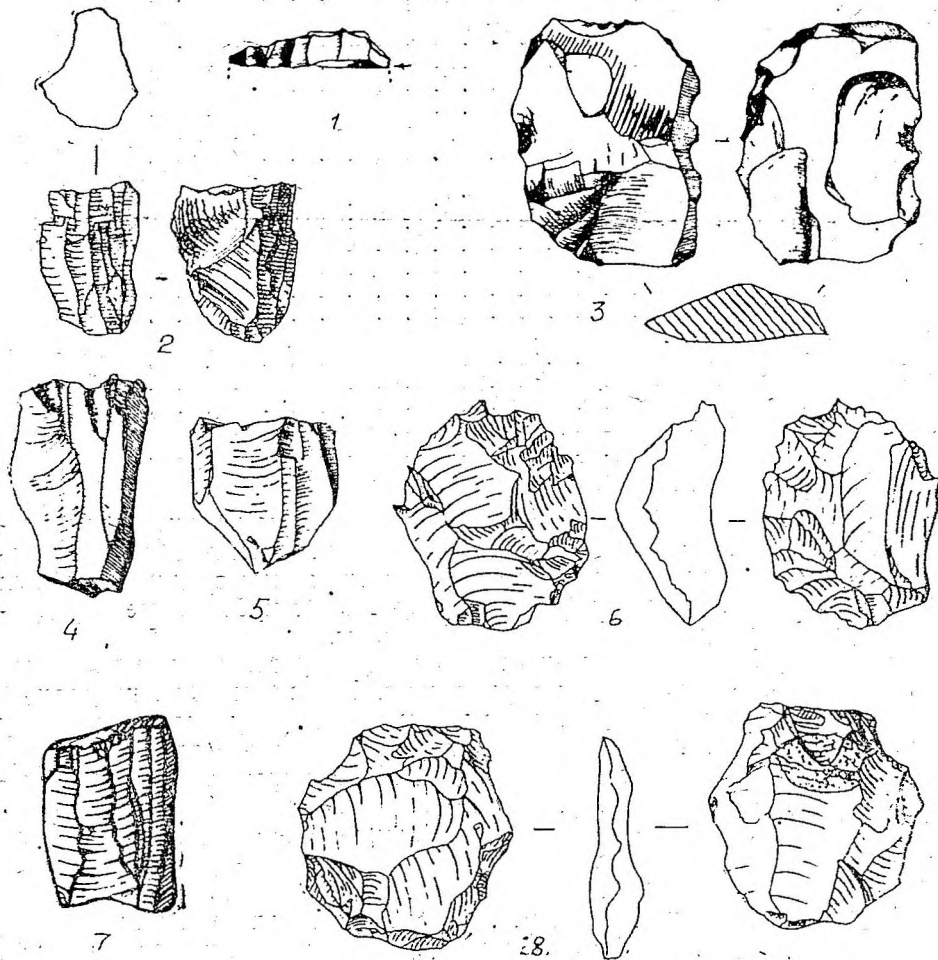

Рис. 31. Инвентарь III культурного слоя Чохской стоянки (1—«скол оживления» нуклеуса, 2, 4, 5, 7—нуклеусы, 3, 6, 8—рубящие орудия).

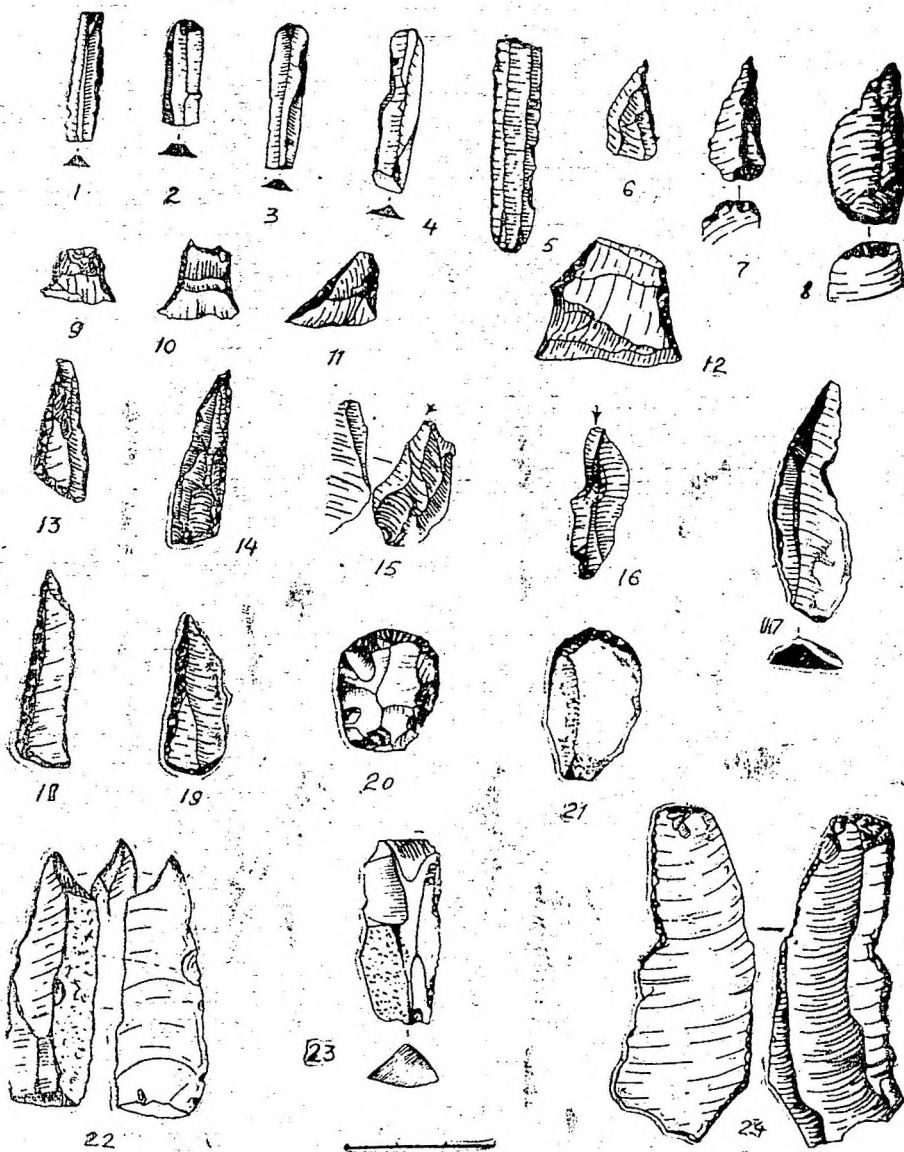

Рис. 32. Инвентарь III культурного слоя Чохской стоянки (1—5 — микропластинки, 6—14 — геометрические микролиты, 15, 16 — резцы, 17—19 — орудия с притупленным краем, 20, 21 — скребки, 22 — простое острье, 23, 24 — пластины).

Среди орудий в форме равнобедренного треугольника значительно преобладают экземпляры с пристранным основанием (рис. 32, 7, 8), что может рассматриваться как свидетельство использования их в качестве наконечников стрел. Характерно, что у некоторых трапеций на верхнем крае мелкой пристрающей ретушью оформлялись миниатюрные выемки, также, возможно, предназначенные для удобства закрепления в древке (рис. 32, 10). В предварительной публикации нами высказывалось предположение о том, что данная разновидность микролитов также могла использоваться в качестве наконечников стрел типа «поперечным лезвием»⁶⁴.

У некоторых сегментов, найденных в III слое, имеется миниатюрный резцовый скол.

Микроострия (4 экз.) представлены обычными разновидностями (рис. 32, 18, 19).

Микрорезцы. В III слое найдено 12 микрорезцов обычного типа (рис. 32, 15).

Заготовки в III слое претерпели существенные изменения. Прежде всего, значительно сократилось, как это отмечалось выше, использование нуклевидных заготовок. Уменьшилось и количество пластин (147 экз.), среди которых почти совершенно исчезли крупные экземпляры (шириной свыше 20 мм). Редко встречаются пластины шириной 16—20 мм, наиболее употребительными были узкие экземпляры шириной 12—16 мм (рис. 32, 23, 24). В III слое найдено 120 отщепов.

II—I КУЛЬТУРНЫЕ СЛОИ

Совершенно однотипные материалы из II и I культурных слоев нами рассматриваются совместно. Оба описываемых слоя характеризуются значительной и притом равномерной насыщенностью культурными остатками, в том числе и разнообразными кремневыми изделиями.

Состав представленных в них кремневых поделок отражает табл. IV.

Таблица IV.

Кремневый инвентарь II—I слоев

Наименование изделий	Количество
Нуклеусы призматические и конические	36
Нуклевидные изделия	11
Орудия с зубчатым краем	25
Рубящие орудия	26
Орудия типа стамесок	17

⁶⁴ В. Г. Котович. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане, стр. 152.

Резцы:		
орудия с резцовым сколом	31	
на углу сломанной пластинки	18	
Скрепки:		
концевые	16	
на отщепях	83	
округлые	34	
Орудия с боковой выемкой	33	
Простые остря	24	
Орудия с притупленным краем		
острия типа шательперрон	2	
острия типа граветт	1	
пластинки с притупленным продольным краем	23	
Микропластинки	509	
Микролиты:		
удлиненные асимметричные треугольники	12	
равнобедренные треугольники	18	
трапеции	16	
Микроострия	6	
Микрорезцы	11	
Заготовки:		
пластины	132	
отщепы	78	
Отходы производства		около 6000

Нуклеусы (36 экз.). Во II—I слоях Чохской стоянки обнаружены несколько типов нуклеусов. Это прежде всего крупные нуклеусы неправильно призматической и пирамидальной формы, предназначенные для отделения крупных ножевидных пластин. Эти разновидности ядрищ встречаются по всей толще культурных напластований Чохской стоянки, начиная с V слоя. Наряду с ними продолжают употребляться и диско-видные ядрища, переделываемые затем в рубящие орудия.

Совершенно новыми являются миниатюрные нуклеусы, предназначенные для отделения микролитических пластин. В довольно многочисленной (более 20 экз.) серии этих изделий наряду с экземплярами неправильно призматической формы, со следами отделения пластин с одной стороны, представлены и так называемые, карандашевидные нуклеусы призматической и пирамидальной формы (рис. 33, 1—4). Их отличает законченная правильная форма, ограниченность по всей окружности. Большинство этих нуклеусов имеет ровные ударные площадки, и лишь у некоторых экземпляров они скошены.

Как известно, карандашевидные нуклеусы, предназначенные для отделения правильных микропластинок почти стандартного облика, характерны для памятников позднего мезолита (тарденуаза). На Кавказе они известны в верхнем слое грота Сосруко⁶⁹, в Крыму классические формы их встречены на стоянке Кужрек⁶⁶.

⁶⁵ С. Н. Замятин и П. Г. Акритас. Раскопки грота Сосруко в 1955 г., рис. 6, 1—6.

⁶⁶ Е. А. Векилова. Эпипалеолитическая стоянка Кужрек в Крыму. КС ИИМК, XXXVI, 1951, рис. 21, 2, 5—7.

Орудия с зубчатым краем (25 экз.). Другой категорией изделий, пережиточно сохранившихся от предшествующих этапов культурного развития, являются орудия с зубчатым краем. В большинстве своем они изготовлены из отщепов и пластин, имеющих массивные и широкие площадки, а 10 экземпляров — из нуклевидных заготовок (рис. 33, 5).

Рубящие орудия (26 экз.). Как и в верхних слоях, рубящие орудия в описываемом комплексе представлены двумя разновидностями. Одни из них изготовлены из сработанных дисковидных нуклеусов (рис. 33, 8), другие (большинство) из крупных, массивных отщепов (33, 9).

Нуклевидные орудия. В коллекции кремневых изделий из II—I культурных слоев имеется 11 экземпляров нуклевидных орудий, свидетельствующих о сохранении некоторых пережитков более древней технической традиции.

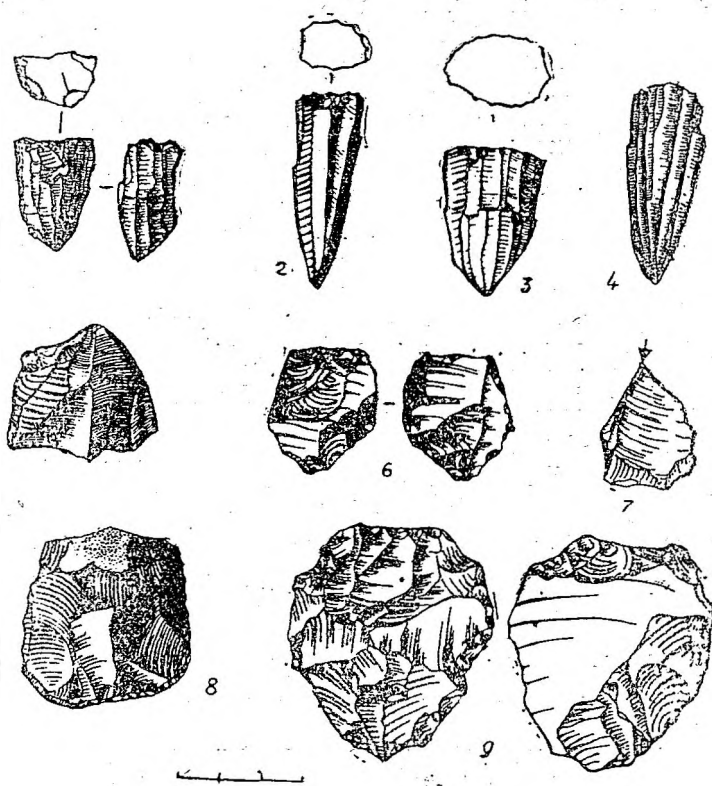

Рис. 33. Инвентарь II—I культурных слоев Чохской стоянки (1—4 — нуклеусы, 5 — орудие с зубчатым краем, 6 — орудие типа стамески, 7 — резец, 8, 9 — рубящие орудия).

Орудия типа стамесок (17 экз.). Не менее значительное место в инвентаре II—I слоев занимают и орудия типа стамесок, изготовленные из ножевидных пластин и из отщепов (рис. 33, 6).

Небезынтересно отметить, что оба охарактеризованных типа изделий, рубящие орудия и орудия типа стамесок, не характерны для мезолитических комплексов Кавказа (насколько об этом можно судить по материалам грота Сосруко) и Крыма. Наличие этих типов изделий, равно как и отмечавшихся выше некоторых форм нуклеидных орудий, свидетельствует о длительном переживании палеолитических традиций в культуре мезолитического населения горного Дагестана.

Резцы из верхних слоев Чохской стоянки представлены все теми же простейшими формами. Это — пластины и отщепы с резцовыми сколами (31 экз.), и простые угловые резцы (рис. 33, 7), и резцы на углу сломанной пластинки (18 экз.). Вообще этот тип орудий, известный в других верхнепалеолитических памятниках Кавказа в большом количестве и притом в разнообразных формах, в Чохской стоянке представлен крайне бедно и невыразительно.

Скребки и во II—I слоях являются одной из наиболее значительных в количественном отношении категорий орудий. В описываемом комплексе имеются концевые скребки на удлинённых пластинках (16 экз.) и короткие скребки на отщепах (83 экз.), являющиеся преобладающим типом данных изделий в эту эпоху. В большом количестве (34 экз.) встречаются здесь округлые скребки, отличающиеся небольшими размерами и сплошной обработкой краев (рис. 34, 21—23, 25—27). Округлые скребки чрезвычайно характерны для тарденуазских комплексов Крыма⁶⁷. Найдены они и в верхних слоях грота Сосруко⁶⁸.

Орудия с боковой выемкой (33 экз.). Наряду с прежними формами орудий типа в верхних слоях появляются экземпляры, изготовленные на удлинённых ножевидных пластинах. Две-три неглубокие, тщательно отделанные выемки расположены у этих орудий рядом на одном крае пластины. Подобные орудия встречены в третьем слое грота Сосруко⁶⁹. Часто встречаются они и в тарденуазских комплексах крымских стоянок⁷⁰.

Простые острия. В описываемом комплексе имеется 24 экземпляра орудий этого типа, изготовленных из пластин и отщепов с суживающимися концами, слегка подправленными ретушью.

Орудия с притупленным краем встречаются во II—I слоях в значительно меньшем количестве и дают небольшое число вариаций. Единичными находками представлены острия типа шательперрон (рис. 33,

⁶⁷ А. А. Формозов. Периодизация мезолитических стоянок-Европейской части СССР, стр. 40—41.

⁶⁸ С. Н. Замятин и П. Г. Акритас. Указ. соч., рис. 6, 16, 17.

⁶⁹ Там же, рис. 9, 6—11.

⁷⁰ С. Н. Бибииков. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции в 1935 г., рис. 4; его же. Грот Мурзак-коба — новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму. СА, V, 1940, рис. 10, 5д; Д. А. Крайнов. Указ. соч., табл. VI, 9.

24) и типа граветт. Совершенно отсутствуют острия со скошенным краем и типа клинка перочинного ножа. Исключение представляют пластинки с притупленным продольным краем, составляющие по-прежнему значительную серию находок (23 экз.). Большинство из них (14 экз.) изготовлено из правильных микропластинок с параллельным ограничением (рис. 34, 8, 13).

Микропластинки образуют наиболее значительную в количественном отношении категорию находок рассматриваемого комплекса (509 экз.). Преобладающее большинство (более 300 экз.) среди них составляют экземпляры правильной, почти стандартной формы с параллельным ограничением краев и уплощенной спинкой, слегка изогнутые в продольном сечении (рис. 34, 1—14). Подобного рода правильные микропластинки, скалывавшиеся с карандашевидных нуклеусов призматической и конической формы, характерны для верхнего слоя грота Сосруко⁷¹ и некоторых стоянок Крыма (Кукрек)⁷².

Большинство микропластинок употреблялось без вторичной обработки. На их продольных краях отчетливо прослеживаются залощенные участки, нередко сопровождаемые характерными изъязвлениями и выщерблинками. Однако в небольшом количестве встречаются микропластинки со следами вторичной обработки. Чаще всего наблюдается подправка их продольных краев, приостряющей, противоположащей ретушью, отмеченная более чем на 70 экземплярах (рис. 34, 10, 14). Наряду с ними встречаются и миниатюрные сверла (рис. 34, 9), скребочки (рис. 34, 2), проколки (рис. 34, 10), изготовленные с помощью довольно тонкой техники из правильных микропластинок. Особенно интересна в этом отношении миниатюрная проковка с острым вытянутым жальцем, тщательно оформленным с обеих сторон мельчайшей ретушью (рис. 34, 1). Своей формой она напоминает подобное же орудье из верхнего гарденуазского слоя крымской стоянки Замиль-коба № 1⁷³. Однако миниатюрными размерами и особенно тончайшей, почти ювелирной отделкой, она выгодно отличается от замилкобинского орудья.

Что же касается основной массы микропластинок, то они, очевидно, употреблялись в качестве вкладышей. Простота изготовления, острые режущие грани, правильные, почти стандартные формы, упрощавшие замену, — все это, очевидно, высоко ценимые мезолитическими обитателями Чохской стоянки качества микропластинок, давали им ряд преимуществ перед другими типами микролитических вкладышей.

Микролиты геометрических форм встречаются во II—I слоях в несколько меньшем количестве. Всего здесь найдено 12 вкладышей в форме удлиненного асимметричного треугольника (рис. 34, 18), 18 — в форме равнобедренного треугольника (рис. 34, 19) и 16 трапеций

⁷¹ С. Н. Замятин и П. Г. Акритас. Указ. соч., рис. 6, 7—15.

⁷² Е. А. Векилова. Указ. соч., рис. 22, 19—28.

⁷³ Д. А. Крайнов. Указ. соч., табл. VII, 8.

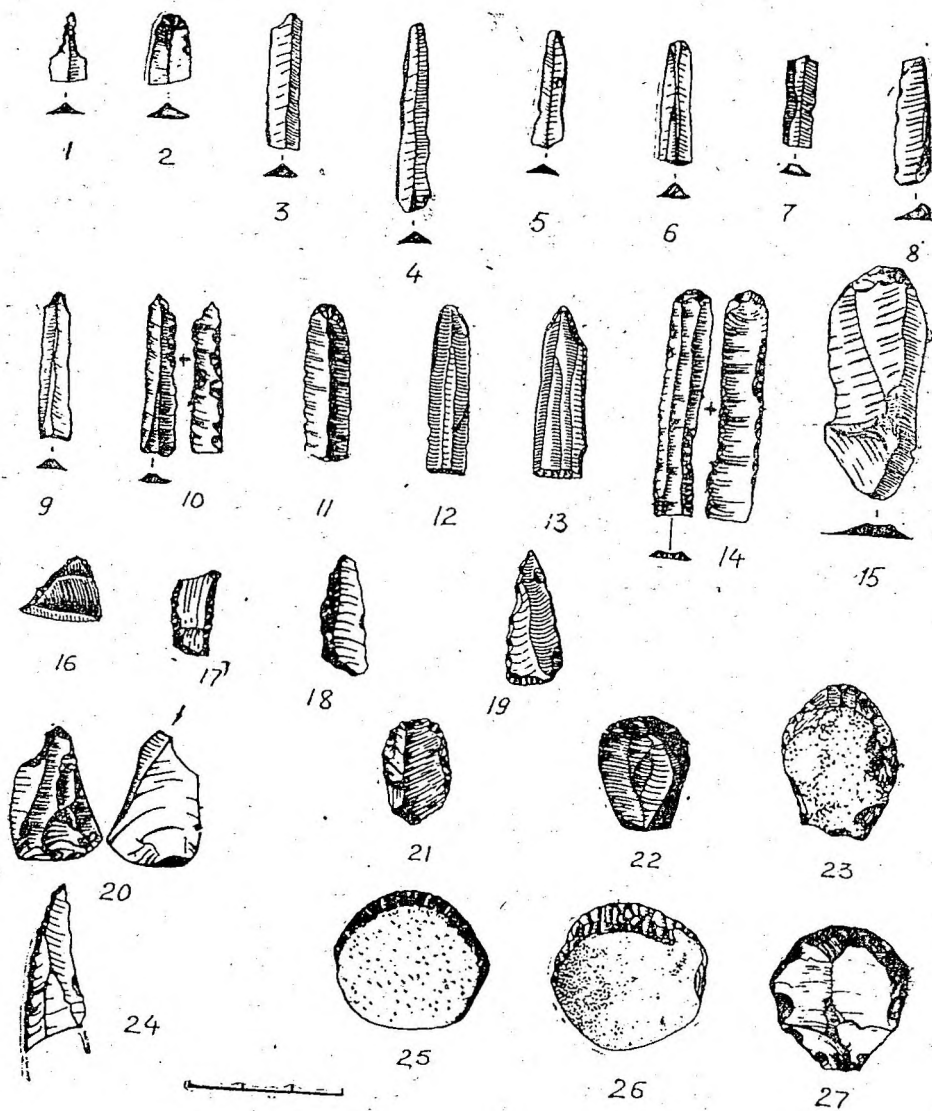

Рис. 34. Инвентарь II-1 культурных слоев Чохской стоянки (1—14 микропластинки, 15 — пластина, 16—19 — геометрические микролиты, 20 — микролезвие, 21—23, 25—27 — скребки, 24 — обломок острья типа шательперрон).

(рис. 34, 16, 17). Сегменты в данном комплексе совершенно на представлены.

Данное явление, казалось бы, находится в противоречии с тенденцией к микролитизации кремневого инвентаря, которая отчетливо прослеживается при послыжном рассмотрении материалов Чохской стоянки. Однако подобная оценка была бы преждевременной. По-видимому, в этом явлении нашли свое отражение некоторые изменения в развитии вкладышевой техники, вызвавшие замену одних форм микролитических вкладышей другими. Аналогичное явление наблюдается и в крымском мезолите, где сокращение геометрических микролитов происходит одновременно с увеличением черешковых наконечников стрел⁷⁴. В Чохской стоянке этот процесс сопровождается резким увеличением количества правильных микропластин. Очевидно, новая, более простая и удобная форма вкладышей начала вытеснять из обихода геометрические микролиты.

Отмеченное явление не является по-видимому простым следствием локального своеобразия культуры, представленной в Чохской стоянке. Не исключено, что оно отражает определенные закономерности в развитии вкладышевой техники на юге нашей страны в мезолитическую эпоху. Подтверждение этому кроме крымских стоянок дают материалы многослойного грота Сосруко. В нижних слоях этого памятника встречается значительное количество геометрических микролитов, тогда как в верхних они совершенно отсутствуют. В качестве вкладышей здесь использовались в позднем мезолите правильные микролитические пластинки, что, в частности, подтверждает находка оснащенного ими костяного ножа⁷⁵.

Дальнейшее развитие вкладышевой техники не везде пошло этим новым путем. Мезолитические племена Крыма, например, после некоторого перерыва возобновили производство и использование традиционных форм геометрических микролитов⁷⁶. На Кавказе же, насколько об этом можно судить по материалам известных в настоящее время мезолитических и раннеолитических памятников, геометрические микролиты не получили прежнего распространения.

Микроострия представлены в рассматриваемом комплексе 6 экземплярами, изготовленными из микропластин.

Микрорезцы обнаружены здесь в количестве 6 экземпляров (рис. 34, 20).

Заготовки во II—I слоях претерпевают дальнейшие изменения. Это выражается, прежде всего, в резком уменьшении количества прежних форм. Всего здесь найдено 132 пластины и 78 отщепов. Помимо этого,

⁷⁴ А. А. Формозов. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР, стр. 40.

⁷⁵ С. Н. Замятин и П. Г. Акритас. Указ. соч., стр. 439—451, рис. 7.

⁷⁶ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 40—41.

изменяется и форма ножевидных пластин, приобретающих еще более суженный облик. Ширина встречающихся в данном комплексе ножевидных пластин редко превышает 15—16 мм (рис. 34, 15).

Есть все основания полагать, что отмеченные изменения в характере заготовок стоят в прямой связи с увеличением количества микролитических пластинок в данном комплексе и возрастанием их роли в производственном процессе.

На этом мы заканчиваем описание кремневого инвентаря Чохской стоянки. Однако характеристика представленной в данном памятнике культуры была бы недостаточно полной без описания костяных орудий.

Специфическая особенность производственного инвентаря Чохской стоянки заключается в почти полном отсутствии в нем костяных изделий. Данное обстоятельство представляется весьма необычным, особенно на фоне других синхронных памятников, где костяные орудия встречаются в довольно большом количестве. Важная производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве и быте верхнепалеолитических и мезолитических общин на территории Европейской части СССР убедительно раскрыта советскими исследователями⁷⁷.

Из всего многообразия известных нам костяных орудий в Чохской стоянке представлены лишь проколки, обнаруженные в количестве 6 экземпляров в V, IV и III культурных слоях. Для их изготовления использовались обломки расколотых вдоль трубчатых костей животных, у которых один из концов подшлифовывался, образуя округлое жальце (рис. 35, 2). Имеется один экземпляр дублированной проколки (рис. 35, 4). Представляет интерес орнаментированная проколка, изготовленная из обломка трубчатой кости животного (рис. 35, 3). Орнамент образован рядами ритмически повторяющихся коротких параллельных насечек и зигзагообразным узором, состоящим из более длинных насечек, пересекающихся под прямым углом. Подобного рода ритмический орнаментальный мотив получил широкое распространение в верхнепалеолитических и мезолитических памятниках⁷⁸.

Каких-либо иных костяных орудий, известных по находкам в других памятниках, в Чохской стоянке не обнаружено. Малочисленность костяных проколок и отсутствие костяных наконечников копий и стрел само по себе не вызывает удивления, так как обитатели стоянки вполне могли обходиться и без них; с помощью аналогичных по назначению кремневых орудий, в достаточном количестве находимых во всех культурных слоях Чохской стоянки.

⁷⁷ С. Н. Бибиков. Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднелептостенового населения Крыма. УЗЛГУ, сер. истор. наук, вып. 13, Л., 1949; М. Д. Гвоздовер. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки. МИА, № 39, 1953.

⁷⁸ См. напр. С. Н. Бибиков. Указ. соч., стр. 23—30; М. Д. Гвоздовер. Указ. соч., стр. 220—223; А. Н. Рогачев. Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону, стр. 80; О. Н. Бадер. Изучение эпилептолита Крымской Яйлы. СА, V, 1940, рис. 4.

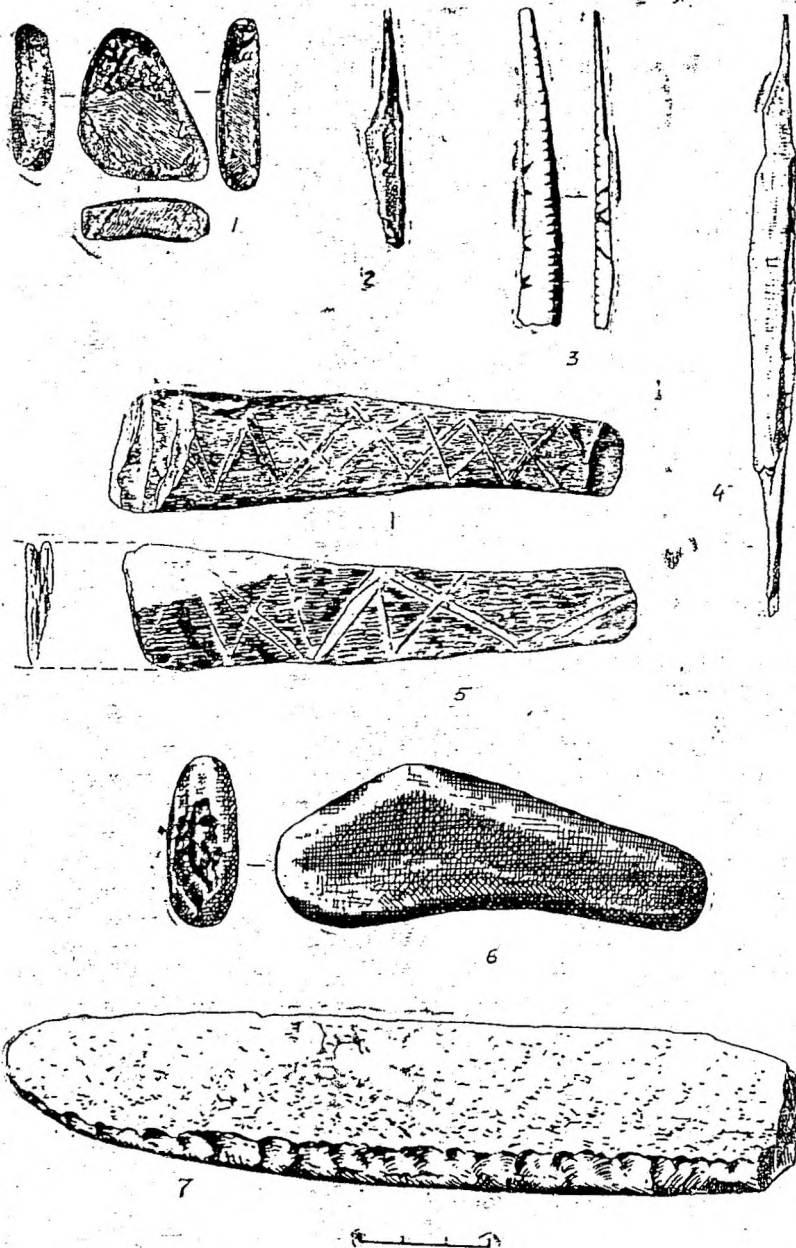

Рис. 35. Костяные и каменные изделия Чохской стоянки (2—4 — костяные остря, 1 — пест для растирания краски; 5 — сланцевая «рукоятка ножа», 6—7 — краскотерки).

Вызывает удивление отсутствие костяных наконечников от составных метательных орудий, получивших широкое распространение в конце верхнего палеолита и в мезолите в связи с развитием вкладышевой техники. Подобного рода костяные наконечники со специальными пазами для закрепления в них микролитических вкладышей известны по находкам в Крыму⁷⁹ и на Кавказе⁸⁰.

Кремневый инвентарь Чохской стоянки не оставляет сомнений в широком распространении, а на заключительном этапе — и господстве здесь вкладышевой техники, предполагающей широкое применение составных, комбинированных орудий. Для изготовления последних, естественно, была необходима достаточно прочная основа.

Мы вправе предположить, что обитатели Чохской стоянки в качестве основы метательных орудий использовали не кость, а какой-то иной материал, вероятнее всего, — дерево. Как известно, деревянная основа наряду с костяной, широко использовалась при изготовлении составных орудий⁸¹.

Правомерность высказанного предположения подтверждается в известной степени и наблюдениями над кремневым инвентарем. Как известно, основными орудиями, предназначенными для обработки кости, служили резцы. Выше нам уже приходилось отмечать то незначительное место, которое занимает эта категория орудий в кремневом инвентаре Чохской стоянки. В то же время здесь получают широкое распространение рубящие дисковидные орудия и орудия типа стамесок, предназначенные для обработки дерева. Неравномерность и развитию специализированных форм кремневых орудий, предназначенных для обработки дерева и кости, очевидно, указывает на различную производственную роль этих материалов. Во всяком случае имеющиеся наблюдения позволяют предполагать, что обработка кости и изготовление костяного инвентаря не получили здесь широкого распространения.

Для изготовления основы составных орудий обитатели Чохской стоянки иногда употребляли и мягкие породы камня. Свидетельством этому является сланцевая рукоятка с пазом для закрепления микролитов, найденная в квадрате М10, в 1 культурном слое. Она украшена геометрическим орнаментом в виде зигзагообразно пересекающихся линий, выполненных неглубоким прочерчиванием (рис. 35, 5). Подобного рода находки до сих пор не были известны в памятниках Кавказа.

79 Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита. Труды II международной конференции АИЧПЕ, вып. V, М.—Л., — Новосибирск, 1934, табл. VIII, 12, 13.

80 С. Н. Замятин и П. Г. Акритас. Указ. соч., рис. 8, 1, 3.

81 С. Н. Бибииков. Указ. соч., стр. 21.

В заключение остановимся на вопросе о хронологии Чохской стоянки.

Предварительная датировка памятника концом верхнего палеолита — мезолитом⁸² в основном подтвердилась последующими исследованиями. В настоящее время представляется возможным уточнить и детализировать хронологию памятника в свете новых наблюдений над его стратиграфией и послойной эволюцией кремневого инвентаря.

Как отмечалось выше, обнаруженные на Чохской стоянке шесть культурных слоев стратиграфически приурочены к трем геологическим напластованиям. Основываясь на этом, представляется возможным выделить три основных периода обитания стоянки.

Древнейшему из них соответствует VI культурный слой, залегающий в восьмом по счету геологическом слое. Геологический возраст этого слоя не определен. Археологически он изучен крайне недостаточно. Судя по найденному здесь кремневому инвентарю, в котором верхнепалеолитические формы сочетаются с пережиточно мустьерскими, этот слой может быть предварительно датирован ранним этапом верхнего палеолита и синхронизирован с такими памятниками как Тароклде и Хергулис-клде. Предложенной датировке не противоречат стратиграфические наблюдения: VI слой отделен от вышележащего V слоя более чем метровой толщиной стерильных в археологическом отношении напластований. Уточнение датировки VI слоя станет возможным после изучения его на более значительной площади.

Следующий, наиболее продолжительный период обитания стоянки характеризуется материалами V, IV и III культурных слоев, образующих довольно однородную толщу третьего геологического слоя.

Палеолитический возраст этих слоев на наш взгляд не вызывает сомнений. Важнейшим доказательством этого является наличие большого числа нуклевидных форм в кремневом инвентаре каждого из упомянутых слоев, включающих такие характерные орудия, как нуклевидные скобели. Подобного рода орудия встречаются на Кавказе только в верхнепалеолитических комплексах, тогда как в мезолитических (судя по материалам грота Сосруко) они совершенно отсутствуют. Аналогичная картина наблюдается и в Крыму, где нуклевидные скобели (скребки высокой формы) встречаются только в инвентаре стоянки Сюрень I. Весьма показательным является отсутствие их даже в таких ранних комплексах, какими являются материалы из Буран-кая и нижних горизонтов Шан-кобы, относимых к самому раннему азилю или даже к позд-

⁸² В. Г. Котович. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане, стр. 154.

ляется наиболее вероятными отнести его к третьему этапу верхнего палеолита, скорее всего, к начальной фазе данного этапа, хронологически соответствующей позднему мадлену.

Дальнейшее развитие культуры, прослеживаемое на материалах IV—III слоев, характеризуется постепенным сокращением числа нуклеонидных форм орудий, острий с притупленным краем, сокращением числа удлинённых форм скребков, измельчением размеров ножевидных пластин, использовавшихся в качестве заготовок для изготовления орудий. Одновременно с этим происходит увеличение количества микролитических изделий в инвентаре, дающих значительное количество вариаций. Однако типичные для верхнего палеолита формы орудий, в том числе и нуклеонидные скребки, продолжают встречаться и в IV и в наиболее позднем III слое. С учетом сказанного представляется возможным отнести оба слоя к заключительному этапу верхнего палеолита и рассматривать представленные в них материалы, как две последовательных фазы развития культуры в самом конце мадлена и раннем азиле.

Таким образом, материалы V—III слоев Чохской стоянки, характеризующие последовательные фазы развития культуры на заключительном этапе верхнего палеолита⁸⁵, могут быть поставлены в один ряд с такими памятниками Кавказа, как пещерная стоянка Гварджилас-кльде, Бармаксызская и Зуртакетская стоянки в Закавказье. С другой стороны, они подтверждают правомерность высказывавшегося в литературе положения о некоторой разновременности (в пределах конца верхнепалеолитической эпохи) упомянутых закавказских стоянок⁸⁶.

Что же касается материалов II—I слоев Чохской стоянки, то принадлежность их к поздне-мезолитической, тарденуазской эпохе вряд ли может вызвать какие-либо возражения. Очевидно, их место может быть определено в одном ряду с верхним слоем грота Сосруко в Кабардино-Балкарии и синхронными памятниками Крыма.

Известное значение при определении хронологии Чохской стоянки имеют данные о степени фоссилзации костей животных. Произведенный в лаборатории И. Г. Пидопличко анализ костей хомяка и муфлю-

---

⁸⁵ Следует признать, что одно время автор придавал преувеличенное значение различиям в инвентаре V—III слоев, рассматривая их не как фашиальные, а как хронологические различия, и на этом основании считал возможным датировать их соответственно вторым и третьим этапами верхнего палеолита и ранним мезолитом. См. В. Г. Котович. Некоторые итоги изучения каменного века в Дагестане. Тезисы докладов на научной сессии Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана, Махачкала, 1959, стр. 5—7.

⁸⁶ Д. М. Тушабрамишвили. Палеолитические остатки в пещере «Гварджилас-кльде» стр. 13—14; А. Н. Каландадзе и Д. М. Тушабрамишвили. Новые раскопки в пещере Гварджилас-кльде, КСИА АН Укр. ССР, 4, Киев, 1955, стр. 155—156.

нему мадлену⁸³. Однако они встречаются в нижнем слое стоянки Таш-аир I⁸⁴.

Датировка описываемых слоев Чохской стоянки верхнепалеолитическим временем согласуется с геологическими данными. Геологический возраст образующих их напластований может быть определен по заключению геоморфолога Д. А. Лилиенберга в пределах конца вюрмской эпохи — начала голоцена.

Отмечая вероятность образования V—III слоев в продолжение одного периода, мы не упускаем из виду и того, что каждый из них в отдельности характеризует определенную фазу развития культуры в продолжение этого периода. Послойное рассмотрение кремневого инвентаря этих слоев дает возможность проследить последовательную эволюцию представленной в них культуры.

Как явствует из приводившегося выше описания инвентаря, основной тенденцией его развития является процесс микролитизации кремневых изделий, иными словами, процесс зарождения и развития вкладышевой техники.

Кремневый инвентарь V слоя, характеризующий наиболее древнюю фазу развития культуры данного периода, образует типичный для верхнепалеолитических памятников Кавказа комплекс. Он включает большое количество нуклевидных форм орудий, в том числе и нуклевидных скобелей, разные типы орудий с притупленным краем. Микролитические изделия представлены здесь сравнительно небольшим количеством микропластин и геометрических микролитов. Некоторые особенности данного комплекса, так же как сравнительно большое число нуклевидных орудий и орудий с притупленным краем находят себе аналогии среди памятников второй хронологической группы верхнего палеолита Кавказа. Особенно характерны для этого времени острия шательперрон, граветт, *atyphische Kerbspitze*. Типичен и набор скребков, сочетающий в примерно одинаковом соотношении удлиненные и укороченные формы. Однако наряду с этими, несомненно, ранними признаками, рассматриваемый комплекс имеет и более поздние. К числу их следует отнести прежде всего наличие геометрических микролитов в форме асимметричного треугольника, появившихся в кавказских стоянках на заключительном этапе развития верхнепалеолитической культуры. Присущи этому этапу и такие формы орудий, как острия со скошенным краем и в форме клинка перочинного ножа.

Таким образом, комплекс кремневых изделий V слоя сочетает в себе черты культуры, свойственные второму и третьему этапам развития верхнего палеолита Кавказа. Основываясь на этом, нам представ-

⁸³ О. Н. Бадер. Некоторые памятники палеолита и мезолита в восточной части горного Крыма, стр. 24—25; С. Н. Бибииков. Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита. СА, 1959, № 4, стр. 27.

⁸⁴ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-аир I, как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. МИА, № 91, 1960, стр. 19—20.

нообразного барана дал показатель прокаливания (ПК) — 317⁸⁷. На первый взгляд, полученный результат подтверждает датировку основных слоев стоянки позднемадленским — раннеазильским временем, ибо он близко стоит к соответствующим показателям более или менее синхронных памятников средней полосы⁸⁸. Однако, при сравнении с показателями прокаливания костей из кавказских стоянок, выясняются значительные расхождения (Гварджилас-кльде — 512, грот Сосруко — 241, мезолитические — раннеолитические слои Ахштырской пещеры — 460)⁸⁹, вероятно, обусловленные различиями конкретных условий их залегания. Становится очевидным, что при отсутствии региональной шкалы, учитывающей специфические особенности Кавказа, пользование результатами прокаливания костей для определения возраста археологических памятников крайне затруднено.

2. МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА КОЗЬМА-НОХО

Другим памятником рассматриваемой эпохи в Гунибском районе является стоянка Козьма-нохо, расположенная примерно в 10 км к западу от сел. Ругуджа, в долине реки Багар-ор. Помимо стоянки Козьма-нохо здесь обнаружено еще 3 неолитических стоянки, о которых подробно говорится в следующей главе.

Долина р. Багар-ор, протянувшаяся в районе расположения стоянок каменного века в направлении с северо-запада на юго-восток, находится примерно посредине между Гунибским плато и Тлили-меэр. Ее истоки лежат у подножия горы Тлили-меэр. Окружающая долину местность представляет собой пологий склон, начинающийся у основания Гунибского плато и простирающийся к западу от него. Коренными породами, слагающими этот район, являются сланцы, перемежающиеся с известняками, мощные свиты которых нередко обнажаются, особенно на подверженных денудации склонах.

Русло р. Багар-ор у впадающих в нее небольших потоков и оврагов глубоко врезано в толщу слагающих этот район пород. Его склоны отличаются значительной крутизной, но все они, более пологи, чем почти вертикальные, каньонообразные берега рек, протекающих в известняках. Сланцевые края долины р. Багар-ор значительно денудированы и местами как бы расчленены выходами мощных пластов крепких известняков на несколько ярусов. В отдельных местах насчитывается до четырех известняковых ярусов, чередующихся с сильно выветренными толщами сланцев.

Северные склоны долины покрыты лесами, состоящими из сосны, березы, осины и др. пород. В лесах и поныне встречаются олени, косу-

⁸⁷ Н. К. Верещагин. Млекопитающие Кавказа. М.-Л., 1959, табл. 63.

⁸⁸ И. Г. Пидопличко. Новый метод определения геологического возраста ископаемых костей четвертичной системы. Киев, 1952, табл. 41.

⁸⁹ Н. К. Верещагин. Указ. соч., табл. 63.

ли, дикие кабаны, а также хищники — лисицы, волки и даже медведи. Немало в них грибов и различного рода съедобных плодов и ягод (дикая алыча, груша, яблоня, рябина, костяника, земляника и т. д.).

Пологие сланцевые склоны, окружающие долину р. Багар-ор, покрыты горно-луговыми суглинистыми почвами с богатой, сочной субальпийской растительностью⁹⁰.

В целом, естественно-географические условия данного района были благоприятными для жизни и деятельности человека. Поэтому нельзя считать случайным, что здесь обнаружены следы человеческой деятельности на протяжении значительного промежутка времени: в каменном веке, в эпохи меди и бронзы, раннего железа и средневековья.

Стоянки каменного века располагаются в долине р. Багар-ор на небольшом расстоянии друг от друга. Наиболее северная из них расположена в урочище Козьма-нохо, там, где река Багар-ор принимает слева небольшой горный поток, известный под названием Козьма-ор. Здесь проходит межевая граница ругуджинских земель с землями соседних Куядинских хуторов. Ниже по течению р. Багар-ор на ее правом берегу примерно, в 2,5—3 км от стоянки Козьма-нохо расположена позднеолитическая стоянка Малин-карат. Далее по течению, также на правом берегу, на расстоянии около 2,5—3 км от стоянки. Малин-карат расположены еще две позднеолитических стоянки в урочищах Архинда и Мучу-бахил-бакли.

а) Расположение и стратиграфия

Стоянка Козьма-нохо расположена на довольно крутом склоне горы, сложенной сланцами, перемежающимися с мощными выходами известняковых пластов. Всего в этом месте насчитывается четыре известняковых пояса, расчленяющих склон горы на четыре горизонтальных яруса. В нижнем пласте известняков, возвышающемся на 4—5 м над руслом реки, имеется значительный по размерам навес. Он достаточно сух, постоянно обогреваем солнцем, близок к питьевой воде. Благодаря удачному расположению он и поныне служит убежищем для чабанов, укрывающихся в нем в непогоду вместе с отарами овец. Однако стойбище древних обитателей данного урочища располагалось не в этом навесе, а над ним, примерно посредине яруса, заключенного между нижним и вторым снизу известняковыми карнизами, на высоте 30—40 м над современным уровнем р. Багар-ор (рис. 36).

Склон горы, на котором обнаружены следы мезолитической стоянки, отличается весьма значительной крутизной, достигающей 45 градусов. Он заканчивается вертикальным обрывистым карнизом нижнего известнякового пласта, высотой 4—5 м. Таким образом, занятое древ-

⁹⁰ А. С. Солдатов. Почвы горных пастбищ Гунибского и Лакского районов ДАССР, стр. 46, 55, 56.

ней стоянкой место в настоящее время совершенно непригодно для обитания человека. Более того, сколько-нибудь, длительное пребывание на нем, представляется небезопасным в связи с постоянным риском не удержаться на крутом склоне и сорваться вниз со значительной высоты.

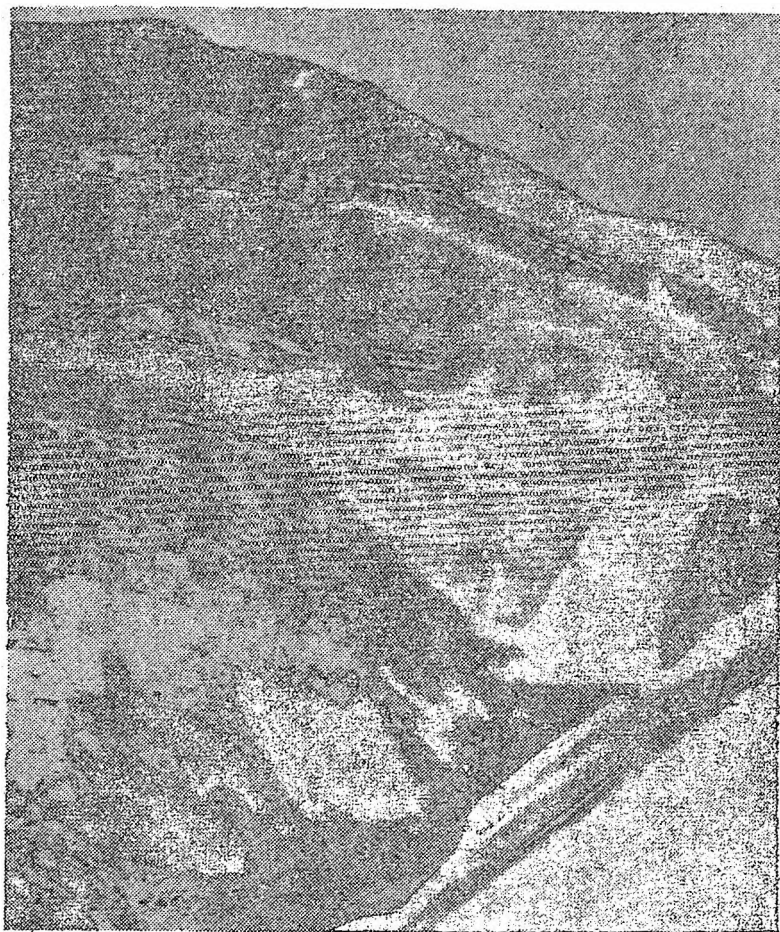

Рис. 36. Стоянка Козьма-нохо, вид с юго-востока.

Тем не менее именно здесь, в казалось бы совершенно непригодном для жизни и деятельности людей месте в нескольких пунктах обнаружены участки культурного слоя со следами кострищ, древесными угольками, обломками костей животных и кремневыми поделками.

Возникает вопрос, что заставляло людей селиться в столь неблагоприятных условиях? Расположение стоянки в урочище Козьма-нохо

в целом отвечает той сумме требований, которая была традиционной для всех охотничьих стоябищ палеолита и мезолита. Однако здесь особенно отчетливо проявляется стремление ее обитателей обезопасить себя от возможной и, по-видимому, реальной и постоянной угрозы внезапного нападения. В литературе уже отмечалось, что при выборе места для стоянок фактор безопасности играл далеко не последнюю роль⁹¹. Выявление этого факта в условиях горного Дагестана может послужить косвенным указанием на относительно густую заселенность по крайней мере его отдельных районов в мезолите. Это подтверждается также территориальной близостью стоянки Козьма-нохо и Чохской стоянки, расстояние между которыми не превышает 20—25 км по прямой.

Раскопок на стоянке Козьма-нохо не проводилось ввиду чрезвычайной сложности работы на крутом склоне. Лишь в отдельных местах зачищены обнажения культурного слоя.

В результате проделанной работы установлено, что культурные остатки залегают во втором сверху слое желтовато-серого комковатого суглинка, обильно насыщенного сланцевой щебенкой. Мощность его в осмотренных обнажениях варьирует в пределах 0,28—0,32 м. Он перекрыт слоем комковатого, темноцветного суглинка, задернованного в верхней части. Мощность этого слоя достигает 0,3—0,35 м, местами она уменьшается до 0,2 м.

Склон горы в этом месте, как и повсюду на прилегающих участках долины р. Багар-ор, значительно денудирован. Дневная поверхность покрыта большим количеством неглубоких горизонтальных трещин, образованных в результате непрекращающегося процесса вертикального смещения отдельных небольших участков склона. Вследствие этого, крутые края долины имеют характерный, как бы «ступенчатый» облик. Этот процесс частичного разрушения и вертикального смещения почвенных слоев вызван, по-видимому, непрекращающимся разрушением сланцевой основы. Естественно предположить, что склон, на котором расположена стоянка, был в древности значительно более пологим и более приспособленным для жизни людей. Данное предположение подтверждается также и тем, что культурный слой стоянки не имеет сплошного горизонтального простираения. Под воздействием указанных процессов он оказался как бы разорванным на небольшие участки, каждый из которых несколько сместился по вертикали. Благодаря этому участки культурного слоя располагаются не в одной плоскости, а также «ступеньками», в соответствии с современным положением почвенного покрова на данном склоне.

⁹¹ П. И. Борисковский. Палеолит Украины, стр. 141.

б) Кремневый инвентарь и фаунистические остатки

В обследованных обнажениях культурного слоя добыт небольшой археологический материал, представляющий собой различные кремневые поделки и сильно раздробленные обломки костей животных. Насыщенность слоя культурными остатками невелика, и значительно уступает тому, что наблюдается в культурных слоях Чохской стоянки. Кремневые изделия стоянки Козьма-нохо в количестве более 200 экземпляров представляют собой отходы производства — обломки и осколки кремня, а также разнообразные законченные орудия. Это свидетельствует о том, что обработка кремня и изготовление орудий производились здесь же на стоянке.

Для изготовления орудий древние обитатели стоянки использовали полупрозрачный желтоватый и сероватый меловой кремль, черный непрозрачный кремль и желтовато-серую местную метаморфическую породу (окремненный известняк). Естественных месторождений качественных пород полупрозрачного мелового кремня в окрестностях сел. Ругуджа не имеется. Вероятно, древние обитатели стоянки Козьма-нохо, подобно обитателям Чохской стоянки, предпринимали специальные походы за этим кремнем, ближайшие месторождения которого известны в окрестностях сел. Кушпа и сел. Цудахар Левашинского района.

Кремневые изделия стоянки Козьма-нохо следующим образом распределяются по различным категориям (табл. V).

Таблица V.

Кремневый инвентарь стоянки Козьма-нохо

Наименование изделий	Количество
Заготовки:	
пластинки	27
отщепы	6
Орудия с зубчатым краем	2
Угловые резцы	3
Скрепки округлые	5
Орудия с боковой выемкой	5
Микропластинки	33
Микролиты:	
асимметричные треугольники	6
треугольники	3
трапеции	2
Отходы производства	более 100

В коллекции материалов стоянки Козьма-нохо нуклеусы отсутствуют. Однако, знакомясь с характером употреблявшихся здесь заготовок, можно заключить, что обитатели стоянки пользовались более или менее крупными нуклеусами, предназначенными для отделения сравнительно крупных ножевидных пластин, и правильными, вероятнее всего, «карандашевидными» нуклеусами, от которых отделялись правильные

микропластинки. Очевидно, формы употреблявшихся здесь ядрищ ничем существенным не отличались от тех, которые обнаружены во II—I слоях Чохской стоянки.

Заготовки для изготовления сравнительно крупных орудий представлены ножевидными пластинами (27 экз.) и отщепами (6 экз.). Ножевидные пластины (рис. 37, 23—27) отличаются узкими вытянутыми пропорциями, ширина их варьирует в пределах от 11—12 до 15—16 мм. Эта особенность присуща аналогичным поделкам из тарденуазского комплекса Чохской стоянки.

Орудия с зубчатым краем представлены в данном комплексе 2 экземплярами, изготовленными из грубых кусков кремня.

Угловые резцы найдены здесь в количестве трех экземпляров (рис. 37, 20).

Скрепки (5 экз.) отличаются небольшими размерами и округлой, либо овальной формой. Изготовлены из коротких отщепов, сохраняющих ударные площадки, и сечений пластин (рис. 37, 21, 22). Своей округлой формой и небольшими размерами они близко напоминают аналогичные изделия из тарденуазских слоев Чохской стоянки⁹², верхнего слоя грота Сосруко⁹³ и тарденуазских комплексов Крыма⁹⁴.

Орудия с боковой выемкой (5 экз.), изготовленные на удлиненных пластинах (рис. 37, 16), также весьма характерны для тарденуазских комплексов названных выше памятников.

Микропластинки, представленные в данном комплексе наиболее значительной серией находок (33 экз.), отличаются правильными, почти стандартными формами, параллельным ограничением, почти ровным продольным и уплощенным поперечным сечением (рис. 37, 1—9). Многие из них несут на себе следы употребления. У отдельных экземпляров боковые грани подправлены ретушью. По своему облику и характеру обработки они почти совершенно аналогичны соответствующим изделиям из II—I слоев Чохской стоянки и подобно им, очевидно, выполняли функции вкладышей.

Микролиты в рассматриваемом комплексе представлены теми же формами, что и в верхних слоях Чохской стоянки. Это, прежде всего, асимметричные треугольники (6 экз.), изготовленные из сечений пластин. Показательно, что наряду с обычными экземплярами (рис. 37, 12—15), здесь представлены и такие, которые отличаются миниатюрными размерами (рис. 37, 10, 11). Они изготовлены в той же технике. В Чохской стоянке подобные находки отсутствуют, хотя аналогичные по форме вкладыши обычных размеров представлены в значительном числе.

⁹² В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, рис. 8, 12, 13.

⁹³ С. Н. Замятин и П. Г. Акритас. Указ. соч., рис. 6, 16, 17.

⁹⁴ А. А. Формозов. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР, стр. 41.

В инвентаре стоянки Козьма-нохо имеются микролиты треугольной (3 экз.) и трапециевидной (2 экз.) формы (рис. 37, 17—18). Подобные микролиты также представлены в гарденуазских слоях Чохской стоянки.

Костяные изделия в инвентаре описываемого памятника отсутствуют.

Найденные здесь кости животных отличаются фрагментарностью и плохой сохранностью. Поддавшиеся определению кости принадлежат

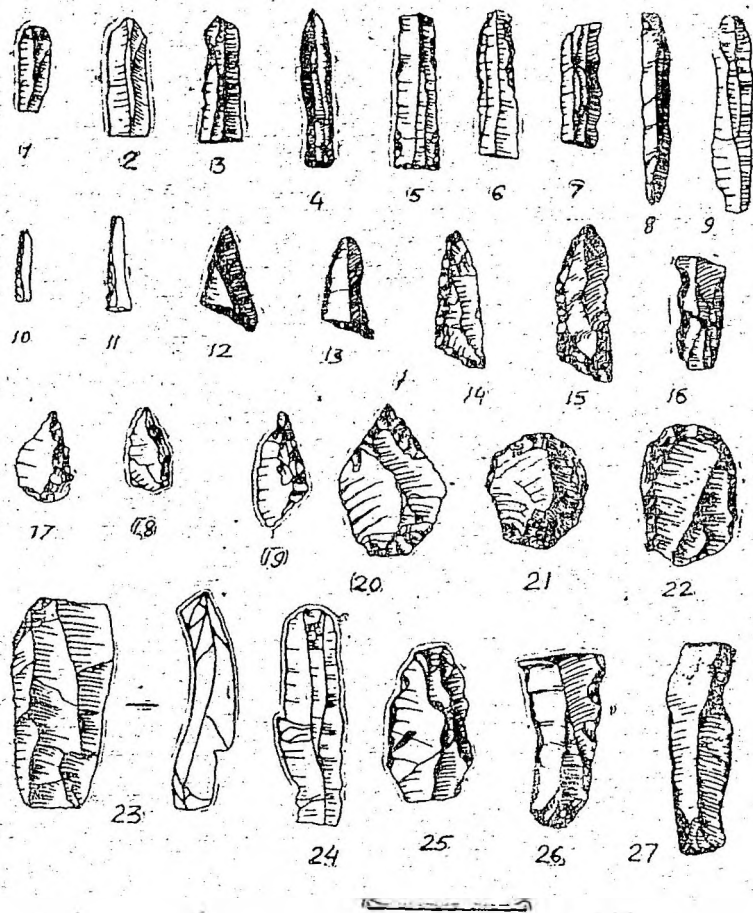

Рис. 37. Инвентарь культурного слоя стоянки Козьма-нохо (1—9 — микропластинки, 10—15, 17—19 — геометрические микролиты, 16 — орудие с выемками, 20 — резец, 21—22 скребки, 23—27 — пластины).

диким баранам и козлам (Caprinae)⁹⁵, очевидно служившим основными объектами охоты и для обитателей стоянки Козьма-нохо.

Весь круг аналогий кремневому инвентарю стоянки Козьма-нохо ведет к материалам из гарденуазских слоев Чохской стоянки и других синхронных памятников Кавказа и Крыма. Основываясь на этом, можно с достаточным основанием датировать этот памятник второй половиной мезолитической эпохи.

3. МЕКЕГИНСКАЯ РАННЕМЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА.

Последняя из известных в настоящее время мезолитических стоянок расположена в окрестностях сел. Мекеги; в восточной части Левашинского района.

Как известно, Левашинский район представляет собой в геоморфологическом отношении одну из наиболее крупных в горном Дагестане древних поверхностей выравнивания, являющихся реликтами существовавшего здесь в раннем плейстоцене денепленизированного рельефа⁹⁶. Однако, естественно-выровненный рельеф характерен в основном для центральной части данного района; тогда как интересующая нас восточная часть его представляет собой систему сравнительно невысоких хребтов, примыкающих с юга к Гимринскому хребту и являющихся, подобно ему, естественными рубежами, ограждающими область внутреннего известнякового Дагестана от полосы предгорий. Окрестности сел. Мекеги, приуроченные к пограничной полосе, по своим естественно-географическим условиям более тяготеют к горным районам и существенным образом отличаются от предгорий.

Мезолитическая стоянка находится примерно в 1,5—2 км к югу от сел. Мекеги, на южной окраине хутора Тарлан-как. Она располагалась на правом берегу небольшого бурного потока. В древности он был значительно более полноводным и мощным. Свидетельством этому является более чем 60-метровая глубина его узкого каньонообразного русла, известного среди местных жителей под названием Мекегинского ущелья.

Занятое стоянкой место представляет собой небольшой мысок, ограниченный руслом потока и оврагом. В настоящее время значительная часть этого мыска уничтожена карьером для добычи глины, устроенным здесь жителями хутора.

В разрезах упомянутого карьера, на большой глубине был обнаружен слой, содержащий культурные остатки раннемезолитической эпохи. В 1958—59 гг. здесь произведены небольшие разведочные раскопки, которыми вскрыта площадь 6 кв. м. В результате этих работ

⁹⁵ Определения Н. К. Верещагина и К. Н. Золотова.

⁹⁶ Л. А. Варданянц. Постплиоценовая история кавказско-черноморско-каспийской области. Ереван, 1948, стр. 152—153.

в нашем распоряжении оказалась небольшая, но интересная коллекция кремневых изделий, позволяющая составить известное представление о культуре памятника. Изучена и его стратиграфия, представляющая весьма необычной, во всяком случае значительно отличающейся от стратиграфических условий залегания верхнепалеолитических и мезолитических культурных напластований Чохской стоянки и стоянки Козьма-нохо.

В разрезах Мекегинской стоянки прослежена следующая стратиграфия слоев:

Гумусный слой	0,1—0,2 м
Серый комковатый суглинок рыхлой структуры с захоронениями середины I тыс. н. э.	0,3—0,8 м
Древний гумус	0,1—0,15 м
Прослойка супеси со щебнем и дрсвой	0,1—0,12 м
Чрезвычайно плотный желтовато-серый суглинок с отчетливо прослеживаемой горизонтальной слоистостью	0,5—0,6 м
Прослойка супеси с дрсвой	0,05—0,12 м
Чрезвычайно плотный зеленоватый суглинок с горизонтальной слоистостью	0,4—0,5 м
Прослойка плотного темносерого суглинка с культурными остатками	0,05—0,1 м

Необычность стратиграфического положения культурного слоя Мекегинской стоянки определяется не только значительной глубиной его залегания (более 2-х м. от современной поверхности), но также и характером перекрывающей его мощной толщи суглинков. Чрезвычайная плотность этих суглинков и отчетливо выраженная горизонтальная слоистость наводят на мысль о том, что они являются осадочными, аллювиальными отложениями.

Судя по незначительной мощности и слабой насыщенности культурного слоя, человеческая деятельность в данном месте носила эпизодический характер. Культурный слой содержит кремневые изделия, обломки костей животных, отличающиеся плохой сохранностью, мелкие древесные угольки, следы золы.

Всего на исследованном участке найдено около 100 кремней, большинство которых составляют отходы производства — осколки, обломки, аморфные куски. Необычна находка двух крупных, весом в несколько килограммов, округлых желваков качественного мелового кремня, покрытых желвачной коркой, местами уничтоженной грубыми сколами. Они представляют собой, по-видимому, запасы сырья.

Среди законченных изделий выделяется нуклеус неправильно призматической формы с ровной ударной площадкой и следами отделения пластин с трех сторон (рис. 38, 24). Подобные нуклеусы характерны

для верхнепалеолитических и раннемезолитических комплексов. В качестве аналогии укажем на сходные формы ядрищ из некоторых верхнепалеолитических памятников Черноморского побережья Кавказа⁹⁷ и Армении⁹⁸. Близкие формы ядрищ встречены и в инвентаре V—III слоев Чохской стоянки.

Помимо описанного экземпляра, в Мекегинской стоянке обнаружен обломок аналогичного ядрища (рис. 38, 23), свидетельствующий о широком бытовании здесь этой формы нуклеусов.

Значительную серию находок (16 экз.) образуют ножевидные пластины (рис. 38, 7—9, 15—18). Показательно отсутствие массивных, широких пластин, весьма характерных для верхнепалеолитического инвентаря Чохской стоянки.

В качестве заготовок использовались и отщепы, представленные в Мекегинской стоянке 7 экземплярами (рис. 38, 19—21).

Знакомство обитателей Мекегинской стоянки с микролитической техникой документируют находки 8 микропластин и их обломков (рис. 38, 1—6) и трех сечений пластин геометрических очертаний со следами вторичной обработки (рис. 38, 10—12).

Среди других орудий труда следует отметить находку обломка острия типа граветт (рис. 38, 14), орудия типа концевой скребка с небрежно обработанным прямым рабочим краем (рис. 38, 13). Интересна находка ретушера, в виде короткого массивного стержня, которому путем тщательного подтесывания придана уплощенная форма (рис. 38, 22). Подобного рода ретушеры, появившиеся еще в верхнепалеолитическую эпоху⁹⁹, бытуют вплоть до конца каменного века.

Остеологические находки из культурного слоя Мекегиной стоянки немногочисленны. Всего здесь найдено 26 фрагментов костей животных, отличающихся чрезвычайно плохой сохранностью. Определение показало, что большинство костей принадлежит диким мелким жвачным (Carnivinae), а два обломка, предположительно, собаке¹⁰⁰. Находка костей собаки представляет большой интерес, ибо, насколько известно, до сих пор остатки этого животного не были известны на Кавказе в столь ранних комплексах.

Глубокая древность Мекегинской стоянки определяется, прежде всего, своеобразием залегания ее культурного слоя. Наблюдения над стратиграфией памятника позволяют заключить, что после образования культурного слоя данный участок оказался затопленным водой, покрывавшей его длительное время, в продолжение которого образовалась

⁹⁷ С. Н. Замятнин. Изучение палеолитического периода на Кавказе, рис. 1, 15, 16.

⁹⁸ М. З. Паничкина. Палеолит Армении, рис. 27, 25.

⁹⁹ С. А. Семенов. Каменные ретушеры позднего палеолита. МИА, № 39, 1953, рис. 6, в, д.

¹⁰⁰ Определения доцента Дагсельхозинститута К. Н. Золотова.

мощная толща плотных суглинков, перекрывших прослойку с культурными остатками. Определение времени, характера и причин этого явления должно стать предметом специального изучения геологов-четвертичников. Для нас важно в данном случае подчеркнуть геологические свидетельства глубокой древности Мекегинской стоянки.

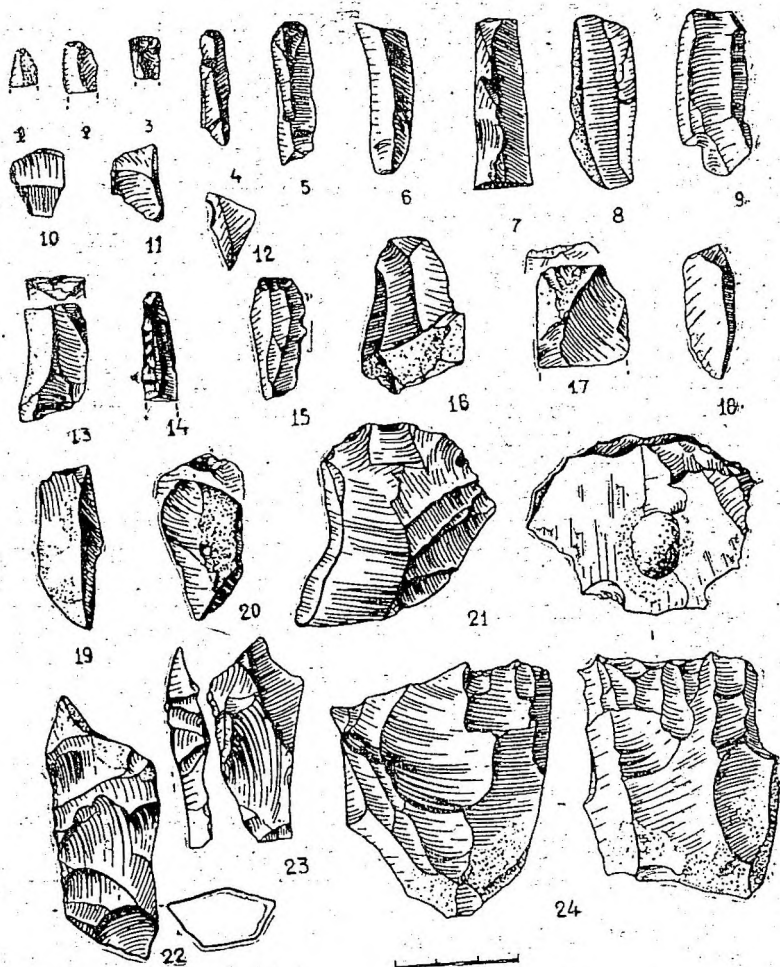

Рис. 38. Инвентарь культурного слоя Мекегинской стоянки (1—6—микропластинки, 7—9, 15—18 — пластины, 10—12 — сечения пластин, 13 — атипичный скребок, 14 — обломок острия граветт, 22 — ретушер, 23 — обломок нуклеуса, 24 — нуклеус).

Решающая роль в определении возраста данного памятника, естественно, принадлежит кремневому инвентарю. К сожалению, немногочисленность кремневых изделий и отсутствие сколько-нибудь значительных серий законченных орудий не позволяет достаточно точно определить возраст представленного здесь комплекса находок. Основываясь на отмеченных выше особенностях нуклеусов, заготовок и орудий труда, можно не впадая в большую ошибку, датировать его самым концом верхнепалеолитической эпохи — началом мезолита. Не противоречит предложенной дате и находка костей собаки. Как известно, приручение этого животного произошло в конце верхнего палеолита — раннем мезолите¹⁰¹.

Предложенная дата, разумеется, является предварительной. Уточнение ее станет возможным после дополнительных исследований Меке-тинской стоянки с неизменным участием геологов.

4. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ В УРОЧИЩЕ САГА-ЦУКА

Сведения об урочище Сага-цука приводились в предыдущей главе. Там же отмечалось, что в его южной части наряду с нижнепалеолитическими находками были обнаружены и верхнепалеолитические изделия. Совместное нахождение разновременных палеолитических изделий в одном местонахождении, — явление несколько необычное, но наблюдаемое также и в других памятниках Кавказа¹⁰².

При определении принадлежности собранных здесь изделий к нижне- или верхнепалеолитическому комплексу главное внимание обращалось на их морфологические особенности, в которых проявлялись характерные приемы расщепления и вторичной обработки, свойственные технике каждой из названных эпох. Мало помогают в этом отношении и наблюдения над качеством материала и характером патины, ибо в обоих случаях использовался один и тот же меловой камень, различная степень патинизации которого далеко не всегда может служить критерием для определения древности изделий, на что также было обращено внимание в предыдущей главе.

Верхнепалеолитический комплекс из Сага-цука включает 49 различных поделок, в большинстве своем — удлиненных пластин и их обломков. Наряду с ними встречены и законченные орудия: массивный нуклевидный скребель, скребок, орудие типа стамески и острия разных

101. В. А. Городцов. К истории приручения собаки в пределах СССР по данным археологии. В сб. «Проблема происхождения эволюции и породообразования домашних животных», т. I. М.—Л., 1950; стр. 151—152; Д. А. Крайнов. К вопросу о происхождении животноводства в юго-западном Крыму в послепалеолитическое время. СА, 1957, № 2, стр. 10—13.

102. С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937, стр. 9.

типов. Все они изготовлены из качественного мелового кремня и покрыты голубовато-белой, реже плотной белой патиной. Сохранность кремневых изделий хорошая.

Пластины и их обломки. Основную массу материалов данной коллекции составляют ножевидные пластины и их обломки (42 экз.). Целые экземпляры отличаются удлиненными пропорциями. На спинках обычно имеются следы двух-трех параллельных сколов (рис. 39, 6—9). Встречаются пластины, на спинках которых сохранилась желвачная корка (рис. 39, 5). Боковые края нередко несут на себе следы сработанности в виде выщербинок и изъязнцев, а в отдельных случаях — подправлены участками ретуши.

Нуклевидный скобель. Характерной принадлежностью данного комплекса является массивный скобель, изготовленный из крупного килевидного нуклеуса с широкой, сильно вытянутой по сагитальной линии ударной площадкой, узкой фронтальной стороной и клиновидно заостренным основанием (рис. 39, 11). Такого рода нуклеусы, насколько нам известно по публикациям, не характерны для кавказского палеолита. Они распространены в верхнепалеолитических комплексах Европейской части СССР и Сибири¹⁰³.

Полукруглый рабочий край данного орудия подправлен мелкой краевой ретушью, что позволяет отнести его к категории массивных нуклевидных скобелей. Как известно, нуклевидные изделия широко распространены в верхнепалеолитических памятниках Кавказа, однако, и здесь столь крупные экземпляры являются редкостью. Среди известных нам орудий этого типа некоторое сходство с описанным экземпляром обнаруживает крупный нуклевидный скобель, найденный в пятом слое второго Ябрудского навеса (Сирия), датированном средней порой верхнего палеолита (средний ориньяк по А. Русту)¹⁰⁴.

Скребок. Характерной категорией верхнепалеолитического инвентаря являются скребки различных типов. Экземпляр из Сага-цука относится к числу атипичных концевых. Он изготовлен на крупной ножевидной пластине неправильных очертаний (рис. 39, 10). Округлый рабочий край небрежно оформлен довольно грубой ретушью. Участки ретуши имеются и на боковых краях орудия. Подобного рода концевые скребки характерны для верхнепалеолитических комплексов юга нашей страны. В Закавказье, в частности, они встречены в пещерных навесах Мгвмевеи¹⁰⁵, в пещере Сакаджи¹⁰⁶, на Северном Кавказе — в верхних

¹⁰³ М. З. Паничкина. О двух типах верхнепалеолитических нуклеусов. КС. ИИМК, 75, 1959, стр. 57—62.

¹⁰⁴ Alfred Rust. Die Höhlenfunde von Jabrud (Syrien). Neumünster, 1950., taf. 83, 13.

¹⁰⁵ С. Н. Замятин. Пещерные навесы Мгвмевеи, близ Чиатуры, стр. 64; его же. Палеолит Западного Закавказья, рис. 24, 1—6.

¹⁰⁶ Г. К. Ниорадзе. Человек каменного века в пещере Сакаджи. Тбилиси, 1953, рис. 66, 71, 74, 85.

слоях Ахштырской пещеры¹⁰⁷, в Крыму — в двух нижних слоях пещеры Сюрень I¹⁰⁸.

Орудие типа стамески (1 экз.). Найденное в Сага-цука орудие типа стамески (pièce écaillée) изготовлено на удлинённой пластине путем скалывания с обеих сторон тонких длинных чешуек (рис. 39, 3). Аналогичные орудия являются характерной принадлежностью инвентаря верхнепалеолитических местонахождений Закавказья¹⁰⁹ и Крыма¹¹⁰.

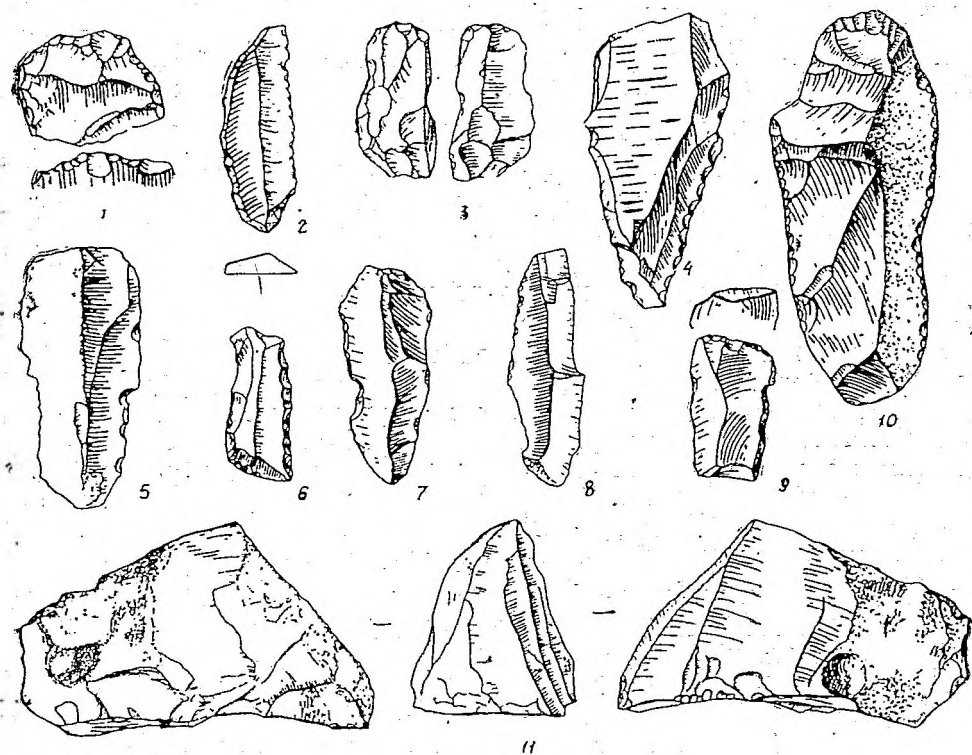

Рис. 39. Верхнепалеолитические изделия местонахождения Сага-цука (1, 2—острия типа шательперрон, 3 — орудие типа стамески, 4 — массивное острие, 5—9 — пластины, 10 — концевой скребок, 11 — массивный скобель).

¹⁰⁷ С. Н. Замятнин. Изучение палеолитического периода на Кавказе, стр. 134, рис. 4, 6, 7.

¹⁰⁸ Е. А. Векилова. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий, рис. 16, 1, 5, рис. 20, 8—11.

¹⁰⁹ М. З. Паничкина. К вопросу о верхнем палеолите Армении. ИАН Арм. ССР. Общественные науки, 1948, № 7, рис. 2, 12.

¹¹⁰ Е. А. Векилова. Указ. соч., рис. 17, 4, 5, 7.

Острия. Весьма типичны и найденные здесь острия (4 экз.). Наряду с простейшими разновидностями (2 экз.), представляющими собой пластины и отщепы с суживающимися, дополнительно приостренными ретушью концами (рис. 39, 4), здесь обнаружены также и более совершенные формы этих орудий. К ним относятся 2 острия типа шательперрон (рис. 39, 1, 2), у одного из которых на изогнутом притупленном крае оставлен небольшой выступ (рис. 39, 1). Отмеченная особенность сближает его с подобным же орудием, найденным в V слое Чохской стоянки¹¹¹.

В целом, рассмотренный комплекс изделий из Сага-цука несет на себе ряд признаков, характерных для верхнепалеолитических памятников Кавказа. Это становится особенно очевидным после ознакомления с небольшой, но выразительной группой законченных орудий, в которой представлены некоторые руководящие типы верхнепалеолитического инвентаря. Однако, их, к сожалению, недостаточно для уточнения предложенной даты.

5. БЕЛИДЖИНСКАЯ ЧАША ИЗ КОСТИ МАМОНТА

Зимой 1954 г. при строительных работах в окрестностях станции Белиджи Дербентского района была обнаружена интересная костяная поделка¹¹². Точными сведениями о месте и условиях ее нахождения мы не располагаем. Удалось установить, что она найдена неподалеку от известного средневекового городища торлах-кала, расположенного на северо-западной окраине пос. Белиджи¹¹³ на большой (?) глубине.

Прекрасная сохранность находки свидетельствует о том, что она не подвергалась сколько-нибудь значительному перемещению и, вероятно, происходит из древнего культурного слоя.

Она представляет собой сравнительно крупную (диам. 154 мм, выс.—89 мм) полусферическую чашу, изготовленную из головки левой бедренной кости мамонта (*Elephas primigenius* Blum.)¹¹⁴, у которой срезан латеральный край и удалена заполнявшая ее губчатая субстанция (рис. 40).

На ее внутренней поверхности отчетливо видны короткие, перекрывающие друг друга следы орудия, которым производилась обработка. Судя по ним, для этой цели применялось каменное орудие типа долотца или стамески с острым рабочим краем шириной около 12 мм. Наи-

¹¹¹ См. рис. 27, 10 в наст. работе.

¹¹² Она была передана обнаружившими ее лицами краеведческому кружку при Белиджинской средней школе. Руководитель кружка, краевед-энтузиаст К. М. Берестовая, немало сделавшая для выявления и охраны многих памятников древности в окрестностях пос. Белиджи, сохранила эту уникальную находку и передала ее в 1957 году сотрудникам I-го горного отряда ДАЭ.

¹¹³ Очерки истории Дагестана: Т. I, Махачкала, 1957, стр. 33.

¹¹⁴ Определения Н. К. Верещагина.

более тщательно обработаны боковые стенки чаши, в то время как дно ее покрыто выступами, перемежающимися со сравнительно глубокими (более 1 мм) насечками и зазубринами. Эти неровности, являющиеся следами обрабатывающего орудия, свидетельствуют о неоднократных, но безуспешных попытках выровнять дно чаши. Ее края с медиальной стороны сохраняют естественные неровности кости, а с противоположной стороны имеют зигзагообразные очертания, образованные не менее чем шестью последовательными срезами, уничтожившими латеральный край. Изучение следов обработки помогает решению вопроса о времени изготовления данной находки.

Интересные соображения высказал по этому поводу доцент Дагсельхозинститута К. Н. Золотов. По его мнению, довольно высокое качество обработки внутренних поверхностей чаши и отчетливо сохранившиеся на них следы действия инструмента свидетельствуют о том, что для ее изготовления использована свежая, не потерявшая еще естественной влажности, кость незадолго перед тем погибшего животного. В противном случае, при использовании для этой цели «сухой» кости, качество обработки было бы значительно более худшим. Это объясняется тем, что высохшая губчатая субстанция сильно крошится под воздействием орудия, которое в этом случае не оставляет на ней следов, тогда как, будучи свежей, она легко поддается обработке. Основываясь на этих наблюдениях можно заключить, что Белиджинская чаша была изготовлена человеком, являвшимся современником мамонта¹¹⁵. Последний же, как известно, считается характерным представителем фаунистического комплекса эпохи верхнего палеолита¹¹⁶. Правда, на Кавказе обнаружены остатки карликового мамонта, существовавшего, как полагают специалисты, и в послепалеолитические эпохи, — в мезолите и даже неолите¹¹⁷. Однако Белиджинская чаша изготовлена из кости обычного, крупного мамонта, что позволяет предполагать ее верхнепалеолитический возраст.

Не противоречат такому предположению и геологические данные. Станция Белиджи расположена на первой древней морской террасе, уступ которой южнее Дербента возвышается на 28 м над современным уровнем Каспийского моря, а западный край постепенно поднимается до 70-метровой отметки¹¹⁸. Сложенная конгломератами и детритусовыми известняками, она перекрыта отложениями хвалынской трансгрессии

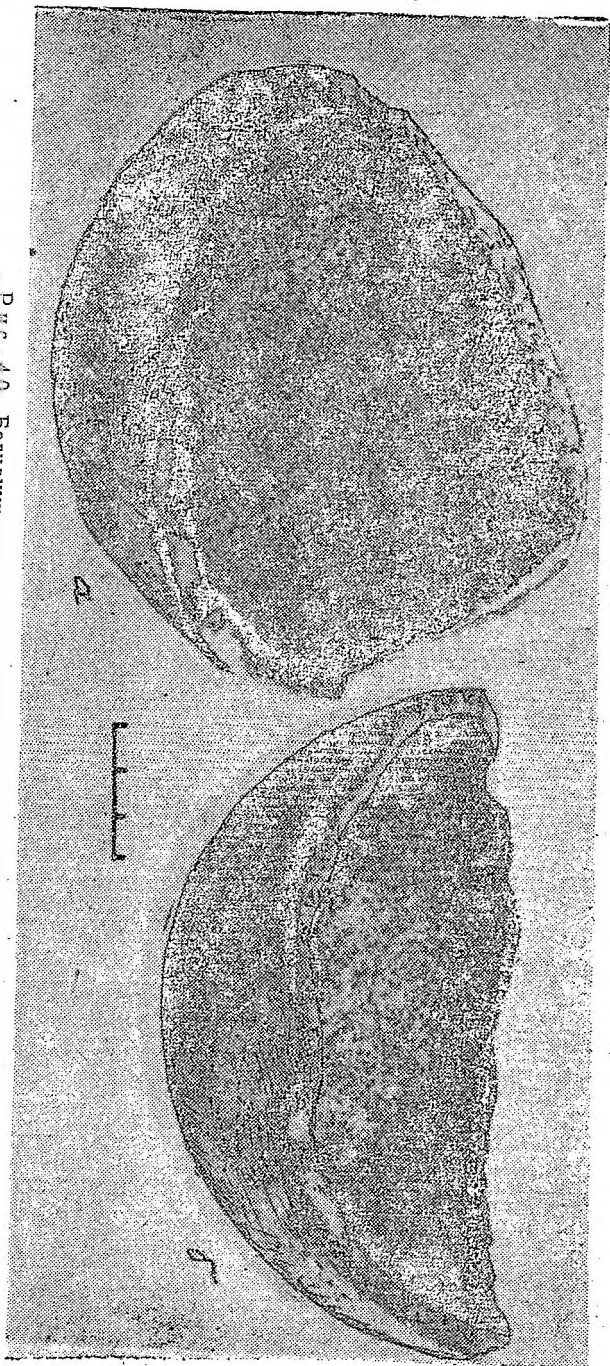
¹¹⁵ Ознакомившиеся с Белиджинской чашей в апреле 1958 г., М. М. Герасимов и С. А. Семенов подтвердили правильность соображений о ее изготовлении из свежей кости с помощью каменных орудий. По свидетельству М. М. Герасимова аналогичные следы обработки наблюдались на костях мамонтов, употреблявшихся при сооружении жилищ на стоянке Мальта.

¹¹⁶ В. И. Громов. Краткий очерк истории четвертичной фауны СССР. «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, М.—Л., 1950, стр. 43.

¹¹⁷ Н. К. Верещагин. Млекопитающие Кавказа, стр. 418—419.

¹¹⁸ В. Л. Голубятников. Морские и речные террасы Дагестана. Тр. АИЧПЕ, вып. III, М.—Л., 1937, стр. 31.

Р и с. 40. Велиджинская чаша из кости мамонта (верхний палеолит).

Каспия¹¹⁹, соответствующей по времени эпохе вюрмского оледенения. Учтывая, что средняя часть первой террасы, где находится ст. Белиджи (высотные отметки — 40—50 м), освободилась от вод Каспия после спада максимума хвалынской трансгрессии, деятельность человека в данном районе стала возможной, по-видимому, лишь в конце эпохи верхнего палеолита. Вероятно, именно этим временем следует датировать и описанную находку.

Белиджинская чаша, бесспорно, является уникальной находкой. Подобного рода изделия, насколько нам известно, довольно редко встречаются в верхнепалеолитических и мезолитических комплексах. Известны, например, находки костяных чаш из верхнепалеолитической стоянки Долни-Вестонице, в Чехословакии и других памятников этого времени¹²⁰. Однако, в отличие от Белиджинского экземпляра, они изготовлены из человеческих черепов. Совершенно очевидно, что это потребовало значительно меньших затрат труда, ибо человеческий череп после удаления лицевых костей и выравнивания краев образует превосходную естественную сферу. Искусственное изготовление сферической полости, наблюдаемое на примере Белиджинской чаши, предполагает более значительный опыт и навыки, очевидно, накопленные многими поколениями палеолитических резчиков кости. А это в свою очередь свидетельствует о том, что потребность в подобного рода изделиях возникла у них значительно раньше.

Назначение верхнепалеолитических чаш остается неясным. С одинаковой степенью вероятности можно видеть в них предметы ритуального назначения и бытовую утварь. Бесспорно то, что они являются древнейшими из известных нам емкостей, изготовленными верхнепалеолитическим человеком из одного из наиболее широко употреблявшихся им материалов. Очевидно, они являются самыми ранними предшественниками глиняных и, вероятно, плетеных сосудов.

* *
*

Подведем некоторые итоги. Рассмотренные материалы верхнепалеолитических и мезолитических памятников Дагестана, несмотря на их фрагментарный характер, представляют первостепенный интерес, ибо они впервые заполняют существенный пробел в наших знаниях о культуре Северо-Восточного Кавказа в указанные эпохи.

Основываясь на этих материалах, мы можем уверенно заключить, что человеческая деятельность, начавшаяся на территории Дагестана

¹¹⁹ Вл. Голубятников. Геология и полезные ископаемые третичных отложений Дагестана. М.—Л., 1940, стр. 101—102.

¹²⁰ П. И. Борисковский. Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы. I. СА, XXVII, 1957, стр. 42; С. Н. Замятин. Палеолитические погребения. В сб. «Очерки по палеолиту» М.—Л., 1961, стр. 33.

в эпоху нижнего палеолита, продолжалась здесь без значительных перерывов и в последующие эпохи каменного века. Сказанное целиком относится к горному Дагестану, откуда происходит основная масса известных в настоящее время материалов различных периодов верхнего палеолита и мезолита. Судя по ним, горный Дагестан имел в это время постоянное и, можно думать, относительно густое население, накопившее значительный практический опыт организации быта в условиях горного ландшафта и специализировавшее свою хозяйственную деятельность в охоте на диких баранов и козлов.

Особую важность и интерес представляют археологические материалы, характеризующие верхнепалеолитическую и мезолитическую культуру Дагестана.

Немногочисленность материалов, относящихся к ранним периодам верхнего палеолита, не дает возможности выяснить характерные особенности дагестанской культуры этого времени. Устанавливаемое ими переживание мустьерских традиций в технике обработки кремня вряд ли свидетельствует о какой-либо своеобразии данной культуры, а является скорее хронологическим показателем, указывающим на существование культурно-исторических, преемственных связей с предшествующей, мустьерской эпохой.

Этот недостаток до некоторой степени компенсируется обилием материалов, относящихся к позднему этапу верхнего палеолита Дагестана и позволяющих не только установить характерные особенности культуры данного этапа, но также и проследить отдельные последовательные фазы ее развития.

Одна из характерных особенностей дагестанской культуры этого времени состоит в том, что она имеет ярко выраженный ориньякский облик, который придают ей широко распространенные в кремневом инвентаре нуклеидные орудия и разнообразные по форме острия с приглушенным краем (типа шательперрон, граветт и др.). Отмеченная особенность является отличительной чертой кавказского верхнего палеолита¹²¹. В той же степени она присуща и верхнепалеолитическим культурам сопредельных областей, — Крыма¹²² и Восточного Средиземноморья¹²³. Основываясь на этом, С. Н. Замятин включил данную территорию в средиземноморско-африканскую культурно-историческую провинцию верхнего палеолита¹²⁴. И хотя в последнее время тезис С. Н. Замятина о сходстве путей развития верхнепалеолитической

¹²¹ С. Н. Замятин. Новые данные по палеолиту Закавказья, стр. 116—123.

¹²² Е. А. Векилова. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий, стр. 314—316.

¹²³ D. Garrod and D. Bate. The stone age of mount Carmel. Oxford, 1937; A. Rust. Die Höhlenfunde von Jabrud; R. Neuville. Le paléolithique at le mésolithique du désert de Judée. Paris, 1951; C. Coon. Cave explorations in Iran 1949. Philadelphia, 1951.

¹²⁴ С. Н. Замятин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Тр. ИЭ АН СССР, нов. серия, т. XVI, 1951, стр. 131—136.

культуры на всей этой обширной территории встречает критические возражения¹²⁵, близость верхнепалеолитических культур очерченного ареала, включающего Восточное Средиземноморье, Кавказ, Крым и, очевидно, Среднюю Азию¹²⁶, вряд ли может вызвать сомнения. Истоки этой близости вероятнее всего следует искать в особенностях культуры предшествующей мустьерской эпохи. Совершенно правы, на наш взгляд, исследователи, связывающие южные верхнепалеолитические культуры ориньякского облика с мустьерской культурой, характеризующейся изготовленным на отщепях инвентарем¹²⁷ и, добавим, леваллуазскими традициями в технике обработки камня. В пользу этого свидетельствует также и совпадение ареалов бытования своеобразных леваллуа — мустьерских и ориньякских верхнепалеолитических культур.

Другой не менее важной особенностью характеризующей культуры является наличие сравнительно большого количества микролитовидных изделий в инвентаре, в том числе и геометрических микролитов. Данная особенность в той же мере свойственна верхнепалеолитическим культурам Кавказа и Крыма¹²⁸.

Таким образом, культура горного Дагестана на заключительном этапе верхнего палеолита характеризуется теми же признаками, что и синхронные культуры Кавказа, Крыма и других сопредельных областей. В то же время ей свойственны некоторые формы кремневых изделий, получившие особенно широкое распространение в инвентаре кавказских памятников (острия со скошенным краем, микроострия с вытянутым жальцем и особенно микролитические вкладыши в форме асимметричного треугольника). Наличие указанных форм придает расматриваемой культуре специфически кавказский облик.

В заключение отметим, что в данной культуре прослеживаются и такие элементы, которые не характерны для других верхнепалеолитических памятников Кавказа. В их числе следует отметить отсутствие выработанных устойчивых типов резцов, получивших широкое распространение в других памятниках Кавказа, малочисленность и бедность форм костяного инвентаря, наличие острий с изогнутым притупленным краем (типа шательперрон), крайне немногочисленных в других кавказских памятниках и, наконец, наличие геометрических вкладышей в форме трапеции, совершенно не представленных в других кавказских

¹²⁵ А. А. Формозов. О «капсийском характере» палеолита Кавказа. КСИЭ, XXX, 1958, стр. 159—165.

¹²⁶ А. П. Окладников. Древнейшие археологические памятники Краснодарского полуострова. Тр. ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 73—104; его же. Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы. «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959, стр. 170.

¹²⁷ А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. МИА, № 71, 1958, стр. 118—119.

¹²⁸ С. Н. Замятин. Указ. соч., стр. 116—118; Е. А. Векилова. Указ. соч., стр. 316.

стоянках. Отмеченные черты определяют локальное своеобразие верхнепалеолитической культуры заключительного этапа верхнего палеолита горного Дагестана по отношению к синхронной культуре Закавказья.

Мезолитическая культура горного Дагестана выросла на основе культуры предшествующей верхнепалеолитической эпохи и представляет собой новую более высокую ступень ее развития, ознаменовавшуюся почти полным исчезновением палеолитических форм в инвентаре и расцветом микролитической вкладыщевой техники. Основным, наиболее широко употребительным типом вкладыща становится правильная микропластинка; наряду с нею встречаются в некотором количестве геометрические микролиты. Судя по тому, что многие особенности мезолитической культуры Дагестана прослеживаются также в синхронной культуре Кабарды, можно рассматривать их, как отражение общих закономерностей развития мезолита Кавказа в целом, или по крайней мере, его северных областей.

К сожалению, мы не располагаем в настоящее время материалами, характеризующими процесс развития верхнепалеолитической и мезолитической культуры в приморском Дагестане. Ярко выраженный микролитовидный характер раннего неолита, устанавливаемый материалами Буйнакской и Тарнаирской стоянок, позволяет предполагать здесь существование микролитовидной культуры в тарденуазскую эпоху, по-видимому во многом сходной с рассмотренной культурой горного Дагестана. Однако высказывать на этом основании какие-либо прогнозы о возможном облике раннемезолитической и, особенно верхнепалеолитической культуры было бы весьма рискованным. Особенно настораживает находка описанной выше чаши из кости мамонта, которая может указывать на совершенно иную специализацию хозяйства верхнепалеолитических насельников данного района (в охоте на крупных толстокожих животных), что, очевидно, должно было отразиться в известной мере и на самом облике культуры. С другой стороны, прекрасная отделка упомянутой чаши свидетельствует о высоком уровне развития техники обработки кости, которая в горном Дагестане, как мы видели на материалах Чохской стоянки, не получила значительного развития. Все это, повторяем, заставляет проявлять сдержанность в оценке возможного облика верхнепалеолитической культуры приморских районов Дагестана. Вопрос этот может быть решен только после накопления соответствующих данных.

Рассмотренные материалы верхнепалеолитических и мезолитических памятников Дагестана раскрывают перед нами не только облик культуры этих эпох, но также характеризуют процесс непрерывного роста производительных сил первобытного общества. На смену примитивной нижнепалеолитической технике, характеризовавшейся ограниченным набором слабо дифференцированных по назначению орудий, зачастую изготовленных из малокачественных пород камня и предназначенных почти исключительно для разделывания туш убитых животных, приходит более прогрессивная верхнепалеолитическая техника.

Значительно возросли требования к качеству исходного материала. Для изготовления орудий используется качественный меловой кремний. Верхнепалеолитические орудия отличаются не только высокой техникой обработки, но также разнообразием типов и форм, дифференцированностью назначения. В разнообразном ассортименте верхнепалеолитического инвентаря встречаются предметы охотничьего вооружения, орудия для разделывания туш убитых животных, обработки их шкур, изготовления одежды и иного, самого различного назначения. На заключительном этапе верхнего палеолита развивается микролитическая вкладышевая техника, свидетельствующая об оснащении охотников весьма совершенным метательным оружием и, что особенно существенно, о довольно раннем (как и повсеместно на Кавказе¹²⁹) появлении лука и стрел. Изобретение лука и стрел сыграло исключительно важную роль в истории человеческого общества. Энгельс указывает, что благодаря луку и стрелам «дичь стала постоянной пищей, а охота — одной из нормальных отраслей труда»¹³⁰.

Дальнейшее развитие производительных сил происходит в мезолитическую эпоху. Этот период характеризуется расцветом вкладышевой техники, достигшей высокой степени совершенства. Высокий уровень обработки кремня обеспечил оснащение охотничьего вооружения и иного инвентаря правильными, почти стандартными формами вкладышей. Это повлекло за собой измельчение форм и сокращение типов кремневого инвентаря, расцениваемое некоторыми представителями буржуазной науки, как свидетельство упадка техники в мезолите. Несостоятельность этих представлений раскрыта советскими учеными, убедительно показавшими прогрессивную сущность данного явления, связанного с широким распространением метательного вооружения и употреблением лука со стрелами¹³¹. Последнее в свою очередь привело к тому, что на смену широко практиковавшейся в палеолите загонной охоте пришли новые способы добывания пищи, в том числе и индивидуальная охота с помощью метательного оружия и лука со стрелами¹³². Все это создало предпосылки для одомашнивания некоторых видов животных¹³³, что стимулировало новый значительный подъем производительных сил в последующую неолитическую эпоху.

¹²⁹ С. Н. Замятнин. Палеолит Западного Закавказья, I, стр. 492; его же. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. Тр. ИЭ АН СССР, новая серия, т. LIV, М.—Л., 1960, стр. 100.

¹³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1949, стр. 175.

¹³¹ С. Н. Бибииков. Позднейший палеолит Крыма. В сб. «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. М.—Л., 1950, стр. 121—122; С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода, стр. 133.

¹³² С. Н. Замятнин. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита, стр. 86—88.

¹³³ Д. А. Крайнов. К вопросу о происхождении животноводства в юго-западном Крыму в послепалеолитическое время, стр. 8—25.

НЕОЛИТ

Неолитические памятники выявлены на территории Дагестана в большем количестве, чем памятники других периодов каменного века. Общее число известных здесь в настоящее время местонахождений этой эпохи достигает 20. Среди них имеются стоянки с сохранившимся культурным слоем, местонахождения открытого типа на местах стоянок с разрушенным культурным слоем и кремневых мастерских, местонахождения единичных изделий неолитического облика. Материалы разных памятников неодинаковы в количественном отношении. Различаются они и по научной значимости. Стратифицированных комплексов в нашем распоряжении совсем немного, тогда как преобладающее большинство материалов получено в результате сборов на современной поверхности.

В силу указанных причин значение многочисленных и интересных материалов, имеющих в нашем распоряжении, в известной мере обесценивается, ибо в них не находят в полной мере своего отражения важнейшие события культурно-исторического развития, имевшие место в неолите. Однако они в известной мере удовлетворяют одной из главных задач данной работы, направленной на выявление основных закономерностей развития дагестанских культур на протяжении эпохи камня.

Неолитические памятники выявлены в настоящее время в приморских (Тарнаир), предгорных (Буйнакская стоянка) и, главным образом, горных районах Дагестана. В горном Дагестане 15 памятников этого времени (стоянок, кремневых мастерских и местонахождений единичных поделок) обнаружено в Акушинском районе, в неоднократно упоминавшихся выше Усишинской и Акушинской долинах. 3 стоянки финального неолита выявлены в окрестностях сел. Ругуджа Гунибского района, в долине реки Багар-ор.

Материалы этих памятников характеризуют последовательные этапы развития неолитической культуры на ее раннем, позднем и заключительном этапах.

I. БУЙНАКСКАЯ И ТАРНАИРСКАЯ СТОЯНКИ

Ранний этап неолитической культуры представлен в достаточно ярких и выразительных комплексах Буйнакской и Тарнаирской стоянок, расположенных соответственно в предгорной и приморской зонах Даге-

стана. Оба эти памятника обнаружены В. И. Марковиным, давшим и первую интерпретацию собранных на них материалов. В достаточно подробных публикациях названного автора в полной мере освещены вопросы, связанные с характеристикой условий расположения памятников на местности, условий нахождения материала и др.¹ Поэтому, не останавливаясь на этих вопросах, мы обратимся к непосредственному рассмотрению самих материалов.

Главное внимание нами обращено на материалы Буйнакской стоянки, образующие единый хронологический и культурно-исторический комплекс. Материалы из Тарнаира, где встречены разновременные находки, в том числе и относящиеся к хронологически близкой энеолитической эпохе, являются менее надежными для наших целей.

Основную массу находок на Буйнакской стоянке составляют микролитические изделия, главным образом, правильные микропластинки и изготовленные из них микролиты и микролитические орудия (рис. 41, 1—5). Значительную группу изделий образуют правильные миниатюрные нуклеусы карандашевидной формы, предназначенные для отделения микропластинок² (рис. 41, 10—12). Аналогичные изделия (микропластинки, микролиты и карандашевидные нуклеусы) в значительном числе представлены в Тарнаирском комплексе находок³ (рис. 41, 6—9).

По своему облику и технике обработки указанные изделия обнаруживают большую близость с тарденуазскими. Разумеется, это нельзя считать случайным. Известно, что раннеолитические культуры ряда областей юга нашей страны сохраняют традиции предшествующей мезолитической эпохи⁴. Очевидно, и в данном случае мы имеем дело с пережиточным бытованием тарденуазских приемов в неолите, свидетельствующим о наличии преемственных культурно-исторических связей между этими эпохами. Отмеченная особенность является в то же время важным хронологическим эталоном, указывающим на раннеолитический возраст рассматриваемых памятников.

Сравнивая микролитовидный инвентарь характеризуемых стоянок с инвентарем тарденуазских памятников горного Дагестана, нетрудно убедиться, что микролитическая техника раннего неолита развивалась в том же направлении, что и в предшествующую эпоху.

¹ В. И. Марковин. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан). КС ИИМК, 67, 1957, стр. 117—124; В. И. Марковин и Р. М. Мунчаев. Неолитическая стоянка близ города Буйнакск (Дагестан). Там же, стр. 78—82; В. И. Марковин. Неолитическая стоянка близ Махачкалы, МАД, I, Махачкала, 1959, стр. 21—30.

² В. И. Марковин и Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 30.

³ В. И. Марковин. Неолитическая стоянка близ Махачкалы, стр. 23, 26.

⁴ В. М. Даниленко. Допитання про ранній неоліт південної Наддніпрянини. «Археологія», т. III, Київ, 1950, стр. 119; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 181—196; Д. Я. Телегин. Неолитические памятники среднего течения Северного Донца. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 159—167; А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 84.

Мы имеем в виду исключительно важную роль правильной микролитической пластинки более или менее стандартной формы, которая в тарденуазских комплексах занимала ведущее положение среди микролитических вкладышей других форм, а в ранненеолитических, судя по материалам рассматриваемых памятников, — она стала практически единственным типом микролитического вкладыша. Встречавшиеся в небольшом числе в тарденуазских комплексах треугольные геометрические микролиты, изготовленные из сечений ножевидных пластин, в неолитических комплексах не представлены. Значительные изменения претерпели в неолите трапециевидные микролиты, представляющие собой по сути дела все ту же микропластинку со скошенными в противоположных направлениях краями (рис. 41, 3, 5, 7). Появляется новый тип трапециевидного микролита с затупленным ретушью верхним краем (рис. 41, 4).

Не исключено, что одним из следствий процесса микролитизации кремневого инвентаря в раннем неолите является почти полное исчезновение ножевидных пластин, отличающихся более или менее крупными размерами. Во всяком случае, в инвентаре Буйнакской стоянки подобного рода пластины не представлены, хотя в Тарнаирском комплексе они имеются⁵.

Среди других орудий, встреченных в большом числе в обоих памятниках, укажем скребки, отличающиеся, как правило, небольшими размерами и округлой формой, что, очевидно, также является свидетельством переживания мезолитических тарденуазских традиций.

Совершенно новым элементом неолитической техники, резко контрастирующим с крайней микролитизацией кремневого инвентаря, являются макролитические формы орудий. В Буйнакской стоянке они представлены топором-теслом клиновидной формы с подшлифованным лезвием (рис. 41, 13) и заготовкой такого топора⁶. Аналогичная заготовка имеется и в Тарнаирском комплексе⁷, что может рассматриваться как свидетельство широкого распространения на территории Дагестана в раннем неолите новой макролитической техники.

Появление этого совершенно нового типа орудий, не имеющего прямых аналогий в инвентаре предшествующего времени, очевидно, является характерным признаком, отличающим ранненеолитическую культуру Дагестана от во многом сходной с ней позднемезолитической культуры.

Описанными типами орудий в основном исчерпывается комплекс руководящих форм каменных орудий, обнаруженных на Буйнакской стоянке. В Тарнаирском комплексе, кроме того, встречены и другие типы орудий. Среди них следует отметить наконечники стрел с неглубокой выемкой в основании, обработанные двусторонней отжимной ре-

⁵ В. И. Марковин. Указ. соч., рис. 2, 4, 7.

⁶ В. И. Марковин и Р. М. Мунчаев. Указ. соч., рис. 33, 2.

⁷ В. И. Марковин. Неолитическая стоянка близ Махачкалы, рис. 7.

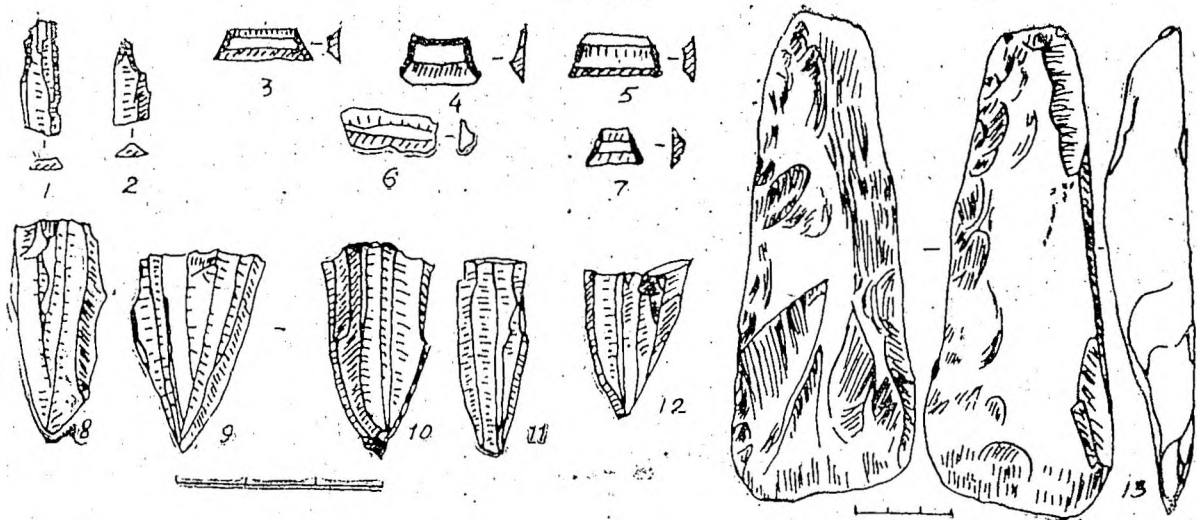

Рис. 41. Неолитический инвентарь Буйнакской (1—5, 10—13) и Тарнаирской (6—9) стоянок (1, 2, 6 — микропластины, 3—5, 7 — геометрические микролиты, 8—12 — карандашевидные нуклеусы, 13 — клиновидный топор — тесло).

тушью, острия на концах крупных ножевидных пластин, сами ножевидные пластины и их сечения⁸. Все эти изделия не вяжутся с обликом описанного комплекса. Они более характерны для инвентаря поздне-неолитических или даже раннеэнеолитических памятников, что справедливо отмечает и В. И. Марковин⁹. Представляется весьма вероятным, что указанные изделия, вместе с найденными здесь желобчатыми топорами-молотами, образуют другой, более поздний по времени комплекс находок, хронологически соответствующий финальному неолиту — раннему энеолиту.

К сожалению, мы не располагаем данными, которые помогли бы решить вопрос о том, было ли известно обитателям раннеэнеолитических стоянок Дагестана гончарное производство. В материалах обоих памятников керамика не представлена. Не исключено, что это свидетельствует о том, что их древние обитатели еще не были знакомы с гончарным производством. В таком случае, эти памятники следует датировать начальным этапом неолитической эпохи и отнести их к более раннему периоду неолита, чем тот, к которому относится, например, известная стоянка Одиши, в инвентаре которой уже встречается керамика¹⁰. В пользу такой датировки может указывать также отсутствие в инвентаре обоих дагестанских памятников микролитов в форме трапещей со струганой спинкой, чрезвычайно характерных для южного неолита¹¹. Не исключено, впрочем, что эта форма микролитов вообще не получила распространения на территории Дагестана; во всяком случае она пока не обнаружена здесь ни в одном неолитическом комплексе. Стало быть, факт отсутствия трапещей со струганой спинкой в Буйнакской и Тарнаирской стоянках не может служить надежным хронологическим эталоном. Однако, он не противоречит и датировке их ранним этапом неолита.

Таким образом, раннеэнеолитическая культура Дагестана характеризуется господством микролитовидной техники, воспринятой от предшествующей тарденуазской эпохи, и возникновением новых, типичных для неолита технических приемов изготовления макролитических рубящих орудий с помощью оббивки и шлифования. Не исключено, что эти особенности присущи наиболее раннему, докерамическому неолиту Дагестана. Последнее, однако, требует подтверждения новыми материалами.

⁸ Там же, рис. 1, 1—5, 12—13; рис. 2, 2—4, 7.

⁹ Там же, стр. 23.

¹⁰ А. Н. Каландадзе. Остатки мезолитической и неолитической культур в Грузии. Изв. ИИМК Груз. ФАН, IV, 3, Тбилиси, 1939, стр. 363—371; А. А. Формозов. О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа. КС ИИМК, 67, 1957, стр. 138—141.

¹¹ С. Н. Бибииков. К вопросу о неолите в Крыму. КС ИИМК, IV, 1940, стр. 26—31.

ПАМЯТНИКИ АКУШИНСКОГО РАЙОНА

В Акушинском районе, в среднем течении реки Акушинки и в Усишинской долине выявлено 15 неолитических памятников, в том числе 2 стоянки, 6 кремневых мастерских и 7 местонахождений кремневых орудий неолитического облика. У нас нет необходимости подробно характеризовать все эти памятники, тем более, что многие из них дали однотипный кремневый инвентарь, относящийся к развитому неолиту. Представляется более целесообразным дать характеристику только тех памятников, откуда происходят значительные коллекции материалов, позволяющие составить наиболее полное представление о культуре рассматриваемой эпохи. Такими памятниками являются стоянки в урочищах Сага-цука и Какала-кадала-хар и кремневые мастерские в урочищах Арачалла-бек и Дузани.

2. СТОЯНКА В УРОЧИЩЕ САГА-ЦУКА

Одна из неолитических стоянок расположена в северной части неоднократно упоминавшегося урочища Сага-цука, на расстоянии около 1 км от палеолитического местонахождения.

Поверхность урочища в месте расположения неолитической стоянки распахана. На пашне собрана большая коллекция различных кремневых изделий, насчитывающая более 400 находок. Они концентрировались на небольшом участке пашни размерами 50×30 м. Заложенный здесь разведочный шурф размерами 1×1 м установил следующую стратиграфию слоев.

1. Перепахиваемый темноцветный суглинок	0,2—0,3 м
2. Плотная светло-желтая супесь	— материк

Культурные остатки залегают в основании темноцветного суглинка. Насыщенность культурного слоя кремневыми изделиями весьма велика. В шурфе, на площади 1 кв. м обнаружено более 120 различных кремневых изделий, около половины которых составляют правильные ножевидные пластины. Кроме того, в культурном слое встречены древесные угольки и следы золы. Однако, ни керамики, ни костей животных ни в шурфе, ни на поверхности пашни не было обнаружено.

Судя по найденным материалам, основная деятельность обитателей стоянки заключалась в обработке кремня. В отличие от инвентаря других памятников данного микрорайона, здесь сравнительно мало кремневых отщепов, крупных аморфных обломков (рис. 42, 1—15), указывающих на первичную обработку кремня. Основную массу находок образуют правильные ножевидные пластины различных размеров, их сечения, нуклеусы и их обломки, отходы производства. В небольшом количестве представлены законченные орудия.

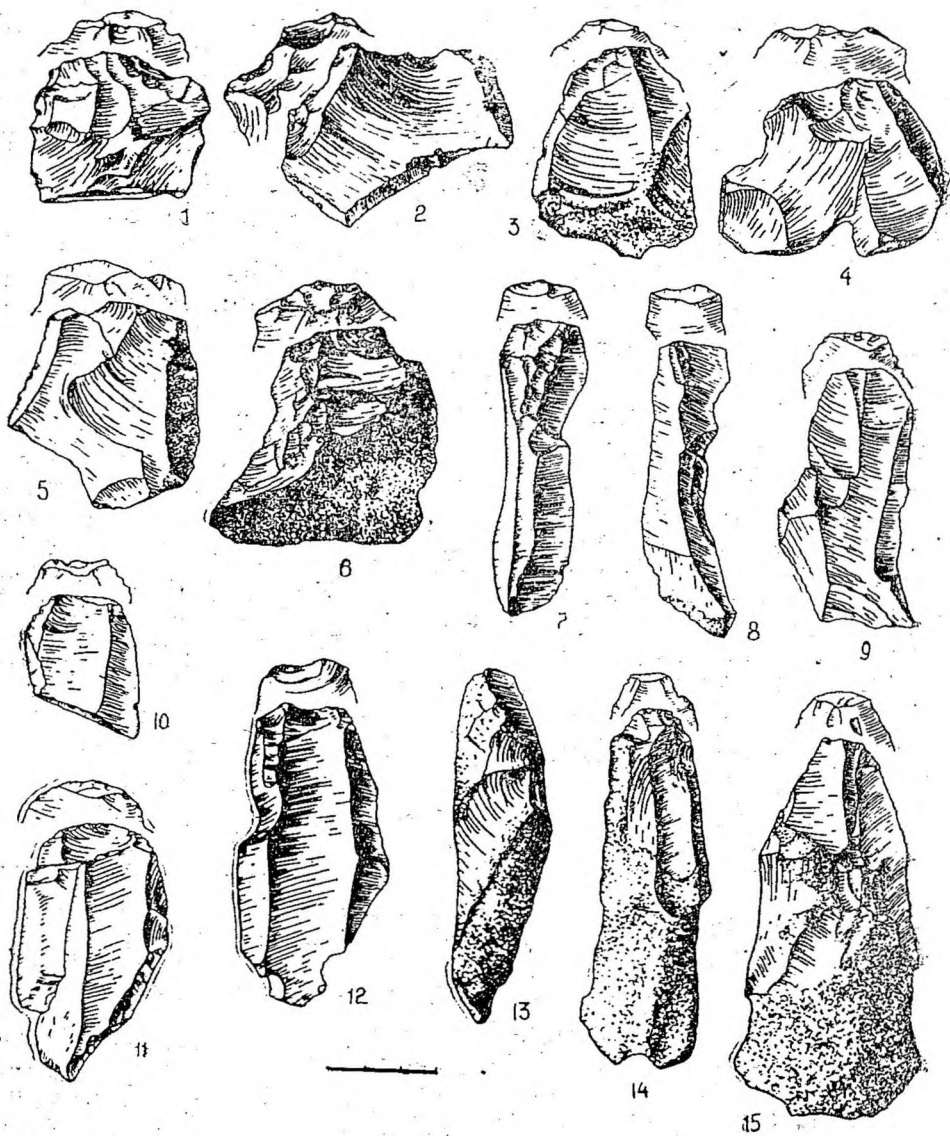

Рис. 42. Неолитический инвентарь стоянки Сага-цука (1—6 — отщепы, 7—15—
пластины).

Большое разнообразие типов и форм дают нуклеусы (10 экз.).
 Здесь найдены ядрища дисковидной формы, предназначенные для скалывания отщепов (рис. 43, 8), крупные ядрища призматической и пирамидальной формы, от которых отделялись ножевидные пластины (рис. 43, 1, 6, 9, 10; № 6 — из шурфа), и, наконец, односторонние нуклеусы с сильно скошенными ударными площадками, несущие на себе

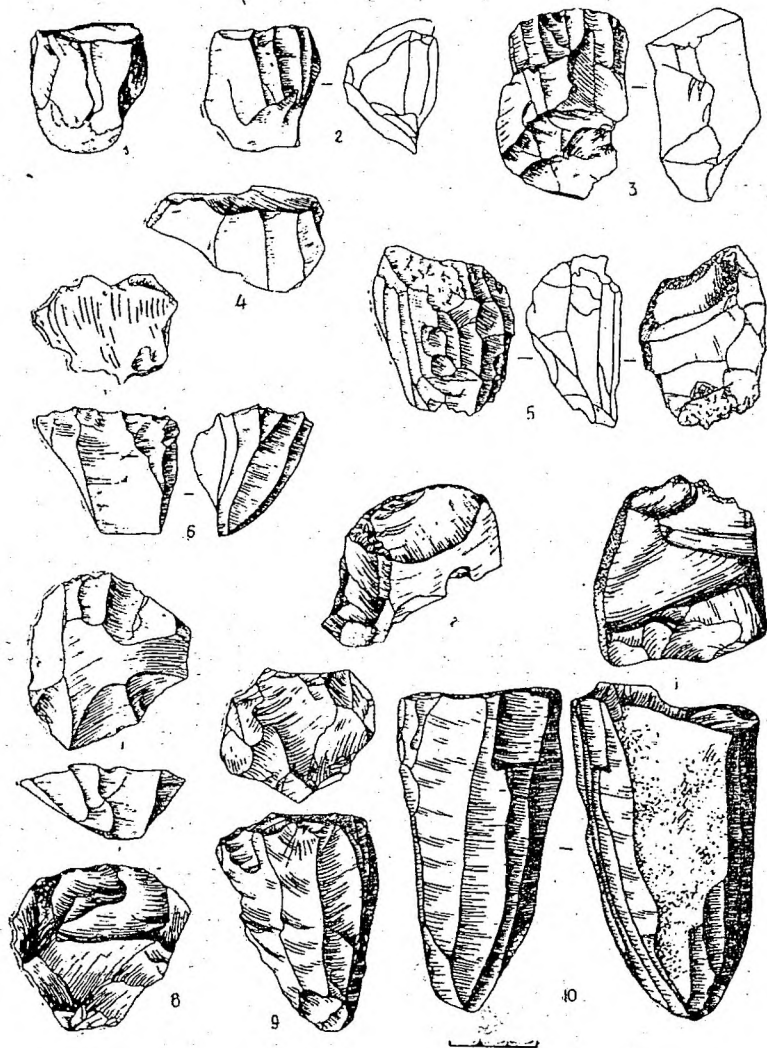

Рис. 43. Неолитический инвентарь Сага-цука (1—10 — нуклеусы разных типов).

следы отделения узких ножевидных пластин (рис. 43, 2, 3, 5). Немало здесь и обломков нуклеусов, «сколов оживления ударных площадок» (рис. 43, 4) и даже неудавшихся заготовок ядрищ (рис. 43, 7).

Обилие находок и разнообразие форм нуклеусов на данном участке может служить указанием на производственный характер описываемой стоянки, являвшейся, по-видимому, большой мастерской, где производилось расщепление кремня с целью получения полуфабрикатов и изготовление из них орудий труда.

С другой стороны, находки этих нуклеусов помогают определению хронологической принадлежности данного памятника. В этом отношении особенно показательны односторонние нуклеусы со скошенной ударной площадкой, обработанные крупными поперечными сколами с тыльной стороны (рис. 43, 2, 3, 5), считавшиеся до сих пор особенно характерными для крымского неолита¹². Крупные нуклеусы пирамидальной формы (рис. 43, 9, 10) также характерны для неолита. В Закавказье один такой нуклеус найден, например, в четвертом поздне-неолитическом слое Нахичеванского Кюль-тепе¹³.

Большое место в инвентаре занимают ножевидные пластины, их сечения и обломки (рис. 44, 5—24). Характерно отсутствие миниатюрных правильных микропластинок, составлявших основную массу находок в инвентаре более ранних памятников. Находки узких ножевидных пластин микролитовидного облика немногочисленны (рис. 44, 5—7, 13—16, 20).

Среди законченных орудий выделяются массивный круглый скребок (рис. 44, 3), сверло (рис. 44, 4), обломок небольшого орудия, тщательно обработанного с обеих сторон плоской отжимной ретушью (рис. 44, 2). Датирующей находкой является микролит в форме правильного сегмента, изготовленный из сечения ножевидной пластины (рис. 44, 1). Аналогичный сегмент найден в местонахождении Ашлалла-кати, расположенном в 1,5—2 км к ЮЮВ от урочища Сага-цука¹⁴. Оба сегмента своими размерами и характером обработки близко напоминают подобные изделия из других неолитических памятников Кавказа (Одиши, Кистрик, Нижне-Шиловская и др.)¹⁵, датированных V тыс. до н. э.¹⁶

¹² А. А. Formosov. Outillage microlithique du neolithique de la Crimée. Bull. de la S. P. F., LV, 1958, № 5—6, fig. 16, 14.

¹³ О. А. Абибуллаев. Раскопки холма Кюль-тепе близ Нахичевани в 1955 г. МИА, № 67, 1959, рис. 13, 1.

¹⁴ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 20.

¹⁵ А. Н. Каландадзе. Остатки мезолитической и неолитической культур в Грузии, стр. 363—371; А. П. Лукин. Указ. соч., стр. 274, табл. XI, 34—37; Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, рис. 9, 1—5; А. А. Формозов, А. Д. Столяр. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае. СА, 1960, № 2, рис. 1, 4, 7.

¹⁶ А. А. Формозов. О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа, стр. 138—141.

Появление геометрических микролитов в инвентаре отмеченных памятников весьма характерно. Его никак нельзя объяснить переживанием мезолитических традиций. Это тем более очевидно, если иметь в виду, что сегментовидные микролиты и на Кавказе, и в Крыму получили распространение в конце верхнего палеолита и в раннем мезолите, тогда как в позднем мезолите и в раннем неолите они исчезают. Показательно, что новое появление сегментовидных микролитов происходит в то самое время, когда в кремневом инвентаре неолитических памятников Кавказа почти совершенно исчезает микролитовидный инвентарь,

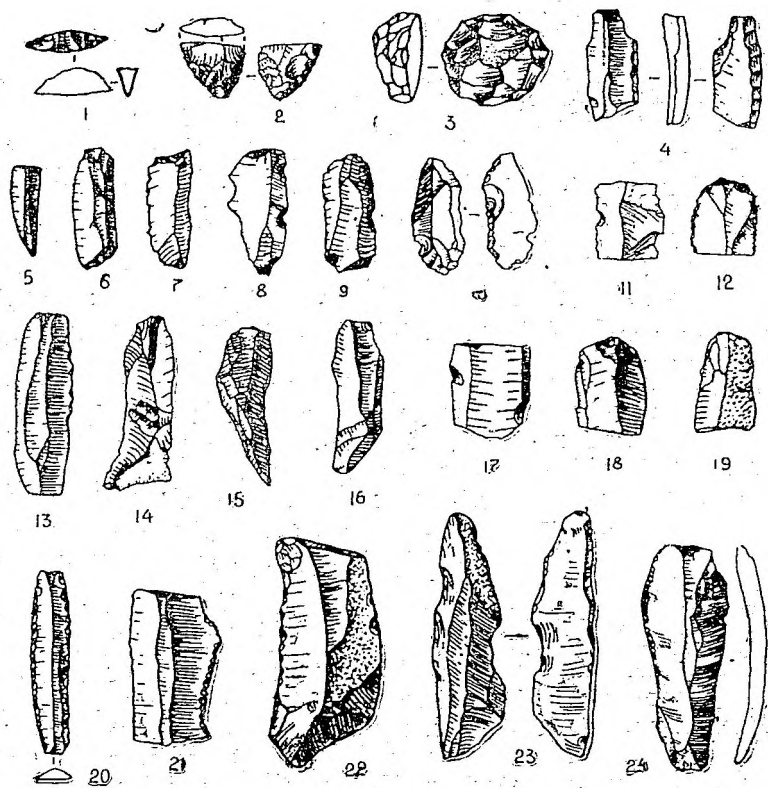

Рис. 44. Неолитический инвентарь стоянки Сага-цука (1 — сегмент, 2 — обломок двусторонне обработанного орудия, 3 — скребок, 4 — сверло, 5—24 — пластины).

основу которого составляли правильные, почти стандартные по форме микропластинки.

Становится очевидным, что отмеченные обстоятельства документируют новый этап в развитии кремневой индустрии, знаменующий собой окончательный разрыв с глубоко традиционными приемами микролитовидной вкладышевой техники, существовавшей здесь с конца верхнепалеолитической эпохи в продолжение всего мезолита и захватившей ранний неолит. Не исключено, что этот разрыв произошел не без влияния неолитических культур более южных областей, в частности, натуфийской культуры. Во всяком случае представляется вполне вероятным рассматривать появление геометрических микролитов в кавказском неолите как одно из проявлений реально существовавших связей неолитического населения Кавказа с натуфийцами Передней Азии, широко пользовавшимися подобными же геометрическими изделиями¹⁷.

Свидетельством этому может служить близость кавказских микролитов соответствующим натуфийским образцам проявляющаяся не только в сходстве их форм, но также и в тождестве специфических приемов их обработки. Мы имеем в виду характерный прием обработки микролитов со спинки и с брюшка, не прослеживаемый к северу от Кавказа и считающийся поэтому специфически кавказским техническим приемом¹⁸. Однако, совершенно аналогичный способ обработки геометрических микролитов и других орудий, названный Д. Гаррод хелуанским (Heluan) типом ретуши, широко практиковался и в натуфийских памятниках¹⁹.

Возвращаясь к описанию сегментов из дагестанских памятников, отметим, что их совершенно плоские, изогнутые края тщательно обработаны крутой затупливающей ретушью. Она формирует правильный дуговидный край сегмента, но совершенно не затрагивает прилегающие к дуге участки поверхности на его обеих сторонах. Однако, что особенно важно, ретушь эта наносилась как со стороны спинки, так и со стороны брюшка, то есть почти так же, как и на других кавказских микролитах. Это сходство вряд ли является случайным. По-видимому, описанный прием следует рассматривать как одну из разновидностей все той же «хелуанской» ретуши.

В целом, отмеченные особенности кремневого инвентаря стоянки Сага-цука позволяют датировать ее неолитической эпохой. Однако, немногочисленность законченных изделий крайне затрудняет уточнение даты памятника. Судя по формам найденных здесь нуклеусов и по характеру сегментовидного микролита, этот памятник может быть хроно-

---

¹⁷ D. Garrod and D. Bate. The stone age of mount Carmel. Oxford, 1937, pp. 30, 33, pl. VIII, 14—18; IX, 22—26; Alfred Rust. Die Höhlenfunde von Jabrud (Syrien). Neumünster, 1950, taf. 107, 15—21.

¹⁸ А. А. Формозов, А. Д. Столяр. Указ. соч., стр. 104; Л. В. Грехова. Памятники неолита Восточного Предкавказья. Тр. ГИМ, вып. 37, М., 1960, стр. 23.

¹⁹ D. Garrod and D. Bate. Ibid., p. 30.

логически соответствует неолитическим стоянкам типа Одиши, в которых геометрические микролиты сочетаются с неолитическими макролитами и керамикой. Отсутствие керамики, равно как и костей животных, в стоянке Сага-цука, вероятно, объясняется производственным назначением данного памятника, являвшегося скорее кремневой мастерской, чем поселением.

3. СТОЯНКА КАКАЛА-КАДАЛА-ХАР

Стоянка расположена на левом краю Усищинской долины, примерно в 0,3 км к ЮЗ от мустьерского местонахождения в урочище Унцалава. Она занимает вершину небольшой (размерами 100×60 м) продолговатой возвышенности, покрытой молодой сосновой порослью. В древности здесь был, очевидно, сосновый лес. Возвышенность, на которой расположена стоянка, приурочена к месту соединения третьей древней речной террасы с подножием водораздельного хребта. Ее поверхность местами сильно разрушена вследствие процессов эрозии. На участках, лишенных почвенного покрова, в большом количестве встречаются кремневые изделия, происходящие из разрушенного культурного слоя.

Разведочным шурфом размерами 1×1 м установлена следующая стратиграфия слоев:

1. Гумусный слой	0,15—0,25 м
2. Темноцветный суглинок довольно рыхлой консистенции	0,4—0,5 м
3. Плотная светло-желтая супесь	материк

Культурные остатки в виде небольшого количества кремневых изделий, мелких древесных угольков и следов золы более характерны для нижнего горизонта темноцветного суглинка.

В шурфе обнаружено свыше 25 кремневых поделок, главным образом, — отходы производства. Среди них найдены и законченные орудия. Это — ножевидные пластины (3 экз.) и нуклеус неправильно призматической формы с двумя ударными площадками, расположенными перпендикулярно по отношению одна к другой (рис. 45, 20).

Всего на стоянке Какала-кадала-хар собрано более 100 различных кремневых изделий, являющихся в преобладающем большинстве отходами производства. Это — крупные массивные отщепы (рис. 45, 15—17), нередко сохраняющие желвачную корку, обломки нуклеусов, дисковидные поделки (рис. 45, 19), обломки и осколки кремня. В сравнительно большом количестве (около 100 экз.) встречены относительно крупные ножевидные пластины довольно правильной формы и их сечения (рис. 45, 3—14, 18).

Законченные орудия представлены наконечником стрелы и обломком острия. Треугольный наконечник стрелы (рис. 45, 1) тщательно обработан плоской отжимной ретушью. Его боковые края слегка выпуклы, основание — слегка вогнуто и приострено для удобства насаживания на черенок. На одной поверхности, примерно в нижней трети оставлен небольшой выступ, по-видимому, служивший упором для черенка стрелы. Наконечники стрел с выемкой в основании известны по находкам в инвентаре таких позднеолитических поселений, как Тет-

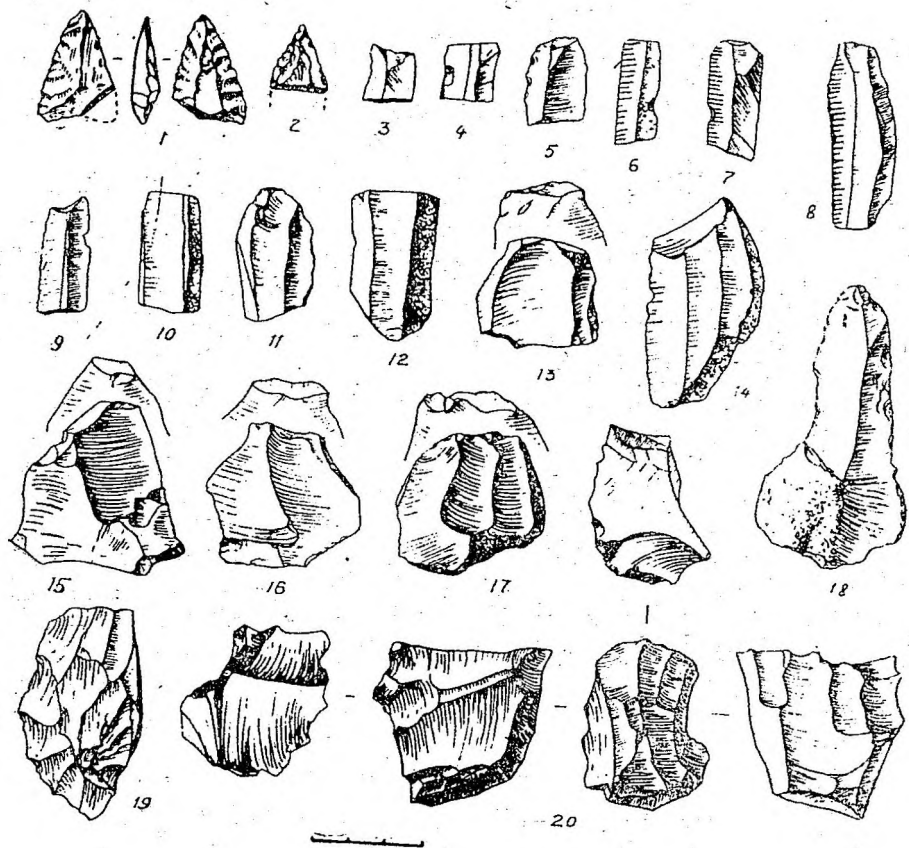

Рис. 45. Неолитический инвентарь стоянки Какала-кадала-хар (1 — наконечник стрелы, 2 — обломок острия, 3—14, 18 — пластины и их сечения, 15—17 — отщепы, 19 — дисковидное изделие, 20 — нуклеус).

рамица и Сатаплия, в Закавказье²⁰ и на Северном Кавказе²¹ (Агубовское поселение). В Дагестане они найдены на Тарнаирской стоянке²².

Обращает на себя внимание обломок острия, изготовленного, по-видимому, на конце удлиненной пластины (рис. 45, 2). Один его край притуплен ретушью, на другом имеются следы пользования орудием. Подобные острия особенно часто встречаются в инвентаре поздне-неолитических и раннеэнеолитических памятников. В Дагестане они обнаружены в Тарнаирской стоянке²³, в Ругуджинских стоянках²⁴. Широко встречаются они в памятниках Северного Кавказа²⁵, Причерноморья²⁶, Южной Туркмении²⁷.

Среди других орудий отметим находку концевой скребка, близко напоминающего аналогичные орудия из Ругуджинской стоянки Мучубахил-бакли²⁸. Интересен экземпляр массивного орудия типа скребла, изготовленный из окремненного известняка. Здесь найдены 3 экземпляра крупных отжимников. Они представляют собой массивные прямые стержни треугольного, реже — четырехугольного сечения (типа изображенных на рис. 47, 7, 8). Их уплощенные грани обработаны путем тщательного подтесывания или с помощью крупной грубой отжимной ретуши. Крупные отжимники нередко встречаются в инвентаре закавказских неолитических стоянок (Кистрик)²⁹. Известны они и в ранне-трипольских памятниках³⁰. В Дагестане до сих пор встречались отжимники значительно меньших размеров, отличавшиеся более тщательной обработкой, благодаря чему лучшие их образцы приобретали бипирамидальную форму³¹.

²⁰ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 28.

²¹ Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов. Неолитическое поселение близ г. Нальчика МИА, № 3, 1941, стр. 56, 57, рис. 4, 13.

²² В. И. Марковин. Неолитическая стоянка близ Махачкалы, рис. 1, 5.

²³ В. И. Марковин. Указ. соч., рис. 1, 12, 13.

²⁴ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, рис. 11, 4, 5.

²⁵ Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 55—60;

А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике, МИА, № 3, 1941, стр. 109—112; О. В. Милорадович. Новые археологические находки в Грозненской области. КС ИИМК, 64, 1956, стр. 132—134.

²⁶ М. Макаренко. Мариупольский могильник. Киев, 1933, стр. 34—38.

²⁷ А. П. Окладников. Пещера Джебел—памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, стр. 52—60.

²⁸ См. рис. 48, 1 настоящей работы.

²⁹ А. Л. Лукин. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут, СА, XII, 1950, стр. 276.

³⁰ С. Н. Бибииков. Ранне трипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. МИА, № 38, 1953, стр. 83, табл. 1, а, е, з.

³¹ В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Неолитическая стоянка близ г. Буйнакса, рис. 34, 13; В. И. Марковин. Археологические находки с территории Тарнаира, рис. 2, 16, 17.

Микролитические изделия в инвентаре стоянки Какала-кадала-хар отсутствуют. Некоторые пережитки микролитической техники можно усмотреть в продолжающемся употреблении сравнительно узких (шириной 8—12 мм) пластин (рис. 45, 6, 7) и их сечений (рис. 45, 3—5).

Керамика и кости животных совершенно отсутствуют в материалах стоянки. Основываясь на этом, а также учитывая особенность кремневого инвентаря, содержащего большое количество отходов производства и полуфабрикатов при почти полном отсутствии законченных орудий труда, можно рассматривать его не как остатки неолитического поселения, а скорее как большую неолитическую мастерскую.

Наряду с описанными памятниками, где производилось расщепление кремня и изготовление орудий, в данном районе выявлено 6 мастерских, располагавшихся в непосредственной близости от естественных выходов кремня и служивших местами первичной обработки материала.

Они представляют собой массовые россыпи расщепленного человеком кремня, насчитывающие многие тысячи кремней, большинство которых представляет собой отбросы кремнеобрабатывающего производства, — отщепы и осколки, реже — нуклеусы и их обломки, заготовки для орудий и незаконченные или сломанные орудия. Находки законченных орудий единичны, что, очевидно, объясняется характером памятников.

Материалы из кремневых мастерских в основном поздние, относящиеся к неолиту и, вероятно, к последующим эпохам. Ни на одной из них не было встречено поделок, которые по характеру обработки и степени патинизации могли бы быть отнесены к палеолиту. Основываясь на этом, можно предположить, что интенсивная разработка месторождений кремня в данном районе началась в неолите.

Подавляющее большинство материалов всех этих памятников представляет отбросы производства. Это — крупные, массивные краевые отщепы с желвачной коркой и более мелкие отщепы и осколки. По этим материалам, естественно, невозможно определить принадлежность их к какой-либо определенной эпохе. Однако, сравнивая их с массовыми материалами из вышеописанных памятников, образующими единые комплексы, можно с достаточным основанием утверждать, что значительная их часть относится к неолитической эпохе.

Для более конкретного знакомства с материалами этих памятников охарактеризуем некоторые находки из мастерских в урочище Арачала-бек и Дубри.

4. КРЕМНЕВАЯ МАСТЕРСКАЯ В УРОЧИЩЕ АРАЧАЛЛА-БЕК

Урочище Арачала-бек, в котором обнаружена кремневая мастерская, расположена примерно в 2 км к северо-востоку от стоянки Какала-кадала-хар. Она представляет собой небольшой участок третьей древ-

ней речной террасы, смыкающийся с крутым уступом, отделяющим ее от второй древней террасы.

Среди встречающихся здесь многочисленных кремней имеется много ножевидных пластин (рис. 46, 1—3, 6, 8). В еще большем числе встречаются крупные массивные отщепы (рис. 46, 7, 10). Большой интерес представляют находки крупных нуклеусов неправильно пирамидальной формы (рис. 46, 9, 11).

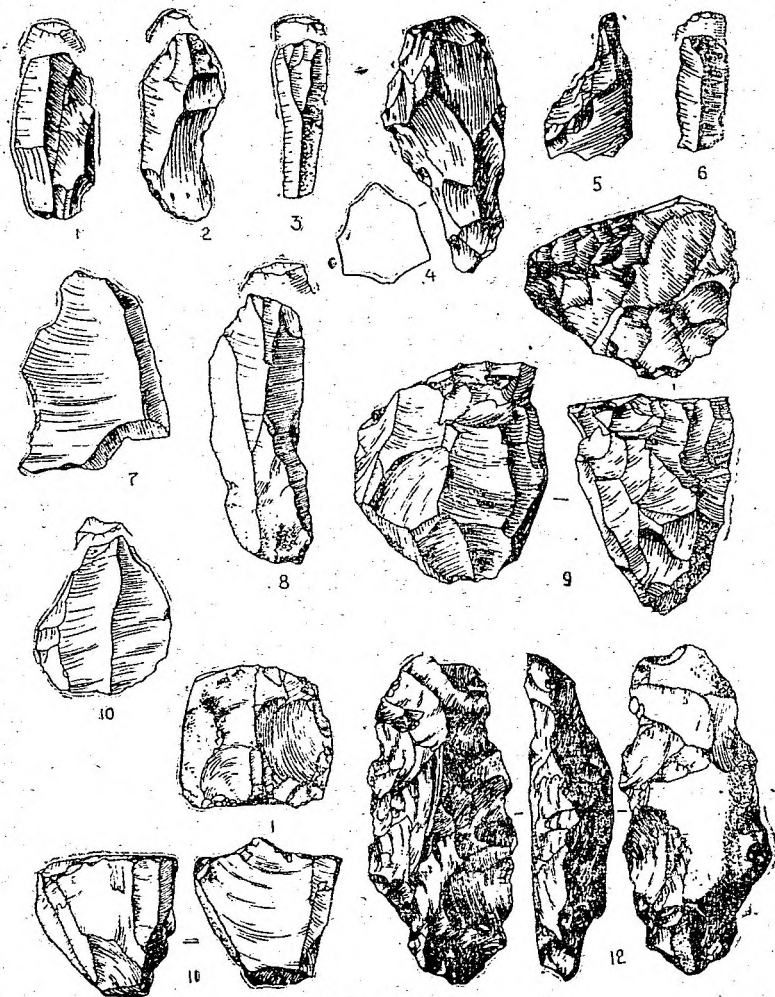

Рис. 46. Неолитический инвентарь кремневой мастерской Арачалла-бек (1—3, 6, 8 — пластины, 4 — отжимник, 5 — сверло, 7, 10 — отщепы, 9, 11 — нуклеусы, 12 — орудие типа пик).

Законченные изделия представлены сверлами (рис. 46, 5), массивными отжимниками (рис. 46, 4). Последние, по-видимому, более характерны для ранней неолитической техники. В позднем неолите и энеолите, с широким распространением отжимной ретуши, они совершенно исчезают, уступая место правильным бипирамидальным формам орудий этого типа, представленными, например, в Тарнаире³².

Исключительно большой интерес представляет крупный топор-мотыга (орудие типа пик), впервые найденный на территории Дагестана (рис. 46, 12). Он изготовлен из массивного уплощенного желвака кремня, обработанного с обеих сторон крупными грубыми сколами, придавшими ему удлинненно-овальные очертания. Одна поверхность орудия ровная, другая — слегка выпуклая.

Как известно, топоры-мотыги описанного типа являются характерной принадлежностью инвентаря кавказских неолитических стоянок типа Одиши³³. Широко представлены они и в натуфийских памятниках Передней Азии³⁴. Не исключено, что распространение их в инвентаре кавказских неолитических памятников является еще одним доказательством существования связей между кавказскими неолитическими племенами и натуфийцами Передней Азии.

5. КРЕМНЕВЫЕ МАСТЕРСКИЕ В УРОЧИЩЕ ДУЗАНИ

Четыре кремневых мастерских по первичной обработке кремня обнаружены в урочище Дузани, расположенном в 3,5—4 км к югу от сел. Акуша, на правом берегу реки Акушинки. Они находятся на небольшом расостянии друг от друга и приурочены к третьей, второй и первой древним террасам реки Акушинки.

Среди огромного количества встречающихся здесь кремней преобладают, как и в других памятниках этого типа, отходы производства в виде аморфных обломков, кусков и осколков кремня. Много крупных массивных отщепов (рис. 47, 4—5), иногда даже подправленных по краям грубой ретушью (рис. 47, 6). В несколько меньшем количестве представлены ножевидные пластины различной величины (рис. 47, 1—3). Часто встречаются массивные, грубо обработанные отжимники треугольного (рис. 47, 7) и четырехугольного (рис. 47, 8) сечения. Большую серию находок образуют нуклеусы и их обломки. Здесь представлены неправильно призматические (рис. 47, 9), кубовидные (рис. 47, 10) и дисковидные (рис. 47, 11) типы ядрищ.

³² В. И. Марковин. Неолитическая стоянка близ Махачкалы, рис. 2, 16—17.

³³ А. Л. Лукин. Указ. соч., стр. 258, 260; Н. З. Бердзенишвили (Киладзе). К истории первобытного земледелия в Грузии. Тр. Ин-та истории АН РР. ССР, II, Тбилиси, 1956, стр. 258.

³⁴ D. Garrod and D. Bate. Ibid., pp. 32, 35, pl. VIII, 1.

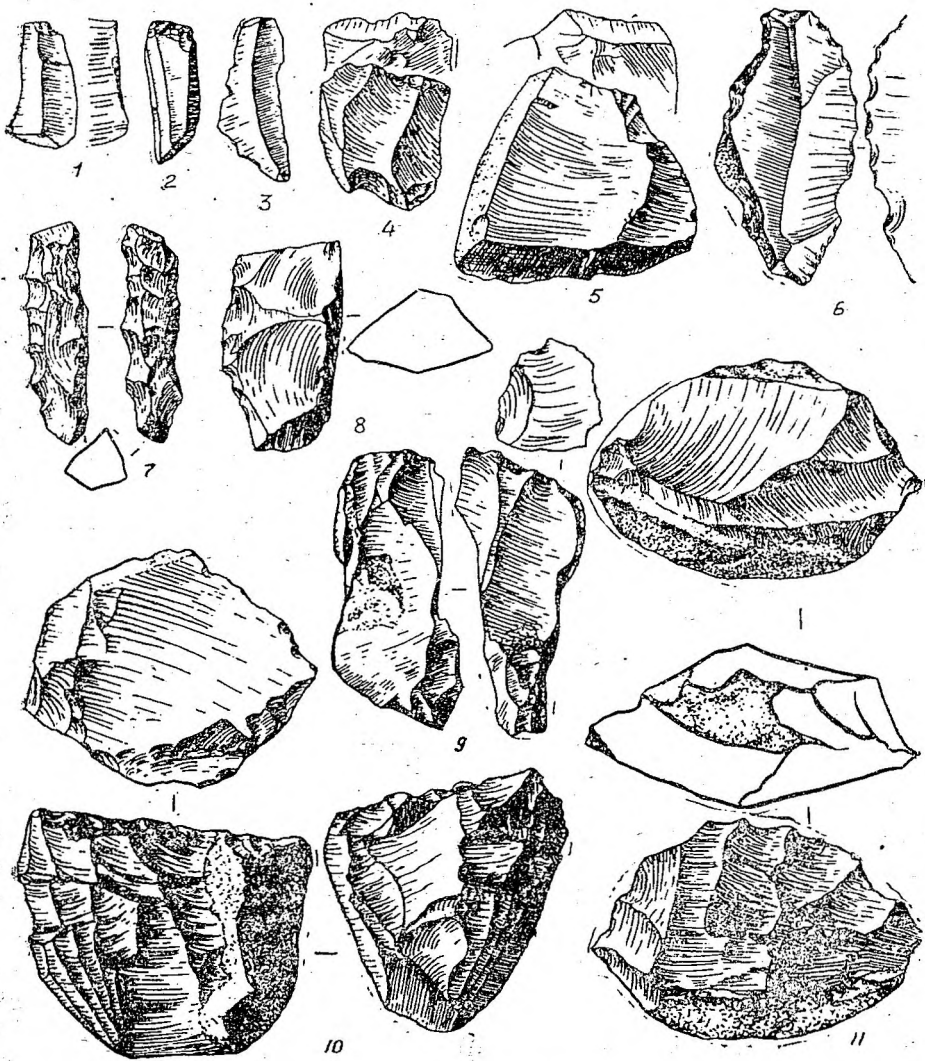

Рис. 47. Неолитический инвентарь кремневых мастерских Дузани (1—3—пластины, 4—6 — отщепы, 7—8 — отжимники, 9—11 — нуклеусы).

Основная масса находок из кремневых мастерских в урочище Дузани несет на себе характерные черты развитой неолитической техники.

Многочисленность и разнообразие неолитических памятников в Усишинской и Акушинской долинах является убедительным свидетельством интенсивного характера человеческой деятельности в данном микро-районе на протяжении неолита. Нет сомнения, что обнаруженные здесь многочисленные памятники относятся к разным периодам этой эпохи. Однако состояние изученности дагестанского неолита не дает возможности установить их хронологическую последовательность. Задача эта еще более усложняется характером самих памятников, являющихся в большинстве своем производственными мастерскими, материалы которых позволяют составить известное представление о технике обработки кремня, но дают крайне небольшое число законченных изделий, которые могли бы служить хронологическими эталонами. Однако, установление хронологических различий между этими памятниками не имеет в данном случае принципиального значения. Для нас более важно, что в разбираемых материалах ярко выступают новые черты в развитии неолитической кремневой индустрии.

Важнейшей, отличительной особенностью кремневого инвентаря всех выявленных в данном районе памятников является полное отсутствие элементов микролитовидной техники. Говоря об этом, мы имеем в виду не геометрические микролиты, которые очевидно, не играли значительной роли в массовом изготовлении орудий труда на соответствующих этапах развития неолитической культуры. Облик новой техники определяется полным отсутствием правильных стандартных микропластинок, являвшихся основной, руководящей формой первичной заготовки в тарденуазскую и ранне-неолитическую эпохи. В характеризуемых комплексах эта роль принадлежит уже значительно более крупным удлиненным пластинам, выступающим в качестве основной формы первичной заготовки для изготовления орудий, употреблявшейся также и в качестве самостоятельного орудия.

Быстрое и почти полное исчезновение традиционной микролитовидной техники в неолите наблюдается не только в Дагестане. Данное явление служит отличительной особенностью кавказского неолита в целом. Советские исследователи совершенно справедливо ставят его в связь с важнейшими, кардинальными изменениями в экономике неолитических племен Кавказа, выразившимися в замене длительное время господствовавшего охотничьего хозяйства новым прогрессивным видом хозяйственной деятельности, основанным на земледелии и скотоводстве³⁵.

---

³⁵ Н. З. Бердзенишвили (Киладзе). К истории первобытного земледелия в Грузии; А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, стр. 86—87.

Заканчивая обзор неолитических памятников бассейна реки Акушкинки, нельзя не обратить внимания еще на одно обстоятельство, а именно — на многочисленность кремневых мастерских в данном районе. Возникает вопрос, чем вызвана потребность в столь значительном количестве мастерских по обработке кремня? Судя по огромному количеству отходов производства, первичная обработка и заготовка кремня в данном районе намного превосходила потребности местных племен, даже с учетом роста этих потребностей, вызванного переходом к новой макролитической индустрии. Остается предположить, что какая-то, и по-видимому значительная часть добывавшегося здесь кремня шла на обмен. Предпосылки к возникновению специальных разработок кремня для обмена несомненно существовали, ибо в Дагестане, даже в его горных районах, число открытых месторождений качественного мелового кремня относительно невелико, и все они концентрируются в одном месте, а именно: в полосе среднеюрских отложений (в окрестностях современных селений Акуша, Цудахар и др.).

Существование подобных разработок в неолите считается доказанным. На территории нашей страны известны многочисленные кремневые мастерские неолитической эпохи. Необходимость в них вызывалась переходом к оседлой жизни, основанной на земледелии, и потребностью в богатых и постоянных источниках кремня и других высококачественных пород камня, шедшего на изготовление различных орудий³⁶. Добываемый кремень в виде нуклеусов, заготовок и иных «полуфабрикатов» транспортировался иной раз на значительные расстояния. Общеизвестно, что именно этим объясняется широкое распространение кремневых «кладов» или «складов» в неолите³⁷. Очевидно, и в нашем случае мы имеем дело с широко практиковавшейся добычей и обработкой кремня, предназначенного для обмена.

РУГУДЖИНСКИЕ СТОЯНКИ

К заключительному, финальному этапу неолитической эпохи относятся три стоянки, обнаруженные в окрестностях сел. Ругуджа Гунибского района. Они находятся в долине реки Багар-ор и приурочены к ее правому берегу. Описание этой долины приводилось выше в связи с характеристикой расположения мезолитической стоянки Козьма-нохо.

6. СТОЯНКА МАЛИН-КАРАТ

Стоянка расположена на правом берегу уречи Багар-ор, на небольшом мыске, возвышающемся над ее уровнем на 30—40 м, известном под

³⁶ С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957, стр. 48—50; Л. Я. Крижевская. Кремнеобрабатывающая неолитическая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии. МИА, № 79, 1960, стр. 239—280.

³⁷ В. В. Федоров. К вопросу о «кремневых складах» в неолитическое время. МИА, № 39, 1953, стр. 276—292.

именем Малин-карат. Верхняя часть мыска представляет собой вытянутую в направлении к реке площадку размерами 120 × 20 м. С востока она круто обрывается над поймой реки, а с севера и юга плавно переходит в пологие склоны, упирающиеся в неглубокие овраги.

Стоянка находится на южной оконечности мыска, покрытой густой травой и редким кустарником, преимущественно молодым сосняком. На соседнем мыске имеется небольшая березовая роща, а в 400—500 м южнее начинается большой смешанный лес.

Стратиграфия стоянки установлена путем зачистки обнажений культурного слоя.

1. Темноцветный гумусированный суглинок комковатой структуры . . . . . 0,25—0,3 м
2. Желтовато-серый суглинок с обильным содержанием сланцевой и известняковой щебенки . . . . . 0,25—0,35 м
3. Аллювиальные галечники . . . . . материк

Культурные остатки находятся во втором слое. Насыщенность слоя культурными остатками весьма невелика. Они встречаются в виде единичных, не связанных друг с другом находок по всей толще второго слоя от его верхнего горизонта, до контакта с аллювием.

Инвентарь стоянки представлен десятью крупными ножевидными пластинами (рис. 48, 12—14), отщепами неопределенной формы (рис. 48, 5—7). Среди законченных орудий выделяются концевой скребок с ретушированными краями (рис. 48, 2) и острие на конце ножевидной пластины (рис. 48, 8). Острия-ножи, подобные найденному, весьма характерны для поздненеолитических — раннеэнеолитических памятников Кавказа³⁸. Они широко бытуют в эту переходную эпоху на значительной территории юга нашей страны³⁹.

По-видимому, они получили широкое распространение и в Дагестане. Помимо уже упомянутых находок (Тарнаир, Какала-кадалахар, Ругуджинские стоянки) следует отметить еще одно орудие этого типа, происходящее из окрестностей сел. Хунзах. Оно изготовлено из правильной удлиненной пластины, слегка изогнутой в продольном сечении. Оба края тщательно обработаны приостряющей ретушью, нанесенной со стороны спинки. Острый конец — обломан в древности. В целом

³⁸ Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 55—60; А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике, стр. 109—112; О. В. Милорадович. Новые археологические находки в Грозненской области, стр. 132—134; М. М. Гусейнов. Кремневый нож из коллекции музея истории Азербайджана. Труды Музея истории Азербайджана, т. I, Баку, 1956, стр. 39—42.

³⁹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, рис. 57, 1, 3, 5—7; 80, 6; Е. К. Черныш. Трипольские орудия труда с поселений у с. Владимировки. КС ИИМК, XL, 1951, рис. 24, 3, 5, 6; С. Н. Бибииков. Ранне-трипольское поселение Лука Врублевская на Днестре, стр. 84—91; М. Макаренко. Мариупольский могильник, стр. 34—38; А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении, стр. 52—80.

данная находка представляет собой превосходный экземпляр ножа — остря или ножа с суживающимся концом (рис. 50)⁴⁰.

Исключительно важное значение и совершенно особенный интерес среди инвентаря стоянки Малин-карат представляют находки керамики, — древнейшей из известных в настоящее время в Дагестане. Здесь

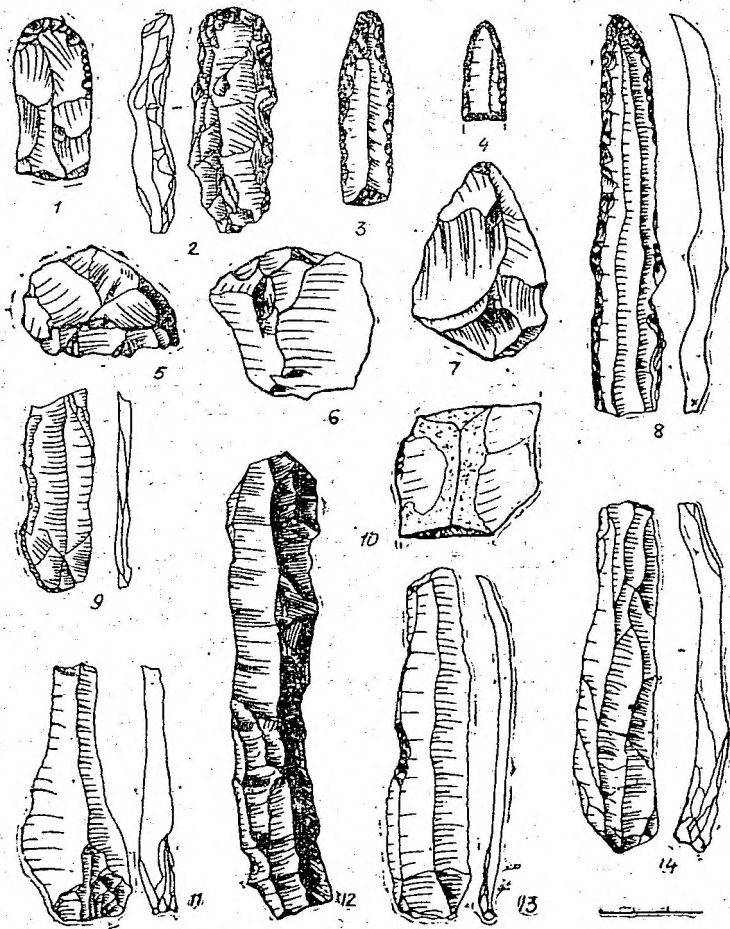

Рис. 48. Неолитический инвентарь Ругуджинских стоянок Малин-карат (2, 5—8, 10, 12, 14), Мучу-бахал-бакли (1, 3, 4) и Архинда (9, 11). (1, 2 — скребки, 3, 4, 8 — остря на концах ножевидных пластин, 5—7 — отщепы, 9—14 — пластины).

⁴⁰ Оно найдено М. А. Хизроевым неподалеку от сел. Хунзах и долгое время хранилось у Д. М. Атаева. Пользуюсь случаем выразить им благодарность за любезное разрешение опубликовать эту находку.

найлены довольно крупные обломки двух сосудов, изготовленных вручную из грубого теста с большим количеством примесей, главным образом, крупноистолченных оболочек сферосидеритов. Обжиг слабый. Судя по форме сохранившихся обломков, они принадлежат крупному горшку и чаше.

Форма горшка несколько напоминает биконическую (рис. 49, 1, 2). Дно не сохранилось. Его верхняя часть отличается сравнительно тонким профилем, заканчивающимся слегка уплощенной закраиной. Наружная поверхность верхней части сосуда заглажена и орнаментирована рядом круглых сквозных отверстий, располагавшихся под венчиком на равном расстоянии друг от друга. Отверстия проделывались изнутри сосуда до его обжига. Выдавленная глина, имевшая характерные, как бы рваные края, не счищалась с наружной поверхности сосуда. После обжига она образовывала на ровной поверхности сосуда своеобразное кольцо, обрамлявшее каждое из отверстий.

Ниже перегиба тулова наружная поверхность не заглажена. Она отличается сильной бугристостью, возможно, образовавшейся вследствие того, что эта часть сосуда осталась недостаточно незаглаженной и сохраняла неровности теста, либо, что тоже весьма вероятно, низ горшка был специально обмазан жидкой глиной. Наружная поверхность желтоватого, местами — желтоватобурого цвета, внутренняя — темно-серая, почти черная.

По совокупности технологических признаков (характер теста, толщина черепка, степень обжига, цвет поверхностей) описанные фрагменты обнаруживают значительное сходство с керамикой неолитических стоянок Одиши⁴¹, Нижнешиловский и Анесеули⁴². Что же касается орнаментации описываемого сосуда рядом сквозных круглых отверстий, то этот декоративный прием, насколько нам известно, в столь раннее время за пределами Дагестана пока не встречен.

Второй сосуд представлял собой, по-видимому, глубокую чашу со слегка выпуклыми стенками и округлым или несколько уплощенным дном. Ее края чуть загнуты внутрь, закраина слегка уплощена. Наружная поверхность тщательно заглажена. Цвет обеих поверхностей — охристо-красный. Обжиг недостаточный. Поверхности «пачкающие». Аналогии этой керамики в неолитических комплексах нам не известны.

---

⁴¹ Это сходство было отмечено А. Н. Каландадзе, лично ознакомившимся с фрагментами описываемого сосуда в октябре 1956 г. в гор. Ереване во время Кавказской археологической конференции.

⁴² Благодаря любезности А. Д. Столяра автор имел возможность ознакомиться с хранящимися в Государственном Эрмитаже коллекциями керамики из Нижнешиловской стоянки и образцами керамики стоянки Анесеули. Пользуюсь случаем выразить А. Д. Столяру свою признательность.

В обнажении культурного слоя стоянки найдены две кости домашнего быка (*Bos taurus* L.)⁴³.

7. СТОЯНКА МУЧУ-БАХИЛ-БАКЛИ

Стоянка находится на склоне водораздельного хребта, ограждающего с запада долину р. Багар-ор, и приурочена к оконечности небольшого скалистого отрожка, покрытого густым сосновым лесом. В 1957 году на стоянке было заложено несколько разведочных раскопов общей площадью около 36 кв. м.

В раскопках прослежена следующая стратиграфия слоев.

1. Гумусный слой . . . . . 0,05—0,2 м
2. Рыхлый желтовато-серый суглинок с культурными остатками . . . . . 0,3—0,5 м
3. Плотный желтоватый суглинок . . . . . материк

В культурном слое встречается кремень, мелкие фрагменты керамики, древесные угольки. Кости животных не обнаружены. Насыщенность слоя культурными остатками крайне незначительна. Всего на исследованной площади найдено более 40 кремней, преимущественно — отходов производства и около 20 мелких обломков керамики, аналогичной обнаруженной на стоянке Малин-крат. Законченные орудия представлены двумя остриями на конце коротких ножевидных пластин (рис. 48, 3, 4) и концевым скребком (рис. 48, 1), аналогичными соответствующим изделиям из вышеописанного памятника. Здесь также найдена небольшая терка, изготовленная из небольшой песчаной гальки (рис. 49, 3).

Сходство инвентаря, особенно кремневых орудий и керамики, свидетельствует о синхронности обоих памятников.

8. СТОЯНКА АРХИНДА

Стоянка Архинда расположена на том же склоне горы, что и вышеописанная стоянка Мучу-бахил-бакли, примерно на 250—300 м ниже нее. Она занимает небольшую лесную поляну, с трех сторон окруженную лесом, а с четвертой — восточной — ограниченную крутым склоном глубокого ущелья, в котором течет небольшой безымянный поток, впадающий в р. Багар-ор.

Разведочными раскопками исследована площадь размерами около 40 кв. м., где прослежена следующая стратиграфия слоев.

1. Гумусированный суглинок со сланцевой щебенкой . . . . . 0,1—0,2 м
2. Желтоватая прослойка, обильно насыщенная сланцевой щебенкой . . . . . 0,03—0,12 м

⁴³ Определения Н. К. Верещагина.

3. Желтовато-серый суглинок с культурными остатками . 0,13—0,33 м
 4. Плотный желтоватый суглинок материк
 Насыщенность культурного слоя стоянки столь же незначительна, что и у двух ранее описанных. Инвентарь представлен небольшим количеством кремня (46 экз.), представляющего собой преимущественно

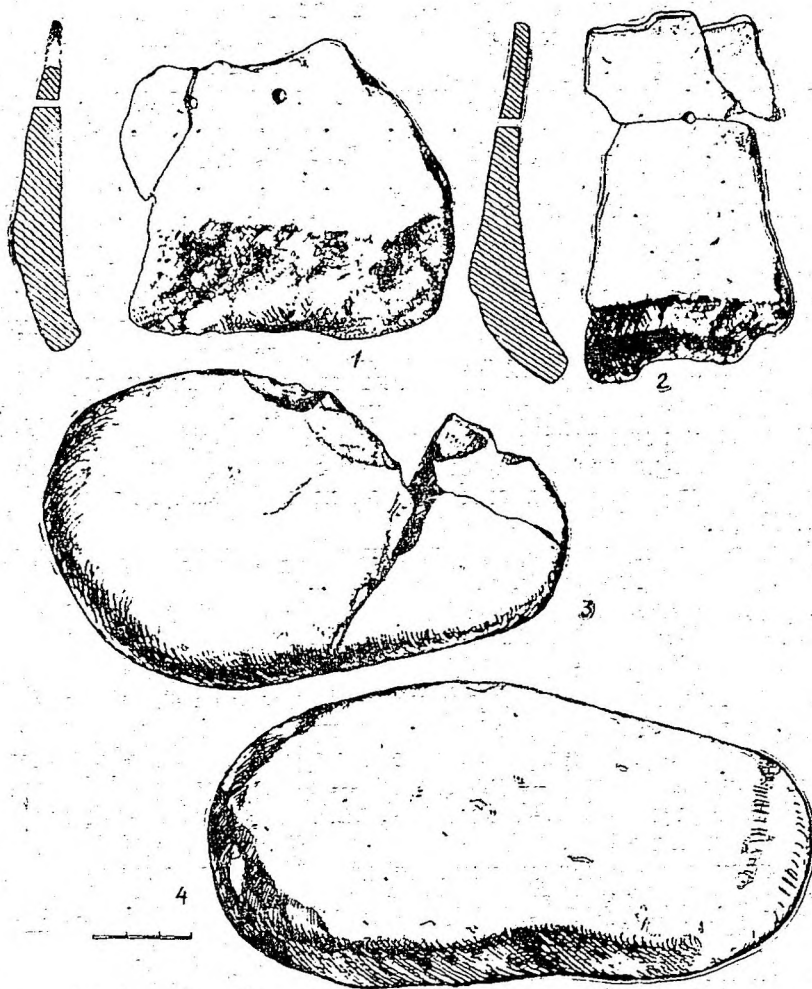

Рис. 49. Неолитический инвентарь Ругуджинских стоянок Малин-крат (1, 2, 4) и Мучу-бахил-бакли (3). (1, 2 — фрагменты керамики; 3, 4 — песчаниковые терки).

отходы производства и 11 мелкими обломками керамики. Кости животных отсутствуют. В культурном слое встречены следы кострища, много древесных угольков, остатки золы.

Кремневый инвентарь стоянки Архинда состоит, главным образом из сечений и обломков ножевидных пластин, крупных обломков и мелких осколков кремня, свидетельствующих о его обработке здесь же на месте. Кроме того встречаются правильные ножевидные пластины (рис. 48, 9, 11) и отщепы, иногда обработанные тщательной заостряющей ретушью (рис. 48, 9). Для изготовления орудий на всех Ругуджинских стоянках употреблялся привозной качественный меловой кремнь. Судя по особенностям расщепления и обработки кремня, стоянка Архинда хронологически и в культурном отношении близка стоянкам Малин-карат и Мучу-бахил-бакли. Это становится еще более очевидным при сравнении керамики. Сильно фрагментированная керамика стоянки Архинда по технологическим признакам: качеству теста, степени обжига, обработке и цвету поверхностей, совершенно аналогична керамике обоих названных выше памятников. К сожалению, отсутствие выразительных фрагментов не дает возможности судить о формах бытовавших здесь сосудов.

Материалы Ругуджинских стоянок, несмотря на их бедность выразительными находками, представляют немаловажный интерес прежде всего потому, что они документируют окончательное исчезновение микролитовидных элементов из кремневого инвентаря. Аналогичная картина характерна и для инвентаря поздненеолитических памятников Черноморского побережья Кавказа⁴⁴, что позволяет видеть в ней проявление общих для всего Кавказа закономерностей в развитии кремневой индустрии на заключительном этапе неолитической эпохи.

Особенно важное значение среди материалов Ругуджинских стоянок имеют, на наш взгляд, находки керамики. Судя по ним, в конце V тыс. до н. э. в горном Дагестане бытовала керамика, орнаментированная горизонтальными рядами сквозных отверстий и обмазанная в нижней части тулова жидкой глиной. Оба эти приема, насколько нам известно, не получили сколько-нибудь значительного распространения в керамическом производстве за пределами Северо-Восточного Кавказа, особенно, Дагестана, ни в неолите, ни в последующую эпоху меди и бронзы.

Что же касается Дагестана, то прием обмазки тулова сосудов жидкой глиной широко практиковался здесь, начиная с энеолитической эпохи, придавая керамическим комплексам медно-бронзового века специфическое, локальное своеобразие⁴⁵. То же самое следует сказать и

⁴⁴ А. А. Формозов. О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа, стр. 138—139.

⁴⁵ В. Г. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана. МАД, т. I, Махачкала, 1959, стр. 129, 134.

об орнаменте в виде горизонтальных рядов проемных отверстий, время бытования которого в дагестанских керамических комплексах до сих пор определялось в рамках энеолита и ранней бронзы⁴⁶.

Материалы Ругуджинских стоянок документируют, таким образом, глубокую древность и специфически местный облик отмеченных особенностей обработки керамики. А это, в свою очередь, позволяет по-новому подойти к освещению вопроса о роли местного этнокультурного субстрата в формировании дагестанского варианта кавказской энеолитической культуры. Становится очевидным, что некоторые элементы дагестанского энеолита уходят своими корнями в местную неолитическую среду.

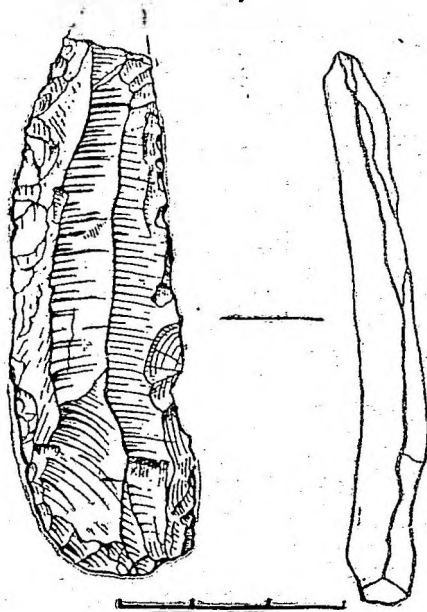

Рис. 50. Неолитический кремневый нож — острье из окрестностей сел. Хунзах.

⁴⁶ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, № 68, 1958, рис. 4, 1, 2; Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ с. Карабудахкент. Там же, рис. 3, 3. Керамика с подобным же орнаментом известна, кроме того, по находкам на Мамайкутанском и Мекегинском энеолитических поселениях, на верхнем Сигитминском поселении эпохи ранней бронзы и в ряде других дагестанских памятников эпохи меди и бронзы.

Таким образом, мы получаем первые доказательства существования генетической преемственности между позднеолитической и энеолитической культурами Дагестана и, по-видимому, всего Северо-Восточного Кавказа в целом. Как известно, существование подобных связей между местными культурами энеолита и бронзы считается доказанным⁴⁷. В свете этих данных совершенно по-новому вырисовывается картина непрерывного культурного и, очевидно, этнического развития местных племен на протяжении значительного хронологического отрезка. Небезынтересно отметить, что некоторые элементы культуры, возникнув в позднем неолите, просуществовали, развиваясь, вплоть до эпохи средней бронзы (орнаментация сосудов рядами сквозных отверстий) и даже до эпохи раннего железа (обмазка сосудов жидкой глиной)⁴⁸.

Основываясь на этом, можно заключить, что начало формирования местного этнического субстрата восходит на Северо-Восточном Кавказе и, в частности, в Дагестане по крайней мере к позднему неолиту.

* *
*

В заключение данной главы подведем некоторые итоги. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы, несмотря на их фрагментарность, устанавливают, прежде всего, заселенность значительной части территории Дагестана в продолжение неолитической эпохи. Помимо этого, они позволяют охарактеризовать основные закономерности культурно-исторического процесса на данной территории в рассматриваемую эпоху.

Сравнительное изучение имеющихся материалов показывает, что культура неолитического населения Дагестана развивалась теми же путями, что и в других областях Кавказа.

Ранний неолит характеризуется расцветом микролитовидной техники, воспринятой от предшествующей тарденуазской эпохи. В то же время в инвентаре дагестанских раннеолитических стоянок появляются совершенно новые, типично неолитические формы орудий, в частности, клиновидные топоры с подшлифованным лезвием. Появление тесловидных топоров весьма симптоматично, особенно если учесть важную роль

⁴⁷ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 92—93; Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 170; и-х же. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. Курганная группа у ст. Манас. СА, XXVI, 1956, стр. 192—193; М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961, стр. 165; В. И. Каневец. Миатли—новый памятник бронзового века в северном Дагестане. МАД, т. 1, Махачкала, 1959, стр. 50—51; В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. Ученые записки ИИЯЛ. Дагфилиала АН СССР, т. VIII, Махачкала, 1960, стр. 339; В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, стр. 35—36; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 95—97.

⁴⁸ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Указ. соч., стр. 334—350.

этого орудия в развитии производительных сил первобытного человека в неолите.

Известно, что топор, как специализированная форма орудия труда, широко распространяется с переходом к оседлости, когда возникает необходимость в строительстве долговременных жилищ, в расчистке участков для строительства, в заготовке строительных материалов. Говоря об этом, необходимо иметь в виду, что оседлый образ жизни был возможен в древности лишь при условии существования земледельческого или рыболовецкого хозяйства. В Дагестане же, за исключением узкой полосы вдоль побережья Каспия и у устьев впадающих в него стремительных горных рек, отсутствуют условия для развития рыболовства как основной отрасли хозяйства. Следовательно, прочная оседлость здесь могла возникнуть только в условиях существования земледельческого или земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Таким образом, появление каменных топоров в инвентаре дагестанских ранне-неолитических стоянок может служить указанием на какие-то изменения в хозяйственной деятельности их обитателей. С учетом вышеизложенного мы вправе расценивать этот факт как первое свидетельство начавшегося в раннем неолите перехода от присваивающего охотничье-собирающего хозяйства к более высокому — производящему хозяйству, основанному на первобытном земледелии и, вероятно, скотоводстве. В условиях существования земледельческого хозяйства топор играет исключительно важную роль не только в строительстве, но также и для расчистки земельных участков под пашни, при подсечно-огневой системе земледелия и т. п.⁴⁹ Тесловидные каменные топоры, типа найденных в Дагестане, могли по-видимому использоваться также и для рыхления почвы.

Правомерность подобной оценки отмеченных фактов подтверждается материалами дагестанских памятников развитого и позднего неолита. В кремневом инвентаре этих памятников совершенно исчезают микропластинки, игравшие, как мы помним, исключительно важную роль в оснащении охотничьего вооружения. Их место занимают крупные удлиненные пластины и изделия из них.

Не вызывает сомнений, что столь резкая ломка многовековых традиций в развитии кремневой индустрии могла произойти лишь под влиянием исключительно серьезных причин, и в первую очередь, существенных, кардинальных изменений в хозяйственной деятельности. Отмеченная особенность свойственна также кремневому инвентарю целого ряда неолитических памятников Кавказа и других областей юга нашей страны и сопредельных стран, где на смену охотничье-собирающему хозяйству пришло земледелие. В то же время в других об-

---

⁴⁹ Г. Кларк. Доисторическая Европа (Экономический очерк). М., 1953, стр. 102; Ю. Липс. Происхождение вещей. М., 1954, стр. 109; М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры, М., 1957, стр. 70—71.

ластях, где не было благоприятных условий для развития земледелия и либо сохранялось охотничье-собираческое хозяйство, либо (как, например, в Крыму) его заменили рыболовство и скотоводство, традиционная микролитоидная техника продолжает существовать, развиваясь, вплоть до эпохи бронзы⁵⁰.

Следовательно, наблюдаемая в дагестанских памятниках смена микролитоидного инвентаря новым, в котором основная роль принадлежит крупным ножевидным пластинам и макролитическим рубящим орудиям (тесловидные топоры, орудия типа пик и др.), не является случайным, изолированным явлением, а представляет собой вполне закономерный для целого ряда областей этап в развитии кремневой индустрии. Это явление, очевидно, следует рассматривать как археологическое свидетельство перехода неолитического населения этих областей к производящему земледельческому и земледельческо-скотоводческому хозяйству.

Роль топора в этом процессе отмечалась выше. Наряду с этим видом орудий, важное значение в зарождающемся земледельческом хозяйстве приобретают также удлинённые кремневые пластины, обычно в большом количестве представленные в инвентаре ранне-земледельческих памятников юга нашей страны и сопредельных областей.

Как установлено специальными исследованиями, значительная часть их использовалась в качестве жатвенных ножей⁵¹, либо вкладышей для составных серпов⁵². Известны и находки подобных серпов, оснащенных необработанными кремневыми пластинками⁵³. В свете этих данных становится очевидным, что ножевидные пластины, широко использовавшиеся в предшествующие периоды каменного века в качестве режущих инструментов, приобретают в неолите совершенно новую функцию. Их важная роль в земледельческо-скотоводческом хозяйстве определялась потребностью в жатвенных ножах как при уборке урожая зерновых⁵⁴, так и при заготовке кормов для скота⁵⁵. По-видимому, именно этим объясняется широкое распространение крупных ножевидных пластин в кремневом инвентаре неолитических памятников юга и вытеснение ими многих других форм кремневых орудий.

⁵⁰ А. А. Формозов. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? СА, 1957, № 4, стр. 67, 71; его же. Микролитические памятники Азиатской части СССР. СА, 1959, № 2, стр. 56, 57; его же. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, стр. 86—87.

⁵¹ С. А. Семенов. Жатвенные кремневые ножи из поздненеолитического поселения Лука Врублевская. СА, XI, 1949, стр. 151—154; его же. Первобытная техника, стр. 142—150.

⁵² В. М. Массон. Джейтун и Кара-деше. СА, 1957, № 1, стр. 146; С. Н. Бибииков. Из истории каменных серпов на Юго-Востоке Европы. СА, 1962, № 3.

⁵³ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская, стр. 88; Всемирная история, Т. 1, М., 1955, стр. 126, рис. 2; см. также R. J. Braidwood. *Jatno village of early farmers in Irak*. «Antiquity», 1950, № 96, pp. 189—195.

⁵⁴ С. А. Семенов. Первобытная техника, стр. 149—150.

⁵⁵ Г. Кларк. Указ. соч., стр. 133—134.

Таким образом, ножевидная пластина, использовавшаяся в качестве жатвенного ножа или вкладыша составного серпа, представляет собой древнейший тип жатвенного орудия, получившего широкое, если не повсеместное распространение в раннеземледельческих неолитических культурах юга. Лишь с течением времени она уступила свое место более совершенной, специализированной форме кремневого вкладыша, обработанного отжимной двусторонней ретушью. Как известно, на Кавказе и, в частности, в Дагестане, подобные вкладыши получили широкое распространение в последующую энеолитическую эпоху⁵⁶.

Возвратимся к рассмотрению дагестанских материалов. Совокупность приведенных выше археологических данных позволяет заключить, что население Дагестана в продолжение неолитической эпохи постепенно перешло к производящему хозяйству, основанному на земледелии и скотоводстве. В этой связи необходимо подчеркнуть, что в настоящее время мы почти совершенно не располагаем остеологическими материалами, которые могли бы пролить свет на характер дагестанского неолитического животноводства. Разведение крупного рогатого скота подтверждается находками костных остатков домашнего быка на Ругуджинской стоянке Малин-карат. Представляется вполне вероятным, что дагестанским неолитическим племенам было известно и овцеводство, также являющееся одной из древнейших отраслей скотоводства⁵⁷. Косвенным подтверждением этому могут служить данные языкознания, в соответствии с которыми в словарном фонде дагестанского праязыка (существовавшего, по мнению специалистов-языковедов, не ближе III тысячелетия до н. э.⁵⁸) имелись слова, специально обозначающие овцу и козу⁵⁹.

Заключению о неолитической древности производящего земледельческо-скотоводческого хозяйства в Дагестане не противоречат и данные естественных наук. Близкие современным, естественно-географические условия неолитического Дагестана благоприятствовали развитию земледельческо-скотоводческого хозяйства во всех зонах. Его сухой континентальный климат с достаточным количеством осадков в вегетационный период⁶⁰ обеспечивал нормальное развитие и созревание растений. Несмотря на сильно пересеченный рельеф, в Дагестане было достаточно по тому времени удобных для возделывания естественно-выровненных площадей — плато и древних речных террас с плодородными горнолу-

⁵⁶ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э. рис. 3, 1, 2; В. Г. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана. МАД, т. 1, Махачкала, 1959, рис. 4, 3, 4, 6.

⁵⁷ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. МИА. № 91, 1960, стр. 133—134.

⁵⁸ Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, стр. 17.

⁵⁹ Там же, стр. 9.

⁶⁰ К. Гюль, С. Власова, И. Кисин, А. Тертеров. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959, стр. 110.

говыми черноземновидными и наносными аллювиальными почвами⁶¹. При этом многие из них располагаются у оснований горных склонов и отдельных краяхей и благодаря этому аккумулируют на своей поверхности илистые наносы, стекающие со склонов во время дождей и таяния снегов. Подобные участки с естественно-восстанавливаемым плодородием почвы были наиболее удобными для так называемого лиманного земледелия, — одной из начальных форм возделывания растений, «если не единственной», как отмечает Ю. Ф. Новиков⁶². Лиманное земледелие не требовало ни обязательной обработки почвы, ни искусственного орошения, осуществлять которое в условиях первобытного строя было крайне трудно. Посевы на лиманных участках производились путем простого разбрасывания зерен злаков по их влажной поверхности вскоре после того, как с них сойдет вода⁶³.

В завершение нашей характеристики отметим, что в горном Дагестане произрастают некоторые эндемические сорта злаков, в частности, ячменя⁶⁴, которые могли быть использованы первобытными земледельцами.

Богатые пастбищные угодья⁶⁵ стимулировали развитие скотоводства.

В целом, естественно-географические условия Дагестана, и особенно его горных районов, обнаруживают близость с соответствующими условиями древнейших очагов земледельческой культуры в Закавказье и Передней Азии⁶⁶.

Суммируем сказанное. Имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы документируют глубокую, восходящую к неолитической эпохе, древность дагестанского земледелия и скотоводства. Основываясь на этом, мы можем поставить Дагестан в один ряд с древнейшими очагами земледельческой культуры на территории нашей страны и в первую очередь с сопредельными районами Закавказья⁶⁷.

⁶¹ Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской С. С. Республики. Даггиз, 1926, стр. 88—89; А. С. Солдатов. Почвы горных пастбищ Гунибского и Лакского районов Дагестанской АССР. Тр. отд. почвоведения Дагфилиала АН СССР, т. III, Махачкала, 1956, стр. 30—78.

⁶² Ю. Ф. Новиков. О возникновении земледелия и его первоначальных формах. СА, 1959, № 10, стр. 41.

⁶³ Там же, стр. 40—41.

⁶⁴ К. Т. Енин. Зерновые культуры Дагестана. В сб. «Сельское хозяйство Дагестана», М.—Л., 1946, стр. 74.

⁶⁵ Е. В. Шифферс. Природная кормовая растительность горного Дагестана. В сб. «Сельское хозяйство Дагестана». М.—Л., 1946, стр. 183, 187—208; Л. Н. Чиликина. Очерк растительности Дагестанской АССР и ее природных кормовых угодий. В сб. «Природная кормовая растительность Дагестана», Махачкала, 1960, стр. 8—83; Л. Н. Чиликина, Н. Д. Унчиев. Материалы к кормовой характеристике основных типов пастбищ и сенокосов Дагестана. Там же, стр. 89—147.

⁶⁶ П. М. Жуковский. Культурные растения и их сородичи. М., 1950, стр. 13, 23—24.

⁶⁷ В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. Ученые записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. IX, Махачкала, 1961, стр. 282—284, 296.

Становится также очевидным, что переход местных племен к производящему земледельческо-скотоводческому хозяйству не является следствием заимствования его у энеолитических пришельцев из Куро-Аракского междуречья, как можно было предполагать до сих пор. Возникновение производящего хозяйства в Дагестане, очевидно, было обусловлено общим для всего Кавказа подъемом производительных сил в неолите, вызвавшим в ряде его областей переход к оседлому образу жизни, основанному на земледелии и скотоводстве⁶⁸.

---

⁶⁸ А. Я. Брюсов. Археологические данные об экономике доклассового общества. СА, XXV, 1956, стр. 40, 48—49; Н. З. Бердзенишвили (Киладзе). К истории первобытного земледелия в Грузии, стр. 298—299; А. П. Окладников. Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в СССР. СА, 1957, № 4, стр. 21.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Планомерное изучение культур каменного века началось в Дагестане, как и повсеместно на Кавказе, лишь после установления Советской власти. Основную, решающую роль в этом изучении сыграли работы археологической экспедиции Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

До начала этих работ материалы по каменному веку Дагестана, как, впрочем, и всего Восточного Кавказа в целом, ограничивались мустьерским отщепом из окрестностей пос. Геджух Дербентского района (находка М. З. Паничкиной в 1939 г.) и находками на Гарнаирской неолитической стоянке в окрестностях г. Махачкалы (сборы В. И. Марковина в 1948—1954 гг.).

В горных районах Дагестана наиболее древними достоверными следами человеческой деятельности являлись могильники так называемой каякентско-хороцоевской культуры эпохи поздней бронзы (вторая половина II тыс. до н. э.). При этом не исключалась возможность выявления здесь памятников более ранних этапов эпохи меди и бронзы. Однако вопрос о заселении территории горного Дагестана в каменном веке в то время не ставился вообще. Таким образом, каменный век Дагестана и всей восточной половины Кавказа практически оставался до недавнего времени совершенно неизученным¹.

В итоге работ, проведенных Дагестанской археологической экспедицией в 1953—1959 гг., в Дагестане стало известно более 30 местонахождений и стоянок, относящихся к различным эпохам каменного века. Материалы вновь выявленных памятников документируют глубокую, восходящую к ашельской эпохе, древность появления нижнепалеолитических общин на территории Дагестана (включая его горные районы), свидетельствуют, несмотря на отсутствие ряда звеньев, о непрерывавшейся деятельности здесь первобытного человека в последующие эпохи палеолита, мезолита и неолита.

¹ С. Н. Замятин. Изучение палеолитического периода на Кавказе за 1936—1948 гг. «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, М.—Л., 1950, стр. 136.

С выявлением памятников каменного века в Дагестане ликвидируется еще одно «белое пятно» на археологической карте Кавказа. Становится очевидным, что мы имеем дело с новым очагом распространения культур каменного века на Кавказе, пока единственным для его восточной части². Этот очаг, который, очевидно, будет правильнее всего называть «дагестанским», функционировал с нижнепалеолитической эпохи до конца неолита.

Важность дагестанского очага определяется не только наличием здесь разновременных и, по-видимому, многочисленных памятников интересующей нас эпохи, но также, и главным образом, расположением Дагестана на одной из важнейших коммуникаций древности. Эта особенность, отмеченная в свое время А. С. Уваровым, приобретает сейчас особый интерес в связи с новой трактовкой ряда важных вопросов, связанных с изучением путей заселения Юго-Восточной Европы в палеолите³, формированием некоторых специфических черт в верхнепалеолитических и мезолитических культурах этой области и др.⁴ В связи с этим акцентируется важная роль Кавказа, как связующего, передаточного звена между палеолитическими культурами Юго-Восточной Европы и Восточного Средиземноморья.

Рассматривая дагестанские культуры нижнего и верхнего палеолита, а также последующих эпох каменного века в данном аспекте, следует подчеркнуть, что все они обнаруживают значительное сходство с синхронными культурами Закавказья и (вероятно, через них) Восточного Средиземноморья. С другой стороны, в них прослеживается немало общего с соответствующими культурами более северных областей, и в первую очередь, — Северного Кавказа и Крыма. Основываясь на этом можно заключить, что западное побережье Каспия служило одним из проходивших через Кавказ путей расселения первобытного человека в нижнем палеолите, не потерявшим своего связующего значения и в последующие эпохи каменного века. Таким образом, важная роль при-

² Обнаруженные в последние годы памятники каменного века в Азербайджане территориально тяготеют к его западной части. Они образуют вместе с известными в прилегающих районах Грузии и Армении следами человеческой деятельности новый очаг распространения нижнепалеолитической культуры в центральном Закавказье, получивший название «удабинского» (см. В. П. Любин. К вопросу об изучении древнего палеолита Азербайджана. «Вопросы антропологии», вып. 3, изд. МГУ, 1960, стр. 102, рис. 2). Поэтому вряд ли будет правильным рассматривать эти памятники как восточно-кавказские.

³ В. П. Любин. Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества. СА, XXVII, 1957, стр. 90; С. Н. Бибииков. Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита. СА, 1959, № 4, стр. 19—28.

⁴ А. Н. Рогачев. Погребение древнекаменного века на стоянке Костеки XIV. СЭ, 1955, № 1, стр. 29—38; Г. Ф. Дебец. Палеоантропологические находки в Костенках. Там же, стр. 43—53; П. Ефименко. Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья. СА, 1960, № 4, стр. 24—25; А. Д. Столяр. Первый Васильевский мезолитический могильник. «Археологический сборник», вып. 1, Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1959, стр. 138—141.

каспийского пути, как одной из основных «транскавказских» магистралей древности, связывавшей Юго-Восточную Европу с Передней Азией, определилась не в эпоху меди и бронзы, как это можно было предполагать до сих пор (в связи с передвижением с юга энеолитических племен Куро-Аракского междуречья и катакомбных племен — с севера), а значительно раньше, — с эпохи нижнего палеолита.

Разновременность материалов, происходящих из известных в настоящее время памятников каменного века Дагестана, несмотря на отсутствие ряда звеньев в общей цепи развития, все же может служить свидетельством заселенности Северо-Восточного Кавказа в продолжение значительного периода антропогена. Благодаря этому представляется редкая возможность проследить эволюцию культур каменного века на относительно небольшой территории в продолжение значительного хронологического отрезка, охарактеризовать культуры отдельных этапов, определить их связи и взаимоотношения с синхронными культурами сопредельных областей Кавказа и в целом юга нашей страны.

Следы ашельской культуры представлены здесь в данное время немногочисленными изделиями специфического «клектонского» типа из местонахождения Чумус-иниц в приморском Дагестане и единичными находками отщепов ашельского облика из его горных районов. Они документируют заселенность территории Дагестана по крайней мере со второй половины ашеля.

Более многочисленны памятники мустьерской эпохи, обнаруженные в равнинной (Чумус-иниц, Геджух), предгорной (Урцеки) и горной (Усишинская долина, озеро Кезеной-ам) зонах Дагестана. Данное обстоятельство, наряду с разновременностью (в пределах характеризуемой эпохи) выявленных памятников, может служить свидетельством широкого расселения и продолжительной деятельности мустьерцев на значительной части территории Дагестана.

Инвентарь мустьерских памятников Северо-Восточного Кавказа характеризуется наличием специфических «леваллуазских» приемов расщепления исходного материала и изготовлением орудий преимущественно из отщепов и пластин, при почти полном отсутствии двусторонних форм. Эти особенности свойственны также синхронным культурам Закавказья и сопредельных областей юга нашей страны и стран Восточного Средиземноморья. Представляется возможным видеть в них истоки близости верхнепалеолитических культур, бытовавших на этой обширной территории в последующем.

Ранний этап верхнепалеолитической культуры (хронологически соответствующей времени бытования ранней группы верхнепалеолитических стоянок Имеретии, выделенных С. Н. Замятниным) представлен немногочисленными изделиями нижнего слоя Чохской стоянки, несущими на себе пережиточно сохранившиеся черты мустьерской техники.

Средний этап верхнепалеолитической культуры пока не представлен в известных здесь в настоящее время археологических комплексах.

Поздний этап верхнепалеолитической культуры характеризуется многочисленными материалами трех слоев (V—III) Чохской стоянки, отражающими последовательные фазы ее развития, из которых ранняя соответствует времени стоянки Гварджилас-кльде, а поздние — времени Бармаксызской и Зуртакетской стоянок.

Кремневый инвентарь отличается обилием нуклевидных орудий и острий с притупленным краем (типа шательперрон, граветт и др.), придающих ему специфический ориньякский облик, столь свойственный верхнепалеолитическим культурам юга нашей страны и стран Восточного Средиземноморья. Эволюция инвентаря в последующие фазы данного этапа выражается в постепенном сокращении числа нуклевидных форм и острий с притупленным краем и возрастании количества микролитических изделий, представленных как различными типами геометрических вкладышей, так и, особенно, микропластинками.

Черты локального своеобразия культуры горного Дагестана в конце верхнего палеолита определяются наличием специфических форм орудий (орудия с зубчатым краем, рубящие орудия, трапециевидные микролиты и др.), не известных в синхронных памятниках Закавказья.

Сведения о верхнепалеолитической культуре равнинного Дагестана в настоящее время отсутствуют. Судя по находке чаши, изготовленной из кости мамонта (ст. Белиджи, Дербентский район), население этой зоны могло специализироваться в охоте на мамонтов, вследствие чего, облик его культуры должен в какой-то мере отличаться от того, что мы наблюдали в горных районах. Поэтому высказывать какие-либо прогнозы о возможном характере верхнепалеолитической культуры равнинного Дагестана в настоящее время было бы преждевременно.

Культура развитого мезолита, особенно полно представленная в материалах верхних слоев (II—I) Чохской стоянки и Ругуджинской стоянки в урочище Козьма-нохо, выросла на основе предшествующей верхнепалеолитической культуры. Она характеризуется исчезновением многих палеолитических типов изделий в инвентаре и подлинным расцветом микролитической вкладышевой техники. Основным типом вкладыша становится микролитическая пластинка правильной, почти стандартной формы. Геометрические микролиты единичны.

Аналогичная картина наблюдается в мезолитических слоях грота Сосруко, что позволяет считать отмеченные особенности присущими мезолиту всего Кавказа или, по крайней мере, его северной части.

Неолитические памятники известны в равнинной (Тарнаир), предгорной (Буйнакская стоянка) и горной (Акушинские и Ругуджинские стоянки) зонах Дагестана.

Раннеолитическая культура Дагестана, представленная материалами Буйнакской и Тарнаирской стоянок, характеризуется дальнейшим развитием микролитической техники, что указывает на ее генетическую связь с предшествующей культурой позднего мезолита. Качественно новыми являются типично неолитические орудия микролитических форм (клиновидные топоры с подшлифованным лезвием).

В позднем неолите (Акушинские и Ругуджинские стоянки) наблюдается почти полное исчезновение микролитического инвентаря, столь характерного для предшествующих эпох. Место правильной микропластины занимают крупные удлиненные пластины, их сечения и изготовленные из них орудия. Единичны находки геометрических вкладышей в форме сегментов, макролитических орудий типа пик.

Столь же резкая ломка многовековых традиций в развитии кремневой индустрии наблюдается также и в других областях юга нашей страны и сопредельных стран, в памятниках раннеземледельческой культуры. Становится очевидным, что отмеченная особенность является закономерным этапом в развитии кремневой индустрии, неолитических культур юга, знаменующим собой переход к производящему земледельческому или земледельческо-скотоводческому хозяйству.

Оценивая значение дагестанских материалов в целом, можно заключить, что они впервые документируют общность процесса культурно-исторического развития в восточной, центральной и западной частях Кавказа в различные эпохи каменного века, что еще сравнительно недавно не считалось достоверно установленным⁵.

Помимо этого, дагестанские материалы, наряду с материалами из других областей Кавказа, свидетельствуют о непрерывности культурно-исторического процесса на его территории с эпохи нижнего палеолита и вплоть до неолитической эпохи. Они впервые устанавливают генетическую преемственность в развитии кавказских культур эпохи верхнего палеолита и мезолита, мезолита и раннего неолита, что имеет немаловажное значение для более глубокого осмысления этнокультурных процессов, протекавших здесь в указанные эпохи.

Важное значение имеют наблюдения над эволюцией кремневого инвентаря, отражающей рост производительных сил древнейших насельников Дагестана, изменения их хозяйственной деятельности. Судя по ним, почти на всем протяжении каменного века ведущей отраслью хозяйства здесь, как и повсеместно, была охота.

На смену примитивным нижнепалеолитическим орудиям, предназначенным для изготовления деревянных орудий и разделывания туш убитых животных, приходит разнообразный верхнепалеолитический инвентарь, в котором встречаются уже специальные предметы охотничьего вооружения. В конце верхнего палеолита и в мезолите широко применяется метательное оружие, оснащенное микролитическими кремневыми вкладышами. Исключительно важное значение имело появление лука со стрелами.

Прослеживаемые изменения форм и типов орудий труда наглядно рисуют картину непрерывного, хотя и чрезвычайно медленного роста технической вооруженности первобытных охотников. Изменялись

⁵ С. Н. Замятин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Тр. ИЭ, нов. серия, т. XVI, М., 1951, стр. 121, рис. 10, карта.

и способы ведения охоты от коллективной загонной охоты в эпоху палеолита к индивидуальной охоте или охоте небольшими группами в конце верхнего палеолита и в мезолите.

В кремневом инвентаре дагестанских неолитических памятников нашло свое отражение важнейшее событие этой эпохи, — переход от присваивающего охотничьего хозяйства к производящему, земледельческо-скотоводческому. Новые материалы позволяют заключить, что знакомство населения Дагестана с земледелием не является следствием заимствования его у энеолитических пришельцев из Куро-Аракского междуречья, как можно было предполагать раньше. Становится очевидным, что возникновение производящего хозяйства в данной области было обусловлено общим для всего Кавказа подъемом производительных сил в неолите. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что новый тип хозяйства был присущ населению всего Дагестана, и особенно — его предгорных и горных районов, где имелись благоприятные условия древнейшего, так называемого «лиманного» земледелия.

Изучение разновременных культур каменного века открывает совершенно новую главу в истории Дагестана, обнимающую огромный промежуток времени. Она начинается со времени первого появления нижнепалеолитического человека в Дагестане и имеет своим содержанием характеристику последовательных этапов развития первобытного общества на Северо-Восточном Кавказе, его культуры, хозяйства и связей с населением соседних областей в различные эпохи каменного века. Благодаря этому наполняются конкретным содержанием древнейшие периоды истории Дагестана, существование которых до недавнего времени либо совершенно отрицалось, либо признавалось гипотетически, на основании находок каменного века в соседних областях Кавказа.

Следует особо подчеркнуть важность выявления памятников каменного века в горных районах, заселенных ныне коренными народностями Дагестана. Обнаруженные здесь в разных пунктах следы матерской культуры свидетельствуют о довольно широком расселении первобытного человека на значительной части территории горного Дагестана уже в конце эпохи нижнего палеолита. Верхнепалеолитические и мезолитические насельники этих мест накопили немалый опыт организации быта и ведения хозяйства в условиях горного рельефа; что находило свое отражение в умелом выборе мест для расположения стоянок, в специализации их хозяйства в охоте на горных баранов и козлов, в знакомстве с расположенными на большом расстоянии от стоянок месторождениями высококачественного мелового кремня и выходами минералов, употреблявшихся для изготовления красок и т. п. Все эти и некоторые другие факты свидетельствуют о том, что верхнепалеолитические и мезолитические племена не были случайными пришельцами в горах Дагестана, а являлись их постоянными обитателями. Накопленный в продолжение многих веков опыт производственной

деятельности в горных условиях, несомненно, помог неолитическим племенам постепенно перейти к новому земледельческо-скотоводческому производящему хозяйству.

Исключительно важное значение имеет устанавливаемая материалами Ругуджинских стоянок генетическая связь позднеолитической и энеолитической культур Дагестана. Благодаря этому представляется возможным относить начало формирования местного этнокультурного субстрата к позднему неолиту. Это заключение согласуется с новейшими данными сравнительно-исторического изучения дагестанских языков, в соответствии с которыми существование единого общедагестанского праязыка относится ко времени не ближе III тысячелетия до н. э.⁶

Первые итоги изучения каменного века в Дагестане показывают, какие широкие перспективы открываются здесь для дальнейшего развертывания работ в этом направлении. Есть все основания полагать, что новые сведения по каменному веку Дагестана значительно обогащают наши представления об этой эпохе, явятся новым вкладом в дело изучения древнейшего прошлого Кавказа и в целом юга нашей страны.

---

⁶ Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, стр. 17.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
БМОИП — Бюллетень Московского общества естествоиспытателей природы
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ДГУ — Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина
ДАН Аз. ССР — Доклады Академии наук Азерб. ССР
ДАН СССР — Доклады Академии наук СССР
ДАЭ — Дагестанская археологическая экспедиция Института истории, языка
и литературы Дагфалиала АН СССР
ДРКМ — дагестанский республиканский краеведческий музей
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
ИАН СССР — Известия Академии наук СССР
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИКОРГО — Известия Кавказского отделения Русского географического общества
ИРГО — Известия Русского географического общества
КС ИА АН Укр. ССР — Краткие сообщения Института археологии Академии
наук Укр. ССР
КСИА; КС ИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института истории материальной культуры (Института археологии) Академии
наук СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
СА — «Советская археология»
СЭ — «Советская этнография»
Тр. ГМГ — Труды Государственного музея Грузии
Тр. ЗИ АН СССР — Труды Зоологического института АН СССР
Тр. ИИ АН Аз. ССР — Труды Института истории АН Азерб. ССР
Тр. КИЧП — Труды комиссии по изучению четвертичного периода
Тр. НИИ Геогр. I МГУ — Труды Научно-исследовательского института географии
I Моск. университета
Тр. МАО — Труды Московского археологического общества
УЗ ЛГУ — Ученые записки ЛГУ
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>стр.</i>
Введение	3
Глава I. ОЧЕРК ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА ДАГЕСТАНА	9
Глава II. ЕСТЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ДАГЕСТАНА В ЧЕТВЕРТИЧНОМ ПЕРИОДЕ	18
Глава III. НИЖНИЙ ПАЛЕОЛИТ.	35
Местонахождения приморского Дагестана	36
1. Местонахождение Чумус-иниц	36
Ашель	39
Мустье	46
2. Местонахождение у совхоза им. Красных партизан (Геджух).	46
3. Тарнайрские находки	61
Местонахождения горного Дагестана.	67
4. Пещерная стоянка в урочище Кумрала-када	69
5. Местонахождение в урочище Унчала-ава	74
6. Местонахождение в урочище Сага-цука	77
7. Местонахождение в урочище Дигала-бек	82
8. Местонахождение в урочище Кабка	84
9. Местонахождение в урочище Баргиб-бекла-шури.	85
Глава IV. ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ.	99
1. Многослойная стоянка у сел. Чох.	100
а) Местоположение и стратиграфия	101
б) Кремневый инвентарь	129
2. Мезолитическая стоянка Козьма-нохо	162
а) Расположение и стратиграфия	163
б) Кремневый инвентарь и фаунистические остатки.	166
3. Мекегинская мезолитическая стоянка	169
4. Местонахождение верхнепалеолитических изделий в урочище Сага-цука	173
5. Белиджинская чаша из кости мамонта	176
Глава V. НЕОЛИТ	184
1. Буйнакская и Тарнайрская стоянки	184
Памятники Акушинского района.	189
2. Стоянка в урочище Сага-цука.	189
3. Стоянка Какала-кадала-хар	195
4. Кремневая мастерская в урочище Арачалла-бек	198
5. Кремневые мастерские в урочище Дузани	200
Ругуджинские стоянки.	203
6. Стоянка Малин-крат	204
7. Стоянка Мучу-бахил-бакли	207
8. Стоянка Архивда	207
Заключение	217

ВЛАДИМИР ГЕРАСИМОВИЧ КОТОВИЧ.

Каменный век Дагестана

Редактор Д. Атаев.

Техн. редактор Э. С. Геллер.

Художественный редактор М. А. Хизроев.

Сдано в набор 10/X-1963 г. Подписано в печать 26/XI-63 г.
Формат 70×92¹/₁₆. Объем 14 п. л. Усл. печ. л. 16,88. Тир. 600. СО3555. Зак. 647.
Цена 70 коп. Переплет 10 коп.

Типография Дагестанского филиала АН СССР
г. Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.

Цена 80 коп.